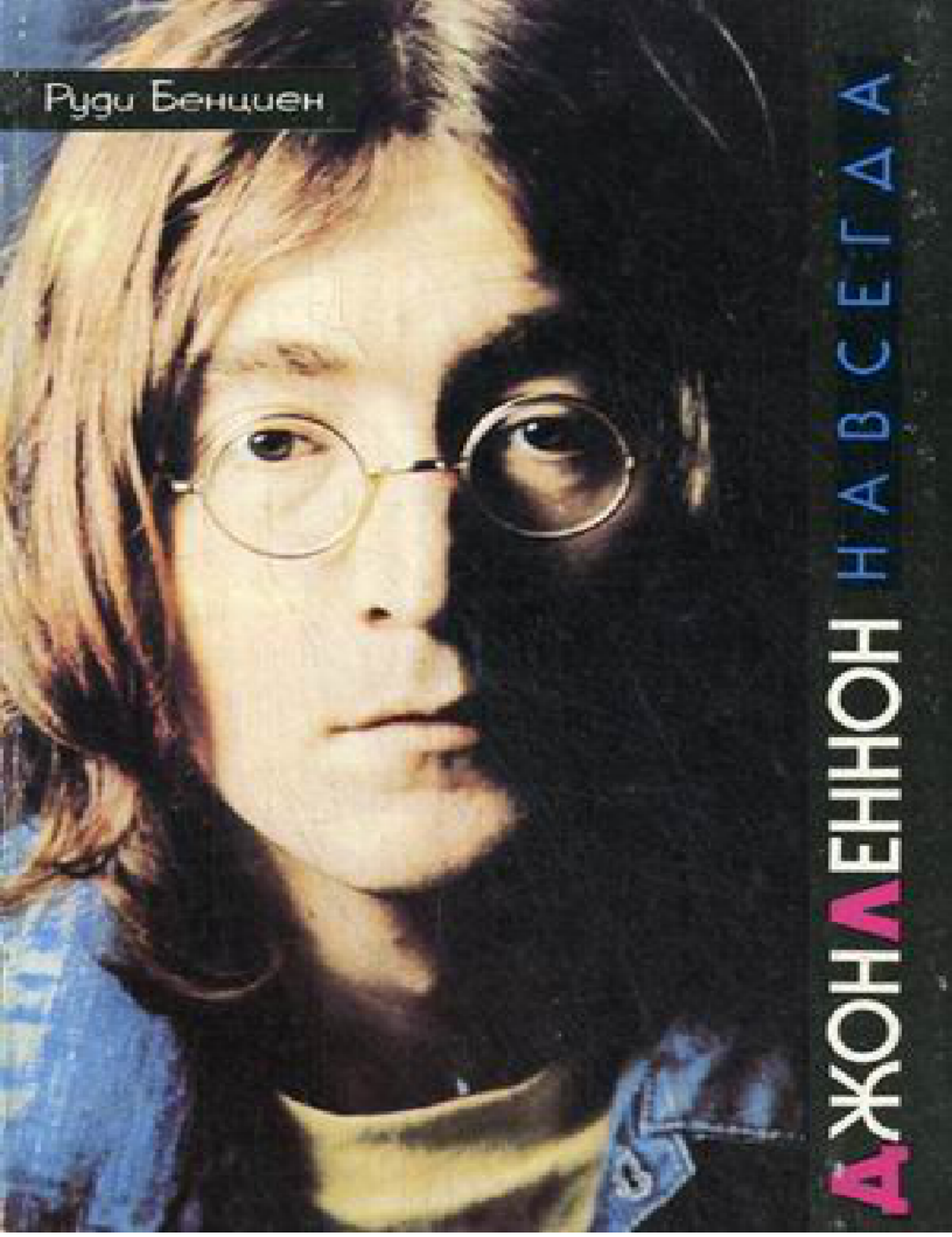

Руди Бенциен
ДЖОН ЛЕННОН НАВСЕГДА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

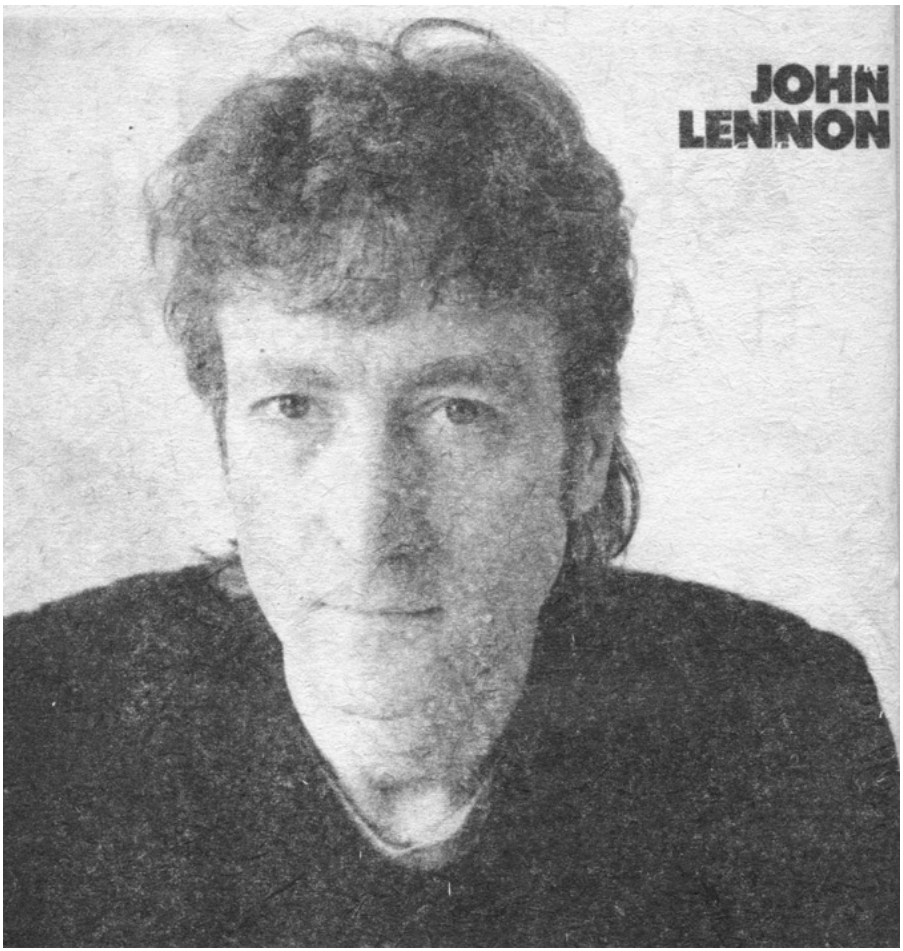
Чудовищная трагедия, разыгравшаяся в 1980 году поздним декабрьским вечером в Нью-Йорке, повергла в шок миллионы людей во всех странах мира. Бесстрастные газетные строчки первых информаций сухо сообщили о том, что пятью выстрелами в упор убит Джон Леннон. Все, кто знал и любил творчество этого человека, отказывались верить в случившееся. В это и до сих пор невозможно поверить. Ведь ставший легендой при жизни, один из создателей непревзойденных «Битлз», композитор, певец, поэт и общественный деятель Джон Уинстон Леннон — это явление мирового порядка. Это человек, который не может умереть, пока звучит с пластинок его живой, прекрасный голос. Миллионы поклонников убеждены: Джон Леннон — это НАВСЕГДА.

Эта книга, написанная в репортерском стиле, в хронологическом порядке повествует обо всех этапах жизни как самого Леннона, так и легендарного британского квартета. Иллюстрированная редкими снимками и фотокопиями документов, она содержит много малоизвестных фактов о судьбе одного из родоначальников рок-музыки. В конце книги помещен краткий перечень основных дат и событий из жизни Джона Леннона и «Битлз», дискография сольных произведений певца и всего ансамбля.

- Руди Бенциен
  -
  -
  - Смерть человека
  - Ливерпуль
  - Первый день в жизни Джона Уинстона Леннона
  - Родители
  - Тетя Мэри
  - На улицах между Пенни Лэйн и «Земляничными полями»
  - Лихорадка рок-н-ролла
  - Новая глава
  - Смерть матери
  - Разбег к успеху
  - Гамбург 1960: «Make show!»
  - Интерлюдия в Ливерпуле
  - От «Cry For A Shadow» до «Love Me Do»
  - Опьяненные успехом
  - Бремя славы

- «Я продал мою душу дьяволу…»
- Баллада о Джоне и Йоко
- Несбывшиеся надежды
- Начало конца
- «Новый» Джон
- В стране неограниченной свободы
- «Потерянный» уик-энд в Лос-Анджелесе
- Возвращение
- Время тишины
- Последний день
- Основные даты жизни и творчества Джона Леннона
- Дискография 1
- Дискография 2
- Указатель литературы
- Использованные иллюстрации

Руди Бенциен
Джон Леннон навсегда



Я посвящаю эту книгу поколению, которое сформировалось в шестидесятые годы в этой стране (ГДР — прим. пер.), слушая музыку «Битлз». Я благодарю всех, кто принимал участие в создании этой книги, особенно Тони Шеридана и моего друга Франца Йозефа Дегенхардта.

Берлин, 7 марта 1989 Руди Бенциен

В свою очередь мне бы хотелось посвятить работу над переводом этого произведения моим друзьям по факультету журналистики Ленинградского государственного университета,

учившимся вместе со мной с 1973 по 1978 год.

Санкт-Петербург, 1991 Андрей Мажоров

«Одно доставляет мне, конечно, много хлопот — объявится однажды какой-нибудь сумасшедший, и тогда один лишь Бог знает, что может произойти.

Какие угодно люди гоняются тут с оружием и играют в ковбоев. Они считают, что револьвер — это удлиненная рука…»

Джон Леннон (1965)

Смерть человека

8 декабря 1980 года, 23.45. В редакции «Нью-Йорк пост» стучит телетайп. Скучая, ночной редактор читает сообщение: «ИНФОРМАЦИЯ О ВЫСТРЕЛАХ В ЧЕЛОВЕКА. ЖЕРТВА ДОСТАВЛЕНА В ГОСПИТАЛЬ РУЗВЕЛЬТА. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ СВЕДЕНИЙ НЕТ». Ночная пальба в Нью-Йорке — это не сенсация. Сообщение — в корзине для бумаги.

Но когда чуть позже становится известно, в кого стреляли, новость мгновенно облетает земной шар — УБИТ ДЖОН ЛЕННОН!

Нью-Йоркские радиостанции прерывают свои программы и передают песни «Битлз». Перед последним домом Леннона — Дакота-билдингом — в глухом трауре тысячи фанов. Несколькими днями позже более ста тысяч страждущих собираются в Центральном парке, где не смолкает песня «Дайте миру шанс». 20 000 поклонников Леннона толпятся на площади Святого Джорджа в Ливерпуле. Пять часов подряд разные группы поют песни Джона, в колеблющемся зареве свечей бесконечно звучит знаменитый рефрен — «Дайте миру шанс».

Но происходит и другое: концерны грамзаписи, не медля ни минуты, начинают выгодную распродажу смерти Джона Леннона. Через три дня после убийства штампуются и выбрасываются на рынок 300 тысяч экземпляров «Представь себе» и «Счастливого Рождества /Война окончена/», к этому прибавляются сто тысяч пластинок «Дайте миру шанс» и «Баллада о Джоне и Йоко».

Что же это был за человек, чья смерть вызвала такую реакцию? Эгоцентрический клоун, гениальный художник или делец, продававший свои идеалы?

Многие считают его человеком, который всей своей сутью и необыкновенным талантом служил делу мира и борьбе с насилием.

Однако из предвзятого видения фанатов возникает нереальная, идеалистическая картина, которая имеет мало общего с истинной личностью Леннона. Попытка втиснуть его в рамки клише была бы несправедливой по отношению к его памяти.

Кто полагает, что его жизнь прошла исключительно под девизом «Все, что вам нужно, — это любовь» (песня «Битлз» — прим. пер.); кто видит в нем только борца за идею мира против войны, тот игнорирует, к примеру, все то насилие, которое обрушила на него общественная среда, насилие, на которое он должен был реагировать и к которому вынужден был

приспосабливаться.

В шоу-бизнесе с его жесткими правилами, в развлекательной индустрии, ориентированной на прибыль, всякий успех имеет свою цену. Джон Леннон оплатил ее сполна.

От необходимости приспосабливаться он часто страдал, но по-другому вести себя не мог. И тем удивительнее факт, что в этих обстоятельствах он развился в политически ангажированного художника, что особенно проявилось в песнях 1968—1973 годов. В них он объявил себя борцом за мир, поддержал движение за гражданские права в США, осудил американскую агрессию во Вьетнаме.

Неоспоримо то, что Джон Леннон был одаренным музыкантом и зонг-поэтом, которому поп-музыка обязана многим.

Трагическими были не только обстоятельства его смерти, но и то, что в конце жизни он потерял иллюзии и, усталый, отказался от политической борьбы, надеясь найти смысл бытия в маленьком личном мирке.

Ливерпуль

С началом индустриальной революции XVIII—XIX веков и расширением британской колониальной империи Ливерпуль стал важнейшим центром торговли хлопком. О том, какое бурное развитие получили город и порт, говорят такие цифры: с 5000 жителей в 1700 году население возросло до 119.000 в 1821 и до 552.508 в конце девятнадцатого столетия.

Население города на Мерси (река в Ливерпуле — прим. пер.) представляло собой поистине разноцветную смесь: англичане, валлийцы, ирландцы, чернокожие из заморских владений в Карибском бассейне, азиаты из дальневосточных колоний, индусы. Особенно заметное влияние на характер жителей этого города оказала мощная по численности ирландская группа населения. О ливерпульцах ходила слава, что они обладают особым сортом юмора, взрывной агрессивностью и склонностью к стихийным поступкам. Свойства, которые, очевидно, возникли не только из-за смешения представителей разных рас и народов, но в равной степени из-за тяжелых условий их существования.

К началу нашего столетия Ливерпуль был не только вторым по величине портом Англии, но и городом с развитой индустрией.

Ливерпуль. На заднем плане — великолепные строения

19-го века. Спереди — бездействующий портовый бассейн.

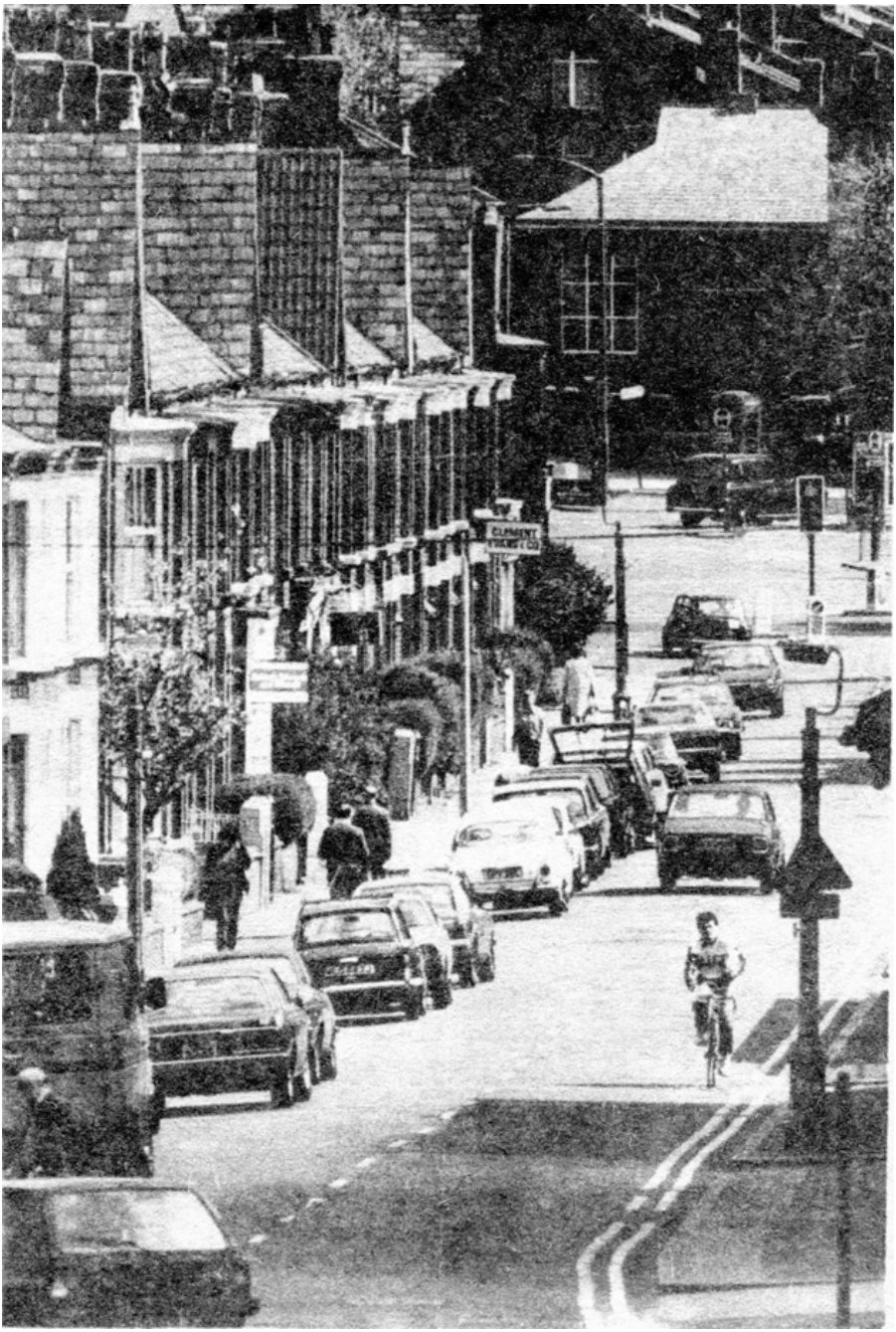
Когда фабричные трубы дымили и конторские книги фабрикантов полнились заказами, когда процветали экспортные и импортные сделки, а порт загружался до пределов возможного, тогда ливерпульским рабочим жизнь казалась не то чтобы радужной, но на свое жалованье им грех было обижаться. По-другому обстояло дело в периодически наступавшие кризисные времена. В момент кульминации мирового экономического кризиса 1931 года число безработных индустриального Ливерпуля возросло на сто тысяч.

Если стремительное развитие промышленности в XIX веке и круто прирастающее население делали невозможной целенаправленную застройку города, то впечатление от нищенских кварталов, распространявшихся, как раковая опухоль, было еще мрачнее. Нередко к имени Ливерпуль добавлялось определение «уродливейший город Англии».

Англиканский епископ Ливерпуля преподобный Дэвид Шеппард осенью 1986 года в передаче британского телевидения охарактеризовал ситуацию в городе на Мерси следующими словами:

«Среди нас есть настоящие бедняки. Это факт. Британцам, живущим в достатке, противостоит другая Британия, в которой безработные, особенно в больших городах, едва сводят концы с концами. Массовая безработица лишает людей всякой возможности определить свое будущее». Говоря об особом положении населения ливерпульского Мерсисайда — одной из крупнейших индустриальных агломераций Англии, епископ констатировал: «Есть много 25-летних, даже 35-летних, которые никогда в своей жизни не имели работы».

Ливерпуль сегодня — это город, отмеченный экономическим кризисом. Банкротства фирм и невостребованный судовой тоннаж повышают число безработных над средним уровнем по стране. Мелкие предприниматели, владеющие пабами и лавками близ порта, хозяева закрытых или работающих с сокращенными штатами фабрик в буквальном смысле борются за свое существование. Многие фирмы объявляют о разорении и идут с молотка. Начало этого кризиса приходится на шестидесятые годы.



Пенни Лэйн.

Ливерпуль уже давно перестал быть музыкальной цитаделью. Но туристам, пребывающим в ностальгическом преклонении перед «Битлзами», городские власти могут кое-что предложить.

Тем, кто ищет на Мэтью-стрит маленький и темный подвальный клуб «Кэвен» («Пещера»), где когда-то Джон Леннон со своим ансамблем «Куорримен» («Парни из „Куорри“») вкусил первый успех, тот найдет «Ливерпульский оригинальный музей „Битлз“ и Информационный центр». Вместе с экспозициями, представляющими реликвии ансамбля, комплекс включает отель и гастрономические заведения. Кроме того, здесь есть лавки для продажи сувениров, залы для лайф-концертов и шоу всевозможных средств массовой коммуникации. Тому, кто хочет посвятить себя поискам следов «Битлз», предлагается почти сотня пунктов, отмеченных в городском плане: улица Пенни Лэйн, детский приют «Земляничные поля», дом Джона, школа Пола, паб Ринго, дом, в котором родился Джордж…

Первый день в жизни Джона Уинстона Леннона

9 октября 1940 года.

Этот день сразу мог стать его последним днем. Регистратор рождений в госпитале на Оксфорд-стрит фиксирует время появления на свет — 6 часов 30 минут. В этот момент на Ливерпуль обрушилась одна из тяжелейших бомбежек.

С 3 сентября 1939 года Англия находится в состоянии войны с гитлеровской Германией. На боевых картах немецких пилотов обозначены объекты в районе порта. Ведь он является пунктом назначения для судов, доставляющих из США оружие, снаряжение и продовольствие.

Свидетельство о рождении.

…Первые крики новорожденного заглушаются грохотом взрывов. Фред Леннон, отец ребенка, находится где-то в море.

Дед, служащий в спасательной компании «Глазго и Ливерпуль», лишь урывками появляется в доме, так как он работает на спасательном судне, которое пытается поднять затонувшую близ Ливерпуля английскую подводную лодку «Зетиз».

Через двадцать минут после рождения, когда еще падают бомбы, целые кварталы превращаются в пепел и развалины, а порт полыхает, Мэри Смит — сестра матери новорожденного —

берет младенца на руки. В тот момент, когда она с любовью прижимает к себе дитя, в непосредственной близости от акушерской клиники взрывается воздушная мина.

Спустя почти двадцать пять лет, когда Джон Леннон уже был звездой первой величины на поп-небе, он, шутя, прокомментировал тот день в своей книге «Джон Леннон в собственных произведениях» (здесь дается попытка перевода этого фрагмента из русский лад — прим. пер.): «Я рожался 9 октября 1940 года, когда, я полагаю, нацмифы Адуфа Хитцлера только одно и знали, чтобы нас бомбоварить. Меня они, во всяком случае, не заполучили».

Родители

Отец Джона, Фред Леннон, родился в 1912 году в ирландском Дублине, в семье профессионального певца, который почти всю свою жизнь колесил по США. Он рано потерял мать, а в 1921 году, когда ему исполнилось девять лет, умер и отец. Фред был направлен в «Блюкаут-Вэйсенхаус» в Ливерпуле. О том, какие переживания и какой житейский опыт повлияли на него в то время, можно лишь догадываться. Во всяком случае одно он усвоил прочно — как можно выжить при любых, даже самых плохих обстоятельствах, не расходуя самого себя.

Когда в пятнадцать лет он покинул закрытый мир Вэйсенхауса, в нем проснулись жажда жизни и приключений. Теперь он хотел вознаградить себя за все, чего до сих пор был лишен.

Профессионального образования он не получил, зато имел два новых костюма. В одной конторе он нашел работу посыльного, но вскоре понял, что конторское прозябание — не для него. Еще в Блюкауте у него была мечта — поехать к морю, что совсем не удивительно для мальчишки из Ливерпуля: порт, плывущие во все стороны света грузовые и пассажирские суда, соблазн дальних далей… Фред нанялся юнгой на лайнер.

Через неделю после ухода из Взйсенхауса он познакомился с девушкой. Жизнерадостная Джулия Стэнли, имевшая склонность к веселым и громким развлечениям, любившая экстравагантные наряды и общение, в своей семье была ребенком, доставляющим большие хлопоты. Отец насадил в доме строгий воспитательный режим, с чем Джулия не могла смириться. Но он хотел, чтобы из его дочерей получились благовоспитанные леди, уважающие общественные нормы. Сестра Джулии, Мэри, как-то высказалась об отношении дочерей к отцу: «Мы любили папу, однако втайне радовались, когда он был в море, и мы могли немножко поболтаться по берегу. Если я, допустим, положила глаз на мальчика, то всегда по вечерам молила Бога, чтобы он устроил кораблекрушение, но чтобы никто при этом не пострадал. Ведь только-то и надо было, чтобы отец вышел в море на своем спасательном буксире».

Когда Джулия привела Леннона домой, возникли проблемы. Ценностные ориентиры у Стэнли были иными, нежели у молодого человека. Фред редко ходил на постоянную работу, зато часто шатался по пивнушкам со своим банджо, игре на котором научил и Джулию. Позднее они вместе курсировали по пабам, пели и играли. То и дело Леннон пропадал на несколько месяцев —

плавал стюардом на пассажирских судах. А потом опять начинались долгие перерывы, когда он избегал серьезной работы. Джулии нравился такой образ жизни. Она и не собиралась «перевоспитывать» Фреда. Их отношения, вопреки всему, продолжались почти десять лет, пока дело не дошло до женитьбы.

О том, с какой серьезностью оба подошли к брачному мероприятию, можно судить по воспоминаниям самого Фреда Леннона: «Однажды Джулия мне сказала: „Знаешь, давай просто возьмем и поженимся“. Я ответил, что тогда мы всё должны сделать по правилам и торжественно объявить о бракосочетании. „Бьюсь об заклад, ты этого не сделаешь“, — сказала она. Однако я это всё же сделал — просто шутки ради. Я и женитьба — умора!»

Это была очень прозаичная свадьба. Без фаты и торжественной процессии они идут 3 декабря 1938 года в бюро записи актов гражданского состояния Маунт Плезнта. После брачной церемонии молодые предприняли свадебное путешествие в кинотеатр «Трокадеро», где Джулия работала билетершей. Когда наступает ночь, они расстаются. Джулия возвращается в родительский дом, Фред — в свою меблированную комнату. На следующее утро его судно на три месяца отплывает в Вест-Индию.

После возвращения Фред некоторое время пожил у Стэнли не самым желанным гостем. Летом 1940 года он опять поднялся на борт судна. Беременная Джулия осталась в Ливерпуле.

Тетя Мэри

В свидетельстве о рождении записаны два имени: Джон — это имя нашла для него тетя Мэри, и Уинстон — таким по желанию матери стало имя второе. Это было своеобразным реверансом тогдашнему премьер-министру сэру Уинстону Черчиллю, который обещал британскому народу победу над немецкими фашистами в качестве расплаты за кровь и слезы. Где находился в это время Фред Леннон, не знал никто. Иногда он писал Джулии письма, в которых сообщал, что работает стюардом на пассажирском судне и поет на корабельных праздниках.

Раз в месяц Джулия Леннон ходила в контору пароходной линии, где служил ее муж, и получала его жалованье. Джону исполнилось как раз восемнадцать месяцев, когда пароходство прекратило выплаты, так как Леннон уволился.

В Нью-Йорке он должен был пересесть с пассажирского судна, на котором трудился обер-стюардом, на «Либэрти-шип» («Корабль Свободы» — прим. пер.) — тип судна, созданный специально для того, чтобы в сопровождении конвоя переправлять через Атлантику в Англию важные военные грузы.

Фред Леннон попытался освободиться от этой повинности. Свое решение не садиться на «Либэрти-шип» он обосновывал тем, что для него это означало бы насильственное понижение в классе, ведь из обер-стюардов на пассажирском судне он переходил во вторые стюарды на «Корабль Свободы». Но это было, конечно, лишь полуправдой. Следующие из Америки в Англию корабли, так называемые «команды путешествия на небо», пользовались дурной славой. Подводные лодки фашистского военного флота, как акулы, набрасывались на транспортные суда и конвой, и многие корабли заканчивали свой путь не в порту назначения, а торпедированные — на дне Атлантики.

Патриотизм, господствовавший в военное время среди большей части населения, готовность сделать все для победы Англии над гитлеровской Германией, не укладывались в жизненную концепцию Фреда Леннона. Незадолго до выхода в море он напился и умышленно опоздал к отплытию. Его интернировали и вскоре после этого водворили на другой «Корабль Свободы», который вышел в направлении Северной Африки. Сразу после высадки в одном из портов северо-африканского побережья он был арестован за воровство и на три месяца посажен в тюрьму. Денежной помощи для себя и маленького Джона Джулия отныне больше не получала. Иногда в Ливерпуль приходили письма от Леннона. Этим он считал свой

долг по отношению к жене и ребенку выполненным. В одном из таких писем он посоветовал жене: «Это — война, дорогая, желаю тебе хорошо поразвлечься!»

Сей совет он мог бы приберечь для себя — Джулия Леннон добровольно шла навстречу своим удовольствиям. Она вела такой образ жизни, при котором маленький Джон мешал. Но был человек, который недреманным оком следил за всем, что позволяла себе Джулия, — ее сестра Мэри. Почти ежедневно она посещала Джулию, чтобы увидеть Джона и помочь всем, чем может. Она призывала Джулию к совести, требовала изменить образ жизни, заставляла заботиться о ребенке. Но все ее увещевания остались безрезультатными.

Мэри была замужем за владельцем молочной фермы и вела жизнь, полностью соответствующую нормам буржуазной морали. Супруги жили в двухквартирном доме на Менлав-авеню в ливерпульском городском районе Вултон — респектабельном местечке, в квартале «для лучших людей».

С того самого мгновения, когда Мэри, находясь в клинике, взяла Джона на руки, она влюбилась в него до безумия. Объясняется это тем, что ее детство и юность прошли в обществе четырех сестер. Молодая женщина, она ничего не желала так страстно, как родить сына. Но ее брак с Джорджем Смитом оказался бездетным. Она убедила Джулию в том, что если возьмет ребенка к себе на Менлав-авеню, будет лучше для всех. Джулия согласилась.

Мэри Смит рассказывает: «Я хотела, чтобы Джону было хорошо у нас с Джорджем, и он никогда не испытывал бы чувства, что стоит у кого-то поперек пути. Я решилась дать ему то, на что каждый ребенок имеет право, — гармоничную семейную жизнь».

Когда Джону «стукнуло» три с половиной года, он уже точно знал, что Мэри Смит, которую он называл Мими, — не его мать. «Мама» он говорил только Джулии. Если прежде Джулию Леннон лишь изредка можно было видеть на Менлав-авеню, то теперь она стала приходить почти ежедневно, — после обеда, на час или на два. В это время и сложились у Джона и его матери очень тесные отношения, что заметно повлияло на развитие ребенка. Джулия, конечно, вовсе не претендовала на воспитание Джона — она играла с ним, выполняла все его желания, занималась с ним тем, что доставляло ему удовольствие.

Тетя Мими, которая любила «своего» Джона и берегла его, как зеницу ока, проводила, тем не менее, свою воспитательную работу. Она выставляла требования, устанавливала нормы поведения и строго следила за их соблюдением. Неудивительно, что при таком стечении обстоятельств у ребенка возникло

желание постоянно жить со своей матерью, чего, однако, не допускал образ жизни Джулии. О том, как ранний горький опыт душевно обременил Джона Леннона, можно узнать, прочтя строки песни «Мать», которую он написал, когда ему было почти тридцать лет:

«Мама, я был у тебя, но тебя у меня не было никогда,
Я искал тебя, но ты не искала меня…
Отец, ты покинул меня, но я никогда не покидал тебя.
Ты был мне нужен, но я не был нужен тебе…
Мама, не уходи.
Отец, вернись домой.»

Мэри и Джордж Смит были полны решимости усыновить племянника. Фред и Джулия Леннон были на это согласны. И только потому, что оба они почти никогда не доводили до конца необходимые формальности, усыновление не состоялось.

На улицах между Пенни Лэйн и «Земляничными полями»

Когда Джону исполнилось пять лет, тетя Мэри определила его в «Давдейл Праймери Скул» (государственная начальная школа для детей от 5 до 11 лет — прим. пер.).

Ученик «Давдейл Праймери Скул».

Все выглядело так, будто для Джона Уинстона началась карьера вундеркинда. Уже через пять месяцев он читал и писал. Директор школы аттестовал Джона как смышленого мальчика, который, по его мнению, будет делать все, что приносит радость, но ничего не станет совершать по предписанному образцу, предпочитая творчество.

Со вступлением в школьную жизнь для Джона началось освоение нового мира. Если до сих пор он жил, оберегаемый от внешней среды семьей тетушки, где играл главную роль, то теперь и в школе, и на улице должен был выдерживать конкуренцию. И то, и другое открывало волнующие возможности для его деятельной натуры. Мэри Смит озабоченно наблюдала за развитием племянника. Теперь, когда на известное время он ускользал из-под присмотра, она боялась, что он может подпасть под дурное влияние. Она следила за его дружескими увлечениями и принимала только того, кто происходил «из хорошего дома». То, что в школе Джон вел себя прилично, ее успокаивало. Она опасалась, что племянник пойдет по стопам отца, образ жизни которого вызывал у нее отвращение. Этот страх нередко заставлял ее относиться к своему питомцу даже строже, чем он того заслуживал. Поэтому Джон предпочитал баловаться за ее спиной. С дядей Джорджем у Джона были товарищеские отношения, потому что его симпатии выражались не таким диктаторским образом, как любовь тети.

Когда Джон уже писал и читал, дядя Джордж то и дело находил под своей подушкой маленькие записки от племянника: «Дорогой Джордж, не мог бы сегодня вечером меня помыть Ты, а не Мими?» или «Дорогой Джордж, не хочешь ли Ты пойти со мной в „Вултон-кино“?» По регламенту тети Мэри Джон раз в год поощрялся походом на новогоднее представление в «Ливерпуль Эмпайр», а летом ему иногда позволялось смотреть фильмы Уолта Диснея. Новогодние посещения театра чрезвычайно волновали мальчика. Они побуждали его писать маленькие стихи и рассказы и рисовать картинки, где сценические персонажи играли свои роли. Ему было семь лет, когда он начал писать собственные «книги». Одна называлась «Спорт и скорость в картинках». Он вклеивал в тетрадь карикатуры, шутки, фотографии киношных и футбольных звезд. Апофеозом стала придуманная им самим иллюстрированная история, которая кончалась уведомлением: «Если вам это понравилось, приходите на следующей неделе. Все будет еще лучше».

Джон очень много читал, что возбуждало его фантазию. От «Алисы в Стране чудес» он пришел в такой восторг, что изобразил

всех персонажей. «Я жил как Алиса и Справедливый Вильям. Я писал собственные истории Вильяма, причем всё переживал сам. Позднее я стал сочинять настоящие стихи, среди них — вещи, полные чувств. Их я писал шифром, чтобы Мими не смогла их разгадать. Прочитав книгу, я хотел еще раз пережить ее сюжет. Поэтому в школе я всегда желал быть вожаком. Я хотел, чтобы все играли в те игры, о которых я только что прочитал».

Роли для каждого в этих играх определял Джон. Возражений он не терпел. От своих товарищей по играм он требовал полного подчинения.

Джон познакомился с Питом Шоттоном и Найджелом Уолли, ходившими в одну школу. К этой троице потом примкнул Айвен Воган, школьный товарищ Джона. Вскоре эта четверка стала представлять для Вултона серьезную опасность. Невинным развлечением неразлучных друзей был, например, такой трюк: кто-то карабкался на дерево, растущее на обочине шоссейной дороги, и лез затем по суку, нависавшему над проезжей частью. Вниз спускалась нога. Когда на дороге показывался двухэтажный автобус, ногу полагалось быстро поднять. Некоронованным королем считался тот, кому удавалось коснуться автобусной крыши.

Тетя Мэри и не подозревала, что ее Джон и трое его компаньонов весьма изобретательно залезали в кондитерскую за углом, что сходило им с рук. В лавке игрушек, расположенной неподалеку от купальни, они тоже были завсегдатаями.

У Джона, который во всех акциях был заводилой, развивалась склонность к насилию. Позднее он объяснит это так: «Я был агрессивен, потому что хотел находиться в центре внимания. Каждый должен был делать то, что я захочу, а также всем полагалось смеяться над моими шутками и признавать меня боссом. Каждый должен был демонстрировать убеждение, что Сильнейший — это я. А мою силу я мог показывать лишь когда брал верх над другими… Я избивал всю Давдейл или козырял всякими психологическими трюками, когда кто-то выглядел сильнее. Тогда я с таким хладнокровием обещал им задать жару, что они верили — это действительно возможно…»

Со своей матерью Джулией.

«Когда дело накрывалось и всех заметали, меня одного не могли ущучить. Правда, временами мне становилось страшно, что Мими что-нибудь проведает, но она оставалась единственной из всех матерей, которая ни о чем не подозревала».

У тети Мими и дяди Джорджа он был Первым, вне конкуренции. Другое дело на улице. Там он должен был эту позицию завоевывать. Признания можно было достичь лишь в случае, если ты сильнее, смелее, даже болтливее, чем другие.

У педагогов «Давдейл Праймери Скул» он был одним из любимых учеников, не позволявшим себе никаких вызывающих выходок. Особое внимание он привлекал художническим дарованием: очень хорошо рисовал и имел прекрасный голос.

Вместе со своим другом Найджелом Уолли — чей отец был полицейским, что радовало тетю Мэри, ибо она полагала, что Найджел оказывает на Джона хорошее влияние — он пел в церковном хоре приходской школы Святого Питера в Вултоне.

Хотя в своем белом хоровом одеянии он и смахивал на ангела, но постоянно устраивал клоунаду, что заставляло других мальчиков хихикать.

Когда Джону исполнилось двенадцать, он вместе с Питом Шоттоном сменил «Давдейл Праймери Скул» на «Куорри Бэнк Грэммэ Скул» — гимназию на Хатхилл-роуд.

Тетя Мэри экипировала Джона так, как считала необходимым в такой серьезный момент и как полагалось в новой школе. У портного своего мужа она заказала для любимца черную курточку, украшенную красно-золотой головой оленя — гербом школы.

Перед домом тети Мэри на Менлав-авеню (1950).

В жизни Джона Леннона переход в гимназию стал означать цезуру. Спустя годы в одном из интервью он представил дело следующим образом: «В „Давдейл“ я всегда был честным и говорил только правду. По крайней мере этим выделялся. Но все больше я начинал понимать, что в основе своей это было идиотизмом. Итак, я пришел к тому, что стал мошенничать при каждом удобном случае… В гимназии я казался себе чертовски потерянным. Почему они не послали меня в Академию искусств? Почему меня, как и других детей, вынудили играть в храброго ковбоя? Я был другим, совсем другим, и таким я был всегда. Почему рядом не оказалось никого, кто бы это признал, кто увидел бы мой гений? Я с удовольствием вспоминаю о двух учителях, которые вроде бы что-то подозревали во мне. Они подталкивали меня к поискам своего счастья в ином деле, чтобы я мог реализовать самого себя. Однако чаще из меня пытались сделать проклятого зубного врача или даже учителя…»

Этим высказыванием Джон Леннон не декларирует принципиальную враждебность к школе, которой был часто подвержен. Скорее здесь проясняется другая проблема: его отличали особая чувствительность, постоянное внимание к окружающей действительности, что не мешало богатой фантазии часто уносить его из реальности. Преувеличенное честолюбие, бывшее особой чертой его характера, еще более все осложняло. Он хотел быть признанным, хотел, чтобы его любили все.

Положение оппозиционера, которое Джон занял в гимназические годы, стало результатом неприятия всякого внешнего принуждения. Английская школьная система с ее телесными наказаниями, строгими нормами и железной дисциплиной провоцировала у Джона, как и у большинства его сверстников, противоположные ей манеры. Джон чувствовал себя зажатым, ограниченным в своей свободе и ценил в своем поведении мятежную недисциплинированность и строптивость, что у большинства учителей вызывало гнев и наказания, а у однокашников — восхищение.

Тетя Мэри не учитывала это состояние Джона. Его мотивы она не осознавала и пыталась постичь на свой лад. На отступление от строгих норм поведения она реагировала бесконечными упреками, домашними арестами и сокращением карманных денег. Ее воспитательная концепция была направлена на то, чтобы проложить Джону прямую дорогу к добропорядочному буржуазному существованию.

Джон избегал давления, которое исходило от тети: он уже давно к этому приспособился. Он не боролся против нее, потому

что знал — тетя Мэри его любит. Поэтому мальчик не хотел ее раздражать понапрасну.

Хотя Ивэн и Найгл теперь ходили в другие школы, их старая дружба с Джоном и Питом не прерывалась. После занятий они обязательно встречались, чтобы вместе «навести шороху» на местность между Пенни Лэйн и Строуберри Филдз. Правда, Ивэн и Найгл куда лучше успевали в школе. Пит Шоттон свидетельствует: «Мы в первый год были на вершине успеха, а потом постепенно скатились в подвал. Однажды нас вызвали к директору, чтобы примерно наказать. Я очень боялся. А Джон — нет, во всяком случае не показывал вида. В то время, как мы стояли перед кабинетом директора, Джон втихомолку говорил, что палка для порки хранится в футляре, который обит изнутри бархатом, а снаружи осыпан драгоценными камнями. Я хохотал во все горло, несмотря на свой страх».

Два события, происшедшие в 1953 году, существенно повлияли на развитие Джона. В одно из воскресений у дяди Джорджа произошло кровоизлияние в мозг, после чего он прожил всего несколько часов. Так Джон потерял друга, который куда мягче вмешивался в его дела, тогда как тетя продолжала слишком жестко выполнять свой «долг». В те дни его мать все чаще бывала в доме на Менлав-авеню. Она с радостью наблюдала за тем, как растет ее сын. У Мэри эти визиты не вызывали восторга, и Джон не хотел, чтобы они встречались. Непринужденный стиль Джулии и ее веселый нрав остро контрастировали со строгостью тети, производили на мальчика огромное впечатление. Когда, в свою очередь, он посещал мать, она часто играла ему что-нибудь на банджо. Именно Джулия научила его владеть этим инструментом.

Джон относился к ней не как к матери, а скорее как к старшей сестре. От Джулии никогда не услышишь попреков, на которые не скупились его тетя и учителя. Она ничего от него не требовала. Напротив! Она смеялась над его проделками, разрешала делать все, что приносило удовольствие, понимая причины его «непарламентского» поведения.

«Во время работы по дому она чаще всего носила на голове старые дамские панталоны. Она открывала нам дверь, а панталоны свешивались у нее за плечами. Ее не заботило то, что мы прогуливали школу», — вспоминает Пит Шоттон.

Тетя Мэри взирала на все это с большой озабоченностью. Она пыталась ограничить контакты матери и сына, что заставляло Джона пускаться на всевозможные ухищрения. Мэри Смит, которая сызмальства втолковывала племяннику, что он — нечто Особенное, что он лучше, чем все другие мальчики его круга,

поскольку происходит из хорошего дома, выработала у Джона чувство превосходства над всеми.

«Такие люди, как я, чувствуют свою гениальность с десяти, девяти или даже восьми лет. Я все время спрашиваю себя: почему же меня никто не открыл? Например, в школе — никто не признал, что я много лучше, интеллигентней, гениальней, чем остальные. Что же, учителя так глупы? То, что они могли мне дать на моем, так называемом жизненном пути, меня так и не заинтересовало». Такими словами Джон Леннон описал свое мироощущение в тринадцать лет.

Его школьные документы испещрены примечаниями, сводившимися к одному слову: «безнадежен». Или: «кривляньями мешает занятиям». «Неслыханное поведение», «Отрывает от учебы других детей…» Его успеваемость упала так низко, что он не был даже переведен в следующий класс.

Все это стало вескими основаниями для тети Мэри, чтобы обеспокоиться своим питомцем. Для ребят возникла реальная опасность соскользнуть в уголовщину. Джон как-то даже разработал план, чтобы вместе с другими мальчиками ограбить лавку. Все это он продумал до мельчайших деталей. Ночами напролет он с другом шлялся по улицам и присматривался к различным магазинам. К счастью, благоприятной возможности не представилось, и он бросил затею.

Если до сего момента его деятельная энергия и переливающаяся через край фантазия служили лишь тому, чтобы добиться симпатии и признания, то теперь открылся новый интерес. В кармане школьной куртки он постоянно таскал губную гармошку — как память о своем дяде Джордже. Везде, где бы он ни находился, он пытался извлечь из этого инструмента мелодии. В ущерб, конечно, школьным заданиям. Тетя Мэри следила за этим делом с интересом, но и настороженно. Разве не шатался его отец, горланивший песенки и бренчавший на банджо, по пивным, чтобы таким образом удержаться на плаву? Такой перспективы она не желала своему Джону. Если уж эта музыка так его интересует, то пусть, по крайней мере, получит приличное образование, считала она.

«Я хотела начать с ним музыкальные занятия. Скажем, на пианино или на скрипке. Но он об этом ничего и знать не хотел. Он просто не мог мириться ни с чем, что предполагает твердые занятия по часам. Он хотел все всегда уметь делать сразу, не тратя времени на учебу», — жаловалась тетя.

Первый успех на музыкальном поприще пришел к нему не на какой-нибудь сцене, а во время автобусной поездки в Эдинбург. Он всю дорогу пиликал на своей поломанной гармонике, но

водителю так понравилась игра Джона, что он сказал ему: «Парень, приходи завтра рано утром на автобусную станцию, я подарю тебе совсем новую гармошку». Водитель сдержал обещание. И успех вдохновил Джона.

Лихорадка рок-н-ролла

В середине пятидесятых годов рок-н-ролл из США перекочевал через Атлантику и распространился сначала в Англии, затем по всей Западной Европе. Эта музыка, звучавшая для старшего поколения слишком громко и агрессивно, была в первое время бойкотирована консервативно настроенными музыкальными редакторами английских радио- и телестанций. Под массированным давлением индустрии грамзаписи, открывшей для себя новый перспективный рынок, неприступность дельцов от масс-медиа превратилась в свою противоположность. Успешному нашествию рок-н-ролла не в последнюю очередь помогла модная техническая новинка — транзисторный приемник. Каждый парень, где бы он ни находился, мог постоянно слушать свою музыку, игнорируя всё остальное. В то же время многие радиостанции — сначала в Америке, потом в Англии и других странах — увеличили долю специальных музыкальных передач в общих программах вещания. Поставляя любимые мелодии молодежной публике, они укореняли слушательские привычки и одновременно провоцировали огромный спрос. Проигрыватели, доступные для многих благодаря массовому производству, а также новые технологии создания пластинок тоже вносили свой вклад в распространение этой музыки. Еще большие возможности несколько позднее открыли развитие магнитофонной техники, вплоть до кассетников. В популяризации рок-н-ролла все большую роль стало играть такое мощное средство массовой информации, как телевидение.

На молодежь от четырнадцати до двадцати лет эта музыка оказывала электризующее действие. В тисках антикварной школьной системы, под неусыпным оком родителей новые ритмы воспринимались молодыми как освобождение. В возрасте, отмеченном стремлением оторваться от родного дома и встать в оппозицию ко всему на свете, резкое неприятие старшего поколения неизбежно лишь усиливало притягательность новой музыки. Критика рок-н-ролла взрослыми вызывала у детей чувство, что теперь у них есть нечто принадлежащее только им.

Агрессивный рок, каким его в начальной стадии исповедовали Билл Хейли (Rock Around The Clock — Рок вокруг часов), Литл Ричард (Wop-hop-a-lou-bop-a-lop-bam-boom) и Элвис Пресли (Heartbreak Hotel — Отель, где разбиваются сердца), точно соответствовал психологическому настрою молодежи. Накопленное напряжение и недовольство чем-то можно было

разрядить в крике и движениях. Музыка рок-н-ролла не возникла из ничего. Корни ее надо искать в фольклоре афроамериканского населения США, в томном блюзе южных штатов, носившем отпечаток асоциальных условий жизни, в различных джазовых формах — таких, например, какие бытуют в Новом Орлеане. Стремительная индустриализация в конце прошлого столетия переместила многих афроамериканцев из южных штатов в большие города Севера. В этой среде их музыка изменилась. Она стала громче, агрессивнее, усилился ее моторный элемент. Такие инструменты, как саксофон, труба, тромбон и бас-гитара, обогатили звуковую палитру, предложили новые выразительные возможности. В тексты, которые прежде возникали под воздействием деревенской жизни, теперь все чаще входил опыт многоликих реалий больших городов. Конгломераты западного побережья и Чикаго стали настоящими плавильными печами, в которых смешались традиционная музыка юга и городской сити-блюз. Позднее для этого симбиоза стало признанным обозначение «Rhythm And Blues». Хотя белые музыканты в немалой степени способствовали тому, чтобы сделать ритм-энд-блюз «ходовым товаром», самобытность этой музыки все же не дала себя подавить.

Констатация Виком и Цигенрюкером социальных причин быстрого распространения этой музыки касается, в основных чертах, и рок-н-ролла: «Популярность ритм-энд-блюза, преодолевшая в начале пятидесятых годов расовые барьеры, имела свои социальные причины в положении белой американской послевоенной молодежи. Конформизму и карьеризму была противопоставлена философия наслаждения жизнью ради нее самой. „Черная“ музыка с ее ритмической и чувственной интенсивностью не только являла собой идеальный объект для идентификации, но одновременно выполняла функцию своеобразного оппозиционного символа, поскольку яростно отвергалась американской общественностью — из расистских причин — как непристойное, аморальное и примитивное выражение „самого дна“ социальной иерархии».

В середине пятидесятых годов из ритм-энд-блюза с добавлением элементов белой кантри-вестерн-музыки и диксиленда развился рок-н-ролл. Цветные музыканты и певцы сыграли большую роль в этом процессе.

Белый диск-жокей Алан Фрид ставит себе в заслугу то, что он нашел название нового музыкального направления. Фактически же понятие «рок-н-ролл» родилось в бытовом сленге цветного населения. Эта словесная комбинация обозначает одно из движений при половом акте.

С самого начала рок не был единым музыкальным течением, напротив — он состоял из совершенно различных стилей. Чарли Жиллет (Charlie Gillett) в своей книге «Звучание города» («The Sound of the City») называет их виднейших представителей.

> «Между 1954 и 1956 годами было пять ярко выраженных стилевых видов, которые, хотя и развивались почти полностью независимо друг от друга, вместе были известны как рок-н-ролл: Northern Band Rock-n-Roll (Билл Хейли), New Orleans Dance Blues (Фэтс Домино и Литл Ричард), Memphis Country Rock (Элвис Пресли), Chicago Rhytm and Blues (Чак Берри и Бо Диддли) и Vocal Group Rock-n-Roll (Oriols, Crows, Chors, Penguins и другие). Все пять этих видов и их разновидности по размеру такта совпадали с негритянскими танцевальными ритмами».

В портовом городе Ливерпуле пожар рока особенно жарко вспыхнул на берегу. Моряки привозили пластинки из заморских стран. Они хотели слушать музыку, которую узнали в Америке и в злачных заведениях Ливерпуля. А уж владельцы последних хорошо знали, что надо делать, если не хочешь упустить доходы. Моряки привозили не только новую музыку, но и ее танцевальное воплощение, не говоря уже о моде, которая получила оригинальное название: «Teddyboy-Look». Атрибутами теддибоя были: ботинки на микропористой резине, носки в колечко, невероятно узкие брюки, кричащие цветные рубашки, длинные пиджаки, и, как венец, — гладко причесанные и собранные со всех сторон к затылку волосы с завитым локоном.

То, что именно в Ливерпуле из американского рок-н-ролла и музыки скиффл (Skiffl-Musik) развилось «мерсийское звучание» (Mersey-Sound), — не случайно. Особый нрав обитателей этого города, смесь из «юмора висельников» и мятежного начала, критическое отношение ко всем авторитетам создали благодатную среду для импульсов, исходивших от рок-н-ролла. Зыбкие социальные условия, в которых обитали рабочие доков и верфей, убогие жилища в трущобах — все это вызывало чувство протеста. Рок-н-ролл соответствовал именно такому настроению, предлагая одновременно разрядить чувство агрессивности.

В одной беседе, которую я провел в 1986 году с английской поп-звездой Тони Шериданом — музыкальным коллегой «Битлз» гамбургского периода, — он ответил на мой вопрос, почему именно в Ливерпуле семена рок-н-ролла упали на столь плодотворную почву: «Здесь мы имеем дело с особым ливерпульским менталитетом, ведь жители этого города большей

частью ирландского происхождения. Они смелы, нахальны и свободолюбивы, к тому же прославились своим особым юмором. Все эти качества развиваются тогда, когда люди угнетены. Поэтому они и стали для рока искомой пищей».

Жесткий удар (Beat) соответствовал характеру обитателей города на Мерси. Грохот клепальных молотов на верфях, шипение паровых машин, рев корабельных сирен в порту — все это они слышали в агрессивных ритмах рок-н-ролла.

В 1955 году Билл Хейли с песней «Рок вокруг часов» покорил вершины мировых хит-парадов. Когда в то же время на экраны вышел фильм «Посев насилия», сопровождаемый музыкой Хейли, воодушевление, вызванное роком, превратилось в истерию. Немало владельцев кинотеатров были вынуждены позаботиться о страховке, поскольку и во время и после сеансов их заведения безжалостно громились. Джон Леннон видел фильм Билла Хейли «Рок вокруг часов», но в особый восторг не пришел. Его разочаровало то, что ожидаемого воодушевления он не вызвал, да и вялый Билл Хейли с его сальным локоном на лбу не пришелся ему по вкусу. Но вскоре настал день, когда он услышал песню Элвиса Пресли «Heartbreak Hotel» («Отель, где разбиваются сердца»). Вот что по-настоящему воспламенило Джона!

Элвис сразу же стал его идеалом — и в одежде, и в прическе. Ночи напролет — тайно, под одеялом — он слушал по радио зонги Элвиса.

Новая музыкальная мода с ее скандальным шлейфом вызвала шок у родительского поколения. Между 1954 и 1958 годами дело дошло до серии молодежных бесчинств. В США хулиганствующие молодчики громили автомобили, оскверняли кладбища, нападали на пешеходов. Летом 1956 года в различных американских городах после рок-концертов происходили эксцессы, сопровождавшиеся насилием.

Той же осенью в Нью-Йорке произошли массовые беспорядки после премьеры первого фильма Элвиса Пресли. В 1956 году «волна насилия» достигла берегов Англии. После дебютного показа фильма «Вне себя» по улицам Лондона и Манчестера пошли толпы людей, которые били стекла витрин и вступали в настоящие уличные бои с полицией. Муниципалитеты Белфаста, Блэкпула, Блэкборна и других городов запретили премьеру «рокового» фильма.

В этом вале насилия, причиной которого рок не являлся, будучи лишь его «музыкальным сопровождением», бесцельно разрядилась годами копившаяся ярость, вызванная всеми видами угнетения, которые испытывала молодежь.

Тони Шеридан, современник этих событий, так комментирует

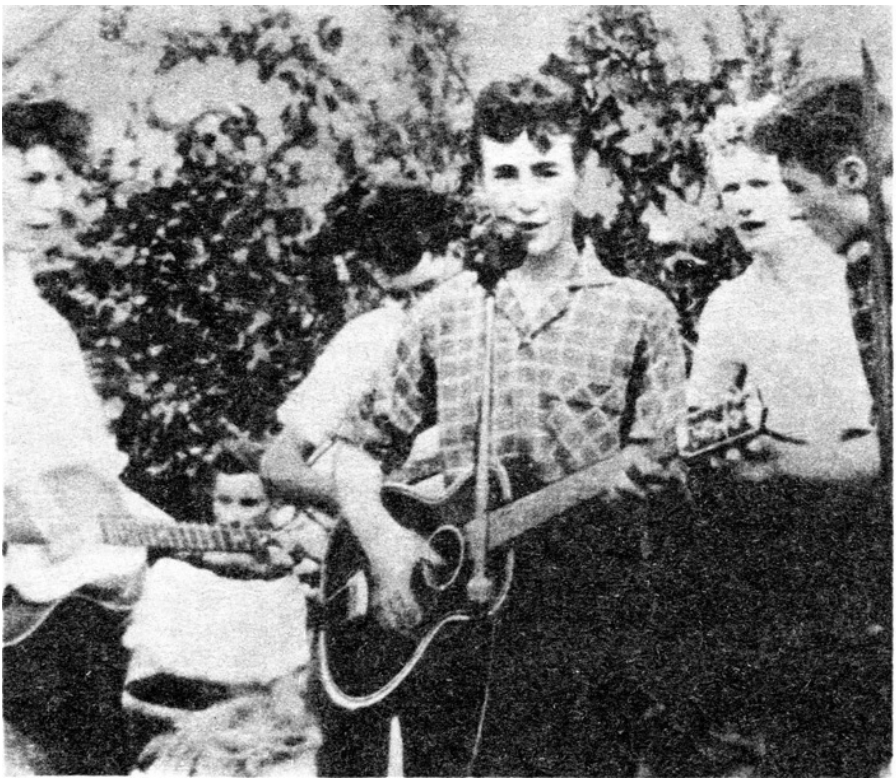
их: «Неприятности в школе, конформизм и требования безусловного подчинения… Проблемы с родителями, которые выстроили вокруг нас леса из запретительных табличек… Давление со всех сторон… Мы отвергали навязанный нам устав, мы хотели жить по своим правилам. И поскольку ничего подобного у нас не было, мы взяли рок. Это давало возможность в пределах легальных границ играть просто бешено, — то есть, все атаковать, все критиковать и при этом мнить себя невероятно прогрессивными. Была и еще пара факторов. Например, половая зрелость. Сексуально мы были ущемлены, а музыка давала возможность входить в контакт с девчонками. Музыка вообще была для нас шансом „заключить контракт“ с другими людьми. Благодаря тому, что наши родители ее отвергали, мы чувствовали себя мятежниками. И это было прекрасное чувство — стать мятежником. С революцией это не имело ничего общего. Просто нам хотелось вырваться, стать анархистами и показать всем, что мы отвергаем любое авторитетное дерьмо…»

О том, какие масштабы приобрело влияние нового идола на Леннона, говорит Мэри Смит: «С тех пор я не имела больше спокойной минуты. Все время только Элвис Пресли, Элвис Пресли, Элвис Пресли… Наконец, я ему сказала: „Джон, я ничего не имею против Пресли, но я не хотела бы слышать его ни утром, ни днем, ни вечером“». Оборонительная реакция тети Мэри не отличалась от тактики других родителей. Она делала все возможное, чтобы Джон не превратился в «стилягу». Больших успехов она при этом не достигла. И если по утрам Джон отправлялся на уроки, одетый в школьный блайзер и нормальные брюки, то после обеда, у Джулии, он преображался. Она покупала ему цветастые рубашки с гавайскими мотивами, давала деньги на превращение обыкновенных брюк в немыслимые дудочки, достала ему длинный «сакко» (пиджак) — всё, как и должно быть у настоящего теддибоя. Джулия находила новую моду очаровательной, рок-н-ролл пришелся ей по вкусу.

Заветнейшим желанием Джона была гитара. Джулия купила ее. И теперь, к великому негодованию тети Мэри, Джон каждую свободную минуту упражнялся в своей спальне, пока не стер подушечки пальцев до крови. Теперь его уже не интересовали ночные рейды по лавкам. Пришла Музыка, которая полностью захватила его.

Талант рисовальщика мог увести в другом направлении, но рок просто вскружил ему голову. Эта музыка не только соответствовала его мироощущению, но и давала возможность для самовыражения. Не надо забывать и о силе заокеанского примера.

Для Мэри Смит все то, чем упивался Джон, звучало как иерихонские трубы. Когда бренчание и топанье в такт начинали действовать ей на нервы, она выпроваживала его из дома. Эти занятия музыкой казались ей чистой потерей времени, которое следовало бы тратить на домашнюю работу.



«Куорримен» (1955).

В это время, когда тысячи парней в Англии «вооружались» гитарами, чтобы посоперничать со своими идолами, в музыкальной жизни возник новый феномен — музыка скиффл. Это — афроамериканское сленговое обозначение того вида музицирования, который возник к началу двадцатых годов в чернокожих кварталах Чикаго. Скиффл состоял из элементов фольклора и джаза. Эта музыка игралась на простых инструментах, таких, как гитара, банджо, самодельный однострунный бас из чайного ящика или коробки, «кацоо» — гребень, обернутый папиросной бумагой, стиральная доска и

губная гармошка. В середине пятидесятых годов такие музыканты, как Кен Кольер и особенно Лонни Донеган, сделали скиффл очень популярным в Англии. Песня последнего «Rock Island Line» («Берег скалистого острова») в 1956 году маневрировала на верхних местах английских хит-парадов. На профессиональных скиффл-музыкантов ориентировались и бесчисленные любительские группы, которые плодились, как грибы после дождя. Их быстрому размножению способствовали простой и дешевый инструментарий, а также то обстоятельство, что каждый желающий мог тотчас же отличиться, не вдаваясь ни в какие теории. Так массовое движение скиффл стало существенной предпосылкой к тому, что в подвальных клубах Ливерпуля развился английский бит.

В пятнадцать лет Джон Леннон со своим другом Питом Шоттоном организовал скиффл-группу, которой дал имя «Куорримен». Игра слов состояла в том, что это могли быть «Каменотесы» и «Парни из Куорри», поскольку их школа называлась «Quarry Bank Grammar School». Джон играл на гитаре и пел, Пит скреб по стеклянной стиральной доске. В таком составе группа просуществовала недолго, начав разрастаться. Иногда со своей гитарой подключался Эрик Гриффит; Лен Гэрри, которого к Джону привел старый друг Айвен Воган, «отрабатывал» бас на чайной коробке, Колин Хансон сидел за ударными, Род Дейвис играл на банджо.

Шефом был Джон. Он решал, что и как играть. Если кто-то высказывал малейшую претензию, то он сразу вылетал. Конфликт нередко заканчивался потасовкой. Они исполняли все, что слышали. Как-то Джон отпечатал визитные карточки с таким текстом:

КАНТРИ-ВЕСТЕРН-РОК-Н-РОЛЛ-СКИФФЛ
КУОРРИМЕН
ПРИНИМАЕМ ПРИГЛАШЕНИЯ!

Рок-н-ролл буквально повелевал музыкальными вкусами Джона. О влияниях, которым в начальный период подвергались «Куорримены», Леннон говорил:

«Вскоре мы попытались исполнять даже настоящие дикие рок-номера, как, например, „Twenty Flight Rock“. Для нас это было развлечением, поскольку до сих пор мы выступали только как скиффл-группа. „Let's Have A Party“ был моим большим шоу-номером. Я пел эту песню Лонни Донегана так, чтобы можно было стоять немного впереди. Но в конце концов остался только Элвис Пресли, который приучил меня покупать настоящие пластинки. Я думаю, что первые вещи были у него лучшими».

В это время в Ливерпуле была бездна скиффл-групп. «Куорримен» Джона ничем особенным от других не отличалась. Репертуар у всех был одинаков. Скорее заурядно, чем правильно, они повторяли ходовые рок-н-ролльные образцы. Об овладении инструментами не могло быть и речи. В больших танцевальных домах Ливерпуля часто устраивали конкурсы любительских скиффл-групп, что выглядело следующим образом. Когда профессионалы делали перерыв, «скиффлеры» штурмовали сцену и со скоростью ветра прокручивали свою программу, сопровождая ее диким воем и причудливыми вывихами. В такой обстановке «Куорримен» Джона, как и многие другие группы, не могла рассчитывать на успех. Но Джон не падал духом.

Род Дейвис, который тогда играл на банджо, вспоминает: «Он молотил по своей гитаре, как сумасшедший. Почти всегда у него обрывалась струна. Тогда он отдавал мне свою гитару, брал мое банджо и играл дальше, в то время как я на заднем плане вставал на колени и пытался „отремонтировать“ гитару. Джон с самого начала хотел играть такие рок-н-роллы. Я, например, хорошо помню, как он исполнял: „Blue Suede Shoes“. У меня была пара пластинок Бела Айвеса, играли мы и „Worried Man Blues“. Тексты можно было выучить только с помощью радио или пластинки. Диски стоили тогда шесть шиллингов, и никто из нас не имел возможности их купить. Поэтому Джон всегда придумывал к модным зонгам свои стихи, и, ей-богу, они были ничуть не хуже».

Репетиции, которые проводил Джон, стали настоящей проблемой. Тетя не пускала парней к себе, поэтому по субботам они встречались у Колина Хансона, отца которого в это время не было дома. Поскольку здесь можно было упражняться только раз в неделю, они иногда заявлялись к Джулии — когда она была одна. Репетиционным помещением стала ванная комната, которую Джон выбрал из-за особого эхо-эффекта. Джулия не оставалась бесстрастной наблюдательницей — она брала в руки банджо, показывая Джону и Эрику Гриффиту аккорды и пассажи. После этого не только Джон, но и Эрик стал играть и на гитаре на манер банджо.

Если в любительских скиффл-турнирах группа «Куорримен» не могла выиграть и цветочного горшка, то при других обстоятельствах довелось вкусить успех.

В 1956 году Вильям Эдвард Побджой принял «Quarry Bank Grammar School» в качестве нового директора. Он знал, чем можно взять таких парней, как Джон. И хотя ему было известно, что последний вместе со своим другом Питом слыли самым скандальным дуэтом в школе, он не имел ничего против того, чтобы они поиграли на танцевальном вечере.

Здесь Джон мог не ударить в грязь лицом перед одноклассниками и в выгодном свете предстать перед девочками. Между прочим, и пастор храма Святого Питера приглашал «Куорримен» в свой молодежный клуб — выступать на танцевальных мероприятиях. Делал он это не только из христианской любви к ближнему. В конце концов Джон и его друзья тянули в церковный клуб молодую публику. Да и пели они даром. Их стали приглашать на вечеринки, где они играли за пиво и благосклонность подружек.

В группе во время выступлений дело нередко доходило до легкой перебранки, потому что Род Дейвис хотел играть фолк-музыку, а Джон — только вещи Элвиса Пресли. Часто случалось, что публика нелестными возгласами изъявляла неудовольствие по поводу репертуара или качества музицирования. Если какой-нибудь парень в зале начинал подозревать, что Джон непрочь положить глаз на его девчонку, то штурмовал подиум, и Джону приходилось защищаться гитарой или исполнять соло кулаком.

Заметного прогресса тогда в группе не было. Джон это понимал, но не знал, что надо делать. Только через год после основания группа «вошла в фарватер». Джон и его друзья выступили в «Шоу талантов», которое состоялось в «Эмпайр Театре». Организатором был Кэррол Льюис — один из известных в то время «открывателей» молодых дарований в Англии. Джон принял участие в этом шоу в надежде, что Льюис выведет в люди и его, и «Куорримен». Им даже удалось добраться до финальных отборочных соревнований. Там они должны были выступить против группы, в которой для особой привлекательности играл лилипут. Тот исполнял басовые партии и дергал за струну, как бешеный — больше на потеху публике. Потом на сцену вступила группа Джона. Прямые, как палки, ребята держались настолько скованно, что даже не моргали от волнения. Они не выиграли.

Потом пришло 15 июня 1956 года…

В этот день пасторат «Святого Питера» проводил ежегодное праздничное гулянье, которое всегда становилось кульминацией общественной жизни района Вултон. Пастор попросил Джона и его группу поучаствовать в праздничном шествии и после этого выступить на большом лугу.

После полудня пришла на праздник и тетя Мэри. Здесь ее ожидало потрясение. «Я пришла туда и выпила в палатке чашку чая. Вдруг возник этот ужасный шум, — рассказывала она. — Все, кто окружал меня, выскочили наружу, я — вслед за ними. И тут я увидела их на сцене. Джон меня сразу приметил — как я стояла с разинутым ртом. И он тут же проехался по моему адресу, запел на свой манер: „Вот и Мими идет“, — заблажил в микрофон, —

„Мими идет по дороге!..“»

В этот день, 15 июня 1956 года, в Аллертоне сел на свой велосипед четырнадцатилетний подросток. Его одноклассник Айвен Воган со значением намекнул, что в Вултоне должно произойти нечто интересное.

Этого подростка звали Пол Маккартни.

Новая глава

Пока ребята из «Куорримен» добросовестно трудились на импровизированной сцене, стараясь изобразить настоящее шоу, Айвен и Пол стояли рядом и с любопытством все это созерцали. Маккартни вспоминает: «Они были неплохи. Джон играл первую гитару. Он лупил по ней, как по банджо. Другие понимали в этом деле куда меньше, они просто бренчали. После этого я встретил их на площади перед церковью. Я говорил им какие-то пустяки, но при этом здорово воображал, показал им, как играют „Twenty Fligt Rock“ и пересказал весь текст. Они его не знали. Спел им песни Литл Ричарда, снова и снова „прокручивал“ весь свой репертуар. Там был и этот тип, накаченный пивом. Пока я играл, он все ближе подходил со своим красным носом. „Чего надо этому старому пьянице?“ Он сказал, что „Twenty Fligt Rock“ — одна из его любимых вещей. Да я и так уже понял, что он кое-что соображает в деле. Это был Джон. Он как раз принял еще стаканчик. Ему было шестнадцать, мне — четырнадцать, поэтому он был для меня, конечно, большим человеком. Я показал ему еще пару аккордов, которые он не знал. Потом я ушел, поняв, что произвел на него впечатление».

Пол мог быть довольным своим шагом. Джон сразу оценил его. И не только потому, что тот лучше играл на гитаре. Пол знал наизусть тексты всех хитов, которые тогда были в моде. А для Джона всегда было проблемой — запомнить текст. Кроме того, Пол умел настраивать гитару, в чем Джон и любой из его группы смыслили мало.

Хотя Джон понял, что Пол Маккартни и есть тот самый человек, который ему нужен, если он хочет ехать дальше со своим «Куорримен», он все же медлил. Леннон опасался, что потеряет свою неограниченную власть в группе. До сих пор все шло так, как он решал. И если в банде кто-то капризничал, то тут же вылетал. Ну, а теперь появится некто, кто лучше Джона. А если этот Пол захочет стать боссом? Во всяком случае Джон решил держать ухо востро.

Пол действительно не был салажонком в игре на гитаре. В семье Маккартни музыка всегда занимала большое место. Отец Пола, Джим Маккартни, с юности играл на пианино. В семнадцать лет он организовал собственную группу, которая выступала на танцах во время праздников разных предприятий. Отец придавал немалое значение тому, чтобы его сыновья Пол и Майкл овладели игрой на фортепиано. Он даже нанял для них учителя музыки, но без успеха. Особого желания у мальчиков не

было, даже Пол с прохладцей отнесся к затее.

Тогда Джим Маккартни послал его в хор ливерпульского собора. Но и это не вызвало у мальчишки особого восторга. Во время пения он намеренно давал петуха, будто у него ломается голос.

Поворотный момент наступил, когда дядя подарил ему трубу. Вскоре Пол уже мог играть на ней пару мелодий. Когда же ему исполнилось тринадцать, он захотел то, о чем мечтали многие ливерпульские парни, — гитару.

Отец сделал подарок сыну. Пол упражнялся на шестиструнной, как одержимый, на что старший Маккартни взирал с благосклонностью. Возникло было некоторое затруднение, мешающее овладению инструментом, — Пол был левшой. Но он все же смог приспособить гитару на свой лад.

Как и Джон, Пол находился под большим впечатлением от скиффл-музыки Лонни Донегана и приходил в восторг от рок-песенок Билла Хейли. Но потом Элвис Пресли полностью покорил его.

1956 год принес Полу Маккартни два события, которые сказались на его дальнейшей жизни: встреча с Джоном, что вскоре привело в группу «Куорримен», и кончина матери, умершей 31 октября от рака груди. Эта потеря потрясла мальчика. Друзья говорили, что с того момента он окунулся в музыку с какой-то неестественной яростью. Гитара стала для него своеобразной заменой матери, утверждали они.

Поначалу Джон относился к Полу настороженно, опасаясь, что тот прижмет его к стене. Но долго так продолжаться не могло, и Джон, наконец, признался себе, что с Полом ему повезло.

Он понял это окончательно в тот вечер, когда Пол выступил с ним впервые в «Conservative Club» на Бродвее (Ливерпуль). Танцы закончились, неистовая публика отправилась по домам, стулья в зале были поставлены на столы, и вот тут-то Пол показал Джону на опустевшей сцене пару вещей, которые сочинил сам. Одна из этих песенок называлась «I Lost My Little Girl» («Я потерял свою девчонку»). Мелодия была скромной, текст — малооригинальным. Но на Джона это произвело впечатление — разве не может он сочинять так же, как Пол? Спровоцированный примером приятеля, Джон засел за создание собственных зонгов. То, что из этого вышло, были сплошь «бабочки-однодневки» — песенки, которые игрались лишь однажды. Они не дошли до публики, поскольку та предпочитала ходовые хиты признанных мастеров. Бесспорно, однако, что тогда и было положено начало тому процессу, который привел к рождению блистательного

тандема двух великих мастеров рок-музыки. До 1958 года они написали вместе примерно сто песен, ни одна из которых не стала хитом. Более того, все они безвозвратно пропали, поскольку будущие классики рока тогда еще не знали нотной грамоты.

Нельзя недооценивать тот факт, что Пол оказывал на Джона дисциплинирующее воздействие. Маккартни упирал на то, что репетиции должны проходить регулярно. Они очень внимательно слушали новые пластинки, точно копировали образцы. Очевидно, что именно в тот период они начали набирать качество. Между Джоном и Полом возникла дружба, самый существенный аспект которой состоял в согласии насчет совместной цели: стать знаменитыми.

Отныне каждую свободную минуту оба проводили вместе. Джон перенял от Пола все приемы, которые он еще не знал. В жизни обоих главнейшее место занимала отныне только музыка.

Пол, который до тех пор считался почти образцовым учеником, начал пренебрегать школой и стал заметно хуже учиться. Джон и Пол были ядром «Куорримен», другие оставались случайными гостями, которые подыгрывали под настроение и лишь тогда, когда располагали временем. Пит Шоттон был вовсе изгнан, Айвен Воган, хоть и остался другом Джона, больше не выступал с ним.

Между лидерами возникло своеобразное соперничество. Каждый хотел доказать другому, что он — лучше. Иногда доходило до смешного. Они спорили о том, кому и как часто можно стоять впереди у края сцены. Как молодые петухи, они изо всех сил распускали перья, чтобы завоевать симпатии женской публики. Их необъявленная «война» помогла обоим. Всё лучше они овладевали своими инструментами, всё точнее копировали кумиров. В этой фазе развития соперничество между обоими явилось тем позитивным моментом, который способствовал успеху группы на местном уровне. Все возрастающий успех на ливерпульской сцене, который был их общим делом, укрепил дружбу.

Пол понимал, что группа должна развиваться, для чего необходимо искать хороших музыкантов. В школе он водил дружбу с одним парнем, который владел гитарой лучше, чем многие другие, и который понимал кое-что в скиффл-музыке и рок-н-ролле, а также был фаном Элвиса Пресли.

Его звали Джордж Харрисон. Он родился 25 февраля 1943 года. Джордж стал самым молодым членом группы.

Его отец, профессиональный водитель автобуса и профсоюзный функционер, знал, что солидное образование обретает особую ценность в кризисные времена. Джордж был

единственным из троих его сыновей, кого он определил в гимназию. А парень приходил в восторг от рока и с железным упорством учился игре на гитаре.

Маленький, с оттопыренными ушами, он боролся с комплексом неполноценности вызывающей одеждой, длинными волосами (задолго до того, как они вошли в моду) и хвастливыми выходками. Как и Джон Леннон, он отвергал всякий авторитет. Поэтому, когда пятнадцатилетний Харрисон встретил восемнадцатилетнего Леннона, на него куда большее впечатление, чем музыка, произвели мятежные повадки Джона.

Джордж вспоминает, как он первый раз «толкнулся» в группу:

«Я видел их на концерте в „Вильсон-Холле“ в Гарстоне. Поскольку я знал Пола, меня представили Джону. В тот вечер там был гитарист из другой группы — Эдди Клейтон. Он был просто великолепен. Джон сказал, что если я так сумею, то буду играть с ними. Тогда я показал им „Raunchy“, и Джон сказал, что я могу с ними работать».

«Встреча с Полом — это было так, как бывает, когда два человека находят друг друга. Не то, чтобы влюбляются, но что-то в этом роде. Это было дано только нам, и это приручает друг к другу. Все ладилось великолепно. Теперь нас было трое единомышленников», — так комментировал Джон Леннон столь удачно сложившуюся ситуацию.

Но хотя в то время уже составился костяк группы, которую позже назвали «The Beatles», перед ними лежал «длинный извилистый путь». Для Джона настал час прощания со школой и размышлений о будущей профессии. О каком-нибудь ремесле не могло быть и речи, выбор мог пасть лишь на что-то творческое. У тети опять возник повод для беспокойства. То, что Джон интенсивно занимался музыкой, ее не трогало, но забот прибавлялось.

Вместе со своим другом Найглом Джон замыслил отправиться в море. Он хотел стать кельнером на судне. Стюардная карьера его отца была в этих планах чем-то вроде божественного предначертания. Идея чуть было не осуществилась. Однажды Мэри Смит позвонили из посреднической конторы по трудоустройству моряков: «У нас тут некий Джон Леннон, который хочет наняться на судно». «Не вздумайте его принять», — закричала она в трубку.

Выпускные экзамены Джон ухитрился провалить по всем предметам, даже гуманитарным.

Многие его ровесники знали, чем им предстоит заниматься после школы. Род Дэйвис, который играл на банджо, решил еще на год продолжить обучение, чтобы сдать экзамены на

французском и немецком языках. Найджел Уолли, который с недавнего времени выступал в качестве антрепренера «Куорримен», занял учебное место на площадке для гольфа. Пит Шоттон, к огромному изумлению друзей, начал посещать полицейскую школу. Пол связывал свое будущее с карьерой педагога.

Джон знал лишь то, чего он не хотел, что противоречило его представлениям о свободе. Чему-то учиться день за днем, потом всю жизнь обязательно ходить на фабрику или в контору… Разве это не худший вид проклятого приспособленчества? Где же тогда найти возможности для того, чтобы полностью развернуть свои способности?

О том, что в этот период он и не помышлял о карьере музыканта, можно понять из следующего высказывания: «В принципе я не знал, кем должен стать. Во всяком случае хотел только одного — закончить свои дни эксцентричным миллионером. Для этого надо было только жениться на какой-нибудь миллионерше…»

Между Мэри Смит и мистером Побджоем, который опекал Джона несмотря на все его эскапады, состоялся важный разговор. Директор «Куорри» знал сильные качества Джона и сделал тёте предложение: дать племяннику возможность поучиться у него еще один год, чтобы подготовить его для поступления в школу искусств.

Художническая карьера на основе фундаментального образования — это пришлось по вкусу тете Мэри, поскольку совпадало с ее мечтой сделать из племянника что-то «стоящее».

Окончательная характеристика, которую дал Джону учитель, была вполне дружелюбной, если учесть его поведение:

> «Что касается манер и дисциплины, то в течение года он давал поводы для претензий, однако за последнее время стал лучше. Для того, чтобы он не очутился на кривой дорожке, необходимо прибрать его к рукам. Я верю, что сделать это еще не поздно, и он разовьется в сознательного и ответственного гражданина, который, возможно, далеко пойдет».

Летом 1957 года Мэри Смит нарядила Джона в белую рубашку, галстук и твидовый пиджак, который остался после дяди Джорджа. Лучшие одежды предназначались для визита в «Art College» («Художественный колледж»). Разряженным и отутюженным Джон чувствовал себя не совсем в своей тарелке. Но перспектива стать знаменитым художником или иллюстратором казалась ему приятней, чем монотонная работа

на каком-нибудь ливерпульском предприятии. Однако от прекрасной мечты, конечно, осталось совсем немного. Он был принят в класс, где готовили художников по шрифтам.

С осени 1957 года Джон стал каждое утро проделывать путь на Хоуп-стрит, в школу искусств. Это уже был не тот рафинированный абитуриент, который предстал на летних смотринах, но по-пролетарски державшийся стиляга — в длинном сакко, лиловой рубашке и брюках-дудочках. Перед ним лежали четыре бесконечно долгих года, учебный план, который надлежало ревностно и прилежно осилить. Джон, который еще недавно так радовался избавлению от школьной «рутины», вновь очутился в знакомой колее.

Уже одним своим внешним видом Леннон бросил вызов однокашникам. Они происходили из другого социального слоя, были детьми интеллектуалов, бизнесменов и служащих, которые по-иному одевались, а в музыкальном смысле предпочитали умеренный джаз и отвергали «пролетарский» рок-н-ролл. Они считали, что такому типу, как этот Леннон, не место в их школе. Отторжение было взаимным. Джон видел в окружающих «приспособленцев», их показное превосходство было ему противно. Эйфория от удач, которая могла бы его стимулировать, исчерпала себя. Вскоре для многих преподавателей он стал «просто ужасом», которому абсолютно все равно. Артур Баллард, самый необычный из преподавателей колледжа, — он проводил свои занятия большей частью в задней комнате паба — отличал Джона не столько за его авантюрную одежду, сколько за постоянный сплин.

Баллард вспоминает: «Ученики вывешивали свои работы, затем мы их обсуждали. Вещи Джона были или ниже всякой критики, или он вообще ничего не показывал. Мне он всегда казался черной овцой в стаде, что от других тщательно скрывалось. Однажды в классе я нашел тетрадь с карикатурами на меня, других преподавателей, учеников. Все они были с подписями и виршами. Это было самым остроумным из того, что я до сих пор видел. Имени на тетради не было. Прошло немало времени, прежде чем до меня дошло: они принадлежат Леннону. Когда в следующий раз обсуждались ученические работы, я представил на дискуссию карикатуры Леннона. Джон не верил, что их вообще будет кто-то рассматривать, не говоря уже о том, что найдет хорошими. Позднее я ему сказал: „Когда я думаю об интерпретации, я вспоминаю, как работаешь ты. Того же я жду от своих учеников“».

Эти слова могли вдохновить кого угодно, но только не Джона. На Леннона они не возымели никакого действия.

Шрифтовик-ремесленник, рисующий плакаты, на которых красуются имена больших звезд, — это было не то, о чем он мечтал. ЕГО имя должно кричать с афиш, ЕГО имя должно прославить группу.

Разве Элвис Пресли не был простым водителем, который сделал то, что хотел? Что же мешает ему, Джону, достичь своей цели?

Однако всепобеждающий успех «Куорримен» оставался пока лишь благим пожеланием его участников. Тем яростней Джон вместе с Полом и Джорджем продолжал борьбу за популярность ансамбля.

В колледже искусств он становился редким гостем.

Смерть матери

Отношения Джона и Джулии становились все теснее. Чем отчаянней тетя противилась переменам в его жизни, чем агрессивнее отвергала его друзей и выступала против его музыкальных амбиций, тем большую привязанность он чувствовал к матери.

Джулия, любви которой ему так болезненно не хватало в детстве, была теперь его ближайшим союзником. При ней не надо было притворяться, он мог оставаться всегда самим собой. Она одобряла и развивала его интерес к музыке, была единственным человеком, кто принимал его безусловно и не ставил никаких требований.

В тот вторник, в разгар лета, 15 июля 1958 года, Джон убежал из Вултона к Джулии, чтобы избавиться от тетиных нотаций и упреков. А Джулия, наоборот, уехала после обеда к своей сестре, как это она часто делала. Очевидно, Джон был в тот день в центре разговора между сестрами.

Джон и «Twitchy» («Дерганный»), друг Джулии, сидят в ее квартире и ждут, когда она возвратится. Наконец, в дверь звонят. Но на пороге стоит… полицейский.

Он сообщил, что Джулия попала под машину и скончалась на месте.

Джон не в силах постичь то, что ему говорит полицейский, стоящий в дверях. Он не может это понять даже тогда, когда садится с «Twitchy» в такси, чтобы ехать в «Sefton General Hospital», где Джулия лежит уже на катафалке. Лишь в больнице Джон выходит из оцепенения. Он отказывается смотреть на труп своей матери. Он хочет сохранить ее в памяти такой, какой знал при жизни.

Позже он скажет о том дне: «Это было самое плохое, что со мной когда-нибудь случалось. Джулия и я, мы за считанные годы так много наверстали. Наши взгляды во всем совпадали. Мы фантастически ладили. Она была великолепна.

Я думал: дерьмо, дерьмо, дерьмо! Теперь действительно все кончено».

Джон, который внешне всегда притворялся сильным человеком, пытался вызывающей позой и особой агрессивностью скрыть от окружающих свое душевное состояние. Он никому не хотел показывать горе, всякую жалость он грубо отвергал. К своим подругам относился беспощадно, часто напивался. Лишь наедине с собой он давал волю чувствам, впадал в апатию и плакал.

Только с дистанции многих лет Джон смог выразить эти чувства. Он сделал это в песнях «Джулия» (1968), «Мама» (1970) и «Смерть моей мамы» (1970).

Вскоре после смерти матери в поле зрения Джона оказались два человека, много сделавших для него в этой тяжелой житейской ситуации.

Синтия Пауэлл, девушка типа «не-трогай-меня», одевавшаяся, как подобает воспитанной дочери респектабельных родителей, давно интересовалась Джоном. Она сидела прямо за ним в том же классе «College of Art». Она была счастлива, если Джон иногда оборачивался и без слов заимствовал ее тонко и тщательно отточенные карандаши, кисточку или линейку. Он посмеивался над ней, поскольку она происходила из «района рафинированных людей» — «Hoylake». Они немного сблизились, когда окулист, проводивший проверку в их классе, обнаружил у обоих довольно сильную близорукость. Джон позволял Синтии Пауэлл ухаживать за ним. Она выкрасила волосы под блондинку, чтобы быть похожей на Бриджит Бардо — идеал Джона. Она снимала очки, носила тесные пуловеры и короткие юбки, втискивалась в узкие черные бархатные брюки. Наконец, она часто появлялась там, где могла встретить Джона. Его друзья не могли взять в толк, что он нашел в этой бледной, неприметной Синтии. А ее подруги предостерегали девушку от этого жестокого, циничного стиляги Джона.

Для него же Синтия была в тот момент, как бальзам на душу. Женщины, с которыми он до сих пор имел дело, были — тетя Мэри и Джулия. Первая стремилась воспитать из него «порядочного человека», что воспринималось подростком как невыносимая опека, ибо было связано с нотациями и внушениями. А вторая… Джулии больше не было.

С Синтией Джон приобрел новый опыт. Появился некто, кто любил его безусловно, подчинялся ему до самоотречения, кто излучал кроткость и покой. Джона, который еще не справился с травмой, вызванной смертью матери, это лечило, а кроме того, — льстило его самолюбию. Правда, так легко он не мог выскочить из своей шкуры. Он все время ужасал Синтию грубыми шутками. Приходя от чего-то в ярость, срывал ее на тихой девушке. Обстоятельства складывались так, что ему не удавалось показывать добрые чувства, которые он прятал обычно за сарказмом и оскорбительными насмешками.

Близким другом Джона стал в это время и Стюарт Сатклифф. Шотландец по происхождению, он, как и Леннон, родился в 1940 году. Принятый в художественный колледж «в порядке исключения» (он был моложе всех других студентов), Стюарт счел

за экстравагантность никогда его не посещать. Артур Баллард, учитель Сатклиффа, дважды в неделю отправлялся в маленькое ателье, которое Стюарт оборудовал в подвале дома на Персистрит. Молодой художник обладал незаурядным талантом, вследствии чего мистер Баллард на многое смотрел снисходительно и частенько припасал для преподавательских часов в подвале бутылочку виски. Стюарт Сатклифф имел некоторое сходство с трагически погибшим в 1955 году знаменитым голливудским актером Джеймсом Дином, который благодаря ролям в фильмах «По ту сторону Адена», «Потому что они не ведают, что творят» и «Гиганты» приобрел популярность в Америке и Западной Европе. Стюарт во всем подражал своему идеалу — в одежде, прическе, даже носил темные очки. Джон восхищался картинами юноши, был под впечатлением от его необъятных знаний в области живописи и искусства. Леннон добивался дружбы с Сатклиффом, но и последний уважал Джона — прежде всего за непоколебимую уверенность в себе. Кроме того, он был очарован музыкой, которую исполняли Джон и его друзья. Леннон решил попытаться уговорить нового друга играть в его группе. Вначале тот отказался, поскольку не владел ни одним инструментом, да и особой музыкальной одаренностью не отличался. Однако Джон не отступал — Стюарт был его другом, поэтому обязательно должен выступать в группе. Как раз в то время Сатклифф познал первый успех: одна из его картин была выставлена в знаменитой «Walker — Galerie» и в конце концов даже куплена. Шестьдесят фунтов, вырученных от продажи, предполагалось, вообще-то, потратить на покупку новых красок, кистей и холстов, но в итоге они превратились в бас-гитару, хотя Джон рассчитывал на ударную установку. Отныне он, Пол и Джордж тратили уйму времени, пытаясь научить Стюарта элементарным приемам игры. Но поскольку настоящая музыкальность была ему чужда, Сатклифф не мог импровизировать и скорее плохо, чем правильно, «бацал» затверженные партии.

Джону это ничуть не мешало. Для него было важно — Стюарт теперь член его группы. Пол Маккартни впадал в ярость от беспомощности Сатклиффа и при каждом удобном случае награждал его затрещинами.

Вопреки этому дружба между Ленноном и Сатклиффом, которого все называли Стью, становилась все теснее. Когда Стюарт покинул свое подвальное ателье, он вместе с Джоном переехал на квартиру «Cambia Terrace». Таким образом Леннон пытался избавиться от тетиной опеки.

«Я вел тогда совершенно суровую жизнь. Каморка была, как

задница. Мы выдержали там по меньшей мере четыре месяца и не делали ничего другого, как упражнялись в музыке и рисовании. Это была чистейшая помойка. По-моему, кроме нас, еще семь типов такого же калибра населяли эту нору. Обстоятельства были ужасными, а дом — настоящей руиной. Мебели не существовало, только кровати. И если бы мы продержались там дольше, то никогда бы не назвали этот сарай своим домом», — так описывал Джон тогдашнюю жизнь.

Разбег к успеху

Тони Шеридан, одногодок Джона Леннона, в 1959 году прервал учебу в «Norwich Arts School». Он сделал это, чтобы играть рок-н-ролл, и вместе со своей группой «Londoner Coffeehouse-Bands» производил фурор. Шеридан, который осуществил прорыв от скиффла к блюзу и рок-н-роллу, сказал мне в одном интервью:

— Мы все были честолюбивы. То есть, вовсю тратили энергию, которую унаследовали, причем делали это с небывалой агрессивностью. И еще нам хотелось быть любимыми. Мы стояли на сцене потому, что получали от публики прекрасное эхо. Оно было выражением любви и признательности. Это давало нам чувство защищенности.

Р.Б.: — Надо понимать это так, что движущим мотивом был поиск самоутверждения?

ШЕРИДАН: — Да, конечно, это нельзя отделять одно от другого. Мы были тогда очень конфузливы и одновременно агрессивны. Ты не можешь себе представить, до чего мы были агрессивны. И мы даже внешне хотели казаться такими — униформа из кожаной куртки, джинсов и прически…

Р.Б.: — Не было ли это подражанием тому, что шло из США?

ШЕРИДАН: — Верно. Джеймс Дин был нашим идолом. Особенно Стюарт Сатклифф старался выглядеть, как Дин. Мы все носили эту маску…

Р.Б.: — Ты не можешь объяснить, откуда пришла эта агрессивность, против чего она направлялась?

ШЕРИДАН: — Против всех структур, которые нас придерживали и мешали нашему самовыражению. Причем такому, какое мы считали единственно правильным. В музыке это означало стоять на сцене, извиваться и дергаться, изображать диких типов. Джеймс Дин, Марлон Брандо и другие идолы из США предлагали нам только образец поведения, ну а собственно агрессивность была в нас самих…

Как же поколение, к которому принадлежал Джон Леннон, воплощало свои идеалы и ценности? Стало общим местом, что эти категории не являются независимыми от общественных норм, которые присущи господствующим производственным и классовым отношениям. Не высокие моральные качества, а собственность и деньги гарантируют тому, у кого их достаточно, почет и уважение, власть над другими. Но даже избитая мудрость — права.

В 1955 году, когда Джон Леннон основал «Куорримен»,

премьер-министр Англии сэр Уинстон Черчилль вышел в отставку. От гордой британской империи осталось немного. Вследствие развившегося после второй мировой войны движения за независимость африканские и азиатские колонии, которые были когда-то источником богатства для королевства, освобождались.

Прежние представления о морали девальвировались. Колониальный служащий или бравый офицер, бывшие когда-то эталоном для молодежи, превратились в комические фигуры. Идеалы борьбы за лучший мир, рожденные в боях против фашизма, распались в криках и истериках холодной войны, вспыхнувшей после 1945 года. Сохранились лишь исключительно консервативные формы существования, которые послевоенная молодежь считала пустотелыми и лишенными смысла. Отвергая их, лишенные ориентиров, молодые поднимали мятеж против всего.

После второй мировой войны Великобритания утратила место в ряду больших империалистических держав. До начала пятидесятых годов в стране сохранялось рационирование продовольствия. Потом наступил экономический подъем, продолжавшийся до порога шестидесятых. Смысл жизни родительского поколения — стремиться к обогащению — многие молодые люди не принимали. Они отвергали лицемерие и лживость, которые то и дело просвечивали сквозь буржуазную мораль.

Часть молодежи осознанно искала возможность отчуждения от жизни взрослых. Музыка рок-н-ролла, отвергнутая родителями, как нельзя кстати подходила для этого. В ней молодые нашли нишу, предназначенную только для них.

В начале шестидесятых годов экономическое положение Англии ухудшилось. В столь индустриально насыщенной стране удары надвигающегося кризиса были особенно жесткими. Безработные перед биржами труда, молодые люди, лишенные перспективы обучения после школы, обреченные — в лучшем случае — на место подсобного рабочего… Время, отмеченное безработицей и тупиковой ситуацией для молодежи, — не слишком хорошее время для культивирования высоких идеалов.

В Англии, как и в большинстве других высокоразвитых капиталистических стран, назрел «бесшумный» мятеж молодежи. Бесшумный в том смысле, что из стихийного протеста не сформировалось политическое движение, как это произошло позже, во второй половине шестидесятых годов. Тогда сотни тысяч юношей и девушек, ведомых студенческими лидерами, вышли на улицы больших городов США и Западной Европы с

политическими требованиями. Протест же английской молодежи конца пятидесятых проявился совсем другим образом. Она намеренно и демонстративно порывала с принятыми нормами поведения, слушала рок-н-ролл, пришедший из США, и одевалась с дерзким вызовом консервативной английской моде. В поисках идеалов она находила героев рок- и попсцены и во всем подражала им.

Буржуазные идеологи сводят все эти явления к пресловутому конфликту «отцов и детей», называют их следствием ссоры поколений. То, что речь шла о кризисе капиталистического общества, который оказал воздействие на все социальные отношения, ими замалчивается.

В одной из статей, опубликованных во «Франкфуртер Альгемайнер Цайтунг» на рубеже 1955—1956 годов, была попытка проанализировать так называемую «проблему стиляг», которая беспокоила всю западноевропейскую общественность. Если тенденцию огрубления и запустения молодежи не пресечь, то придется считаться с опасностью, которая «хуже атомной бомбы». Причина этого угрожающего процесса, как утверждает автор статьи, лежит в бессилии безвольных родителей, которые не в состоянии воспитывать своих детей. Эта оценка явно расходится с реальностью, поскольку не вскрывает общественные причины явления.

Прежде чем «бесшумный» мятеж перерос в политически громкий, он был в коммерческом смысле умело перехвачен. Развилась индустрия насыщения свободного времени, ориентированная исключительно на молодежные потребности: музыка, мода, инструменты, косметика, пластинки, транзисторы, проигрыватели… Уже в 1959 году эта индустрия достигла оборота примерно в 10 биллионов долларов.

Идолов в качестве эрзац-идеалов стало не хватать. Сказкой о посудомойке, превратившейся в миллионершу, уже никого нельзя было соблазнить. Предстояло ввести в дело что-то новое: например, был когда-то парень, простой водитель. Однажды он взял гитару, начал петь и стал миллионером. Примерно так звучала легенда Элвиса Пресли. Журналы и другие издания, предназначенные специально для молодых людей, тиражировали такие истории как на конвейере.

В конце пятидесятых годов тысячи парней принялись за гитары, чтобы посоперничать со своими идолами, стать, как и они, богатыми и знаменитыми.

Среди них были Джон и его друзья.

Потом уже не только в Ливерпуле возникли десятки таких групп. Это было время, когда клубы росли, как грибы после

теплого дождя. В своей книге «Бит — безъязыкая оппозиция» публицист из ФРГ Дитер Бааке так описывает ситуацию: «Социальное напряжение в обществе осознает прежде всего молодой человек — ему искать в нем место для себя. Если условия так неблагоприятны, как это было в Ливерпуле, где главными считались проблемы жилья, образования и занятости, то он уступает это место преступности (в 1962 году 34,2 процента всех наказуемых правонарушений в Англии совершались молодежью в возрасте между 14 и 21 годами) или ищет поле для удовлетворения сиюминутных личных потребностей. Такой сферой стали бит-кабаки, которые возникли на угрюмых узких улицах города, где из американского рок-н-ролла, из народного, песенного скиффла и приправы из нью-орлеанского джаза постепенно сложилась музыка, названная впоследствии „битом“».

На большой сцене среди многих групп ансамбль «Куорримен» отчаянно боролся за первенство. Своего собственного звучания, отличного от других, у них все еще не было. Время от времени они играли на торжествах и вечеринках, но успех, заслуживающий упоминания, не приходил. Джону никак не удавалось привязать к своей группе ударника, что стало для них на долгое время гандикапом. Парней, которые играли на ударных, было достаточно, но едва ли кто-нибудь из них обладал собственным инструментом. Для покупки укомплектованной ударной установки требовалось отстегнуть далеко за сотни фунтов. У кого ж они были? Парни со своими барабанами считались самыми дефицитными людьми. А уж они-то знали, какую ценность представляют для общества. Иногда Джону удавалось уговорить кого-нибудь для совместного выступления, но только на один вечер. К тому же любая группа, которая держалась на плаву и чего-то стоила, имела свои усилители. Но парни из «Куорримен» и здесь ничем не могли похвастаться.

Джон снова попытал счастья в предварительном отборе для участия в «Шоу талантов». На этот раз с ними выступил ударник Колин Хантон. Первый этап они прошли успешно, прорвались на заключительный турнир в Манчестере. Это был шанс! Завершающий концерт привлекал выступлением по телевидению. Джон и его друзья уже видели себя в Лондоне и даже на самом верху успеха — в Нью-Йорке. Незадолго до поездки в Манчестер Леннон дал группе новое название — «Johnny and the Moondogs» («Джонни и лунные собаки»). Проблема ударных была решена: Колин Хантон, который тоже почуял свой шанс, поехал с ними.

Правда, была еще одна трудность. У «Джонни и лунных собак» пустовала касса. В автобусе по дороге в Манчестер Пол констатировал, что его денег не хватит на обратный путь. Один

сердобольный пассажир подарил ему два шиллинга. В Манчестере они играли, как черти, но финал, который передавали по телевидению и во время которого определяли победителей, состоялся без них. В ярости, проклиная все на свете, они сидели в это время в автобусе — последнем, который возвращался в Ливерпуль. Если бы у них были деньги, чтобы переночевать в Манчестере, место в финальном соревновании они бы непременно заняли.

Вскоре после этого отец Джорджа Харрисона добыл «Лунным собакам» еще один шанс. Владелец кинотеатра, искавший музыкантов, которые могли бы между сеансами заботиться о настроении зрителей, согласился рискнуть с группой Джона.

Колин Хантон рассказывает: «Вначале все шло чудесно. Мы пришли в отличное настроение. Там была настоящая сцена с занавесом, который без всякой системы то опускался, то поднимался. В тот день он вообще не функционировал, поэтому в первом туре мы исполнили шесть песен вместо пяти. Публика была в восторге. В паузе нам кто-то сказал, что для каждого припасен стаканчик пива. Из одного стало два, а потом — три. Когда мы опять вылезли на сцену, все пошло вкривь и вкось, поскольку все здорово нарезались. Человек из кино не стал нас ангажировать. По дороге домой мы заспорили, и я подумал: стоп, я с ними больше не играю».

Так был упущен и этот шанс. Джон опять остался без ударника.

Долгое время они играли только на вечеринках да на днях рождения. Название группы при этом меняли, как рубашки. После «Куорримен» и «Джонни и лунные собаки» они назывались «Rainbows» и «Nurk Twins», если Джон и Пол выступали дуэтом. Джордж иногда играл в группе, имя которой было «Квартет Леса Стюарта» в «Лоулэнд-Клубе», Вест-Дерби. Джон допускал при этом, что его группе такие «гастроли» не помогают. Но отказаться от Джорджа ему никогда не приходило в голову.

Художественный колледж видел его все реже. Просиживать там — потерянное время.

Неожиданно для Джона и его группы выдался благоприятный случай. Появилась возможность контакта со вновь открытым клубом. Мона Бест, женщина индийского происхождения, основала в подвальных помещениях своего дома клуб, который она назвала «Касбах». Джордж вошел с ней в деловые отношения. С его же помощью в группу пришел новый человек — Кен Браун — который принес свою 10-ваттную усилительную установку. Это сразу подняло шансы ансамбля.

Мона Бест ревностно следила за тем, чтобы ее «Кофейный

клуб Касбах» не стал, как большинство такого рода заведений в Ливерпуле, клубом с «двойным дном». Там были только кофе, сладости и безалкогольные напитки. Вечер за вечером Джон, Пол, Джордж и Кен играли за настоящее жалованье — три фунта за выступление. Бизнес Моны Бест расцветал. Группа Джона притягивала тинэйджеров из Вест-Дерби. Джон впервые почувствовал вкус успеха, хотя трехфунтовое жалованье не давало повода преувеличивать его масштабы.

Синтия каждый вечер сидела в клубе, гордилась Джоном и ревновала, если другие девушки строили ему глазки.

По уик-эндам наплыв посетителей «Касбаха» бывал таким мощным, что Мона Бест ставила у входа двоих распорядителей, которые регулировали впуск. Пит Бест, старший сын шефини, с интересом следил за выступлениями Джона и его друзей. И хотя он хотел стать учителем, рок-н-ролл очаровал его. Иногда Пит сам играл на ударных. Однако период «Касбаха» закончился быстро, причем не как-нибудь, а — крахом. Мона Бест рассказывает: «Все было в лучшем виде до того вечера, когда Кен Браун пришел в клуб с сильной простудой. Я сразу увидела, что он — не в форме. Я сказала ему: „Иди-ка наверх, к моей матери, я дам тебе выпить чего-нибудь горячего“. Но Кен сказал „нет“, остался внизу, в клубе, и смотрел, как играют другие. Джон, Пол и Джордж выступали без него, а в конце я выдала каждому из них причитающееся жалованье. Они немного поворчали, а потом спросили, где бы могли быть еще три фунта. Я сказала им, что хотела бы отдать их Кену. С этим они не согласились и потребовали остаток для себя. Но было слишком поздно, Кен уже получил свои деньги. Они разругались, и тогда Кен сказал, что сыт ими по горло».

Так Джон опять оказался вне игры. Это было опрометчивым решением — отказаться от работы у Моны Бест. В других клубах делать было просто нечего, во всяком случае группе Джона, ведь громкий рок был поначалу отвергнут и считался предосудительным. Везде доминировал джаз. Исключением не был и знаменитый позже «Cavern-Club» («Клуб „Пещера“»).

Не без раздражения и потому вряд ли справедливо Джон как-то высказался насчет этого: «Мы всегда были против джаза. Это, по-моему, дерьмовая музыка для студентов, еще глупее, чем рок-н-ролл. Джаз никуда не ведет, ничего не совершает, всегда одно и то же. Джазмены не делают ничего, только трескают пиво. Мы ненавидели их еще и потому, что нас не в каждый клуб пускали. Там все хотели слушать только джаз. Из-за этих банд нам никогда не давали играть».

Посетители джаз-клубов рекрутировались из другого

социального слоя, чем фаны рок-н-ролла. В этих ливерпульских подвалах встречались молодые люди из полусвета, преимущественно студенты-интеллектуалы и служащие, в то время как жаркий рок предпочитала молодежь из непривилегированных слоев.

В тот момент Джон опять изменил название группы. Бадди Холли был тем, чью музыку они тогда находили особенно хорошей. Зависть вызывало и название сопровождающей его группы — «Crickets» («Сверчки»).

О том, как родилось имя «The Beatles», есть целый ряд версий, в том числе и самих битлов. Один человек пролетал как-то мимо окна на ковре и прокричал им это название, объявили они однажды. Ближе к правде, похоже, вариант, предложенный Джоном Ленноном: «Сидел я раз дома и думал о том, как хорошо название „Сверчки“ для английской группы. И тут мне вдруг вспомнилось собирательное понятие „beetles“ (жуки). Я решил написать это слово немного по-другому, а именно „Beatles“. Так только, ради смеха, напомнить о бит-музыке». Однако фирма еще некоторое время выступала под другим девизом. В моде были длинные названия, вроде «Cliff Richard and the Shadows», «Cass and the Casanovas». Похожим образом они назвали и себя: «Long John and the Silver Beatles».

И вот опять замаячила надежда. Когда перед выступлением их спросили о названии, они ответили: «Silver Beatles». Это имя должно было принести им счастье. Однако решающим все же стало их возросшее музыкальное мастерство. Вплоть до Стью Сатклиффа они хорошо овладели своими инструментами, а их репертуар включал все, что было в моде.

Человеком, который помогал «Серебряным жукам» в их прыжках, был Аллан Вильямс — владелец клуба «Джакаранда» в Ливерпуле. Эта помощь не была актом чистого бескорыстия. Просто Вильямс сделал для себя открытие, что антрепренерство приносит больший доход, чем ведение клубных дел.

Джон и его друзья были постоянными клиентами в «Джакаранде», но не как ангажированные музыканты, а как «лентяи, которые бьют баклуши», как выражался Вильямс.

Джон спросил его, не мог ли он при случае замолвить словечко за группу. Он знал, что Вильямс был в хорошем контакте с лондонским топ-менеджером Лэрри Парнсом, который всегда искал для своих звезд сопровождающие группы. Поскольку Джон и Стью помогли Вильямсу в оформлении карнавального вагона, он не очень твердо, но все же обещал им что-нибудь сделать. А для начала они должны были покрасить дамский туалет и разрисовать стены клуба. Когда Вильямс вместе с Лэрри

Парнсом устроил концерт на боксерском ринге в Ливерпуле, «Серебряные жуки» стояли у самого края и наблюдали, как их старые соперники, группа с лилипутом Ники Кафом, «творили» среди канатов, Они слушали Рори Шторма и его группу, смотрели на «Кэсс и Казановас» и возмущались.

Но Вильямс все же кое-что сделал для Джона: он позаботился об ударнике с собственной установкой. Это был тридцатишестилетний Томми Мур, работавший на бутылочной фабрике водителем укладчика. На первой же репетиции Томми Мур был признан «хорошим человеком».

С тех пор Джон регулярно собирал своих друзей в подвале «Джакаранды». Он поставил перед собой цель — так повысить качество игры, чтобы Вильямсу не оставалось ничего другого, как обеспечить им хотя бы пару выступлений. Однако выступать в «Джакаранде» они могли лишь тогда, когда «домашняя» группа «Royal Caribbean Steel Band» получала «день для домашнего хозяйства».

Вскоре у «Серебряных жуков» появился новый шанс. Лэрри Парнс приехал в Ливерпуль, чтобы поискать сопроводительную группу для турне своей звезды Билла Фьюри. Он прослушал разные коллективы, но выбор пал на «Жуков».

«Билл Фьюри был тогда большой звездой», — вспоминал Джон Леннон. «Выступления на ТВ, турне и много денег манили нас, и мы играли, как черти».

Парнс и Билл были очарованы «Серебряными жуками». Но была одна проблема, и звалась она Стюарт Сатклифф. Джон Леннон сказал об этом так: «Он все никак не мог научиться играть правильно. Во время выступлений стоял спиной к публике, чтобы никто не видел, как мало он понимал в бас-гитаре, как примитивно играл вообще. То же самое было в день прослушивания. Но Лэрри Парнс все видел. Он считал, что если бы мы поискали нового басиста, то получили бы настоящую работу».

«Серебряные жуки» не получили приглашения, поскольку Джон не хотел исключать из группы своего друга. Он сказал тогда: «Все или никто». Если бы Джон послушал других, Стюарта бы безжалостно вымели. Но он никого не спрашивал. Дружба со Стью была для него ценнее, чем ангажемент.

Из-за этого решения климат в ансамбле ухудшился. Пол, который жаждал успеха не меньше Джона, видел, что Стюарт Сатклифф был, как камень посреди дороги наверх. Прежде Пол был для Леннона первым человеком в коллективе, потом он увидел в Стюарте соперника и стал относиться к нему особенно ревниво. Теперь же, когда из-за Стью не состоялось турне, Пол

решил вывести его из себя при первом удобном случае.

Однако через несколько недель Аллан Вильямс, который чувствовал себя менеджером «Серебряных жуков», получил письмо от Лэрри Парнса. Последний решил все-таки пригласить группу Джона для опекаемого им Джонни Джентла. На две недели они должны были отправиться в турне по Шотландии. Жалованье — четырнадцать фунтов в неделю. С ними мог поехать и Стюарт.

Было ли это страстно ожидаемым успехом?

Джон не сомневался, что это именно так. Впервые они отправились в настоящее турне, за настоящий гонорар, с настоящей звездой, вечер за вечером могли выходить на сцену. Для Джона это было доказательством того, что он не ошибся, решив добиться славы и богатства — музыкой. Четырнадцать фунтов в неделю — большое расстояние до миллиона, зато сколько надежд…

Пол, Джордж, Стью и Томми Мур были воодушевлены не меньше. Однако во время турне восторги поубавились. На недостаток успеха сетовать не приходилось. Джонни Джентл признавался, что «Серебряные жуки» принимались публикой даже лучше, чем он сам. Но обстоятельства сложились несколько иначе, чем представлял Джон. На громыхающем автофургоне они мотались от местечка к местечку. Джонни Джентл сидел за рулем. Уровень алкоголя в его крови редко понижался до нулевой отметки. Уже на второй день он наехал на припаркованный автомобиль. Фургон пострадал не очень сильно, но Томми Мура с легким сотрясением мозга и шатающимися резцами отправили в больницу. Вечером Джон и другие явились, чтобы вытащить его из постели. Безвольно, шатаясь от пережитого и обезболивающих таблеток, Томми дал увести себя из больницы.

На следующее утро все двинулись дальше.

Джон следил за тем, чтобы ничего не пошло наперекосяк. Он лучше других знал, как много зависит для его группы от этого предприятия. Последней станцией их двухнедельного путешествия стал Инвернесс. Они приехали туда утром, смертельно уставшие. В отель их еще не пускали.

«Нам пришлось прогуляться вокруг порта с его рыбацкими лодками. Для меня это стало последней каплей, натерпелся до чертиков. Особенно от этого Леннона. Кроме того, я был голоден», — рассказывал потом Томми Мур.

Джон остался доволен турне, публика принимала их хорошо. Хоть ударник и лишился нескольких зубов, но что значили такие мелочи в сравнении с тем, что «Серебряные жуки» вышли на новый курс, что успех принес реальные надежды. В финансовом

отношении их положение, конечно, не улучшилось. Больше, чем по паре фунтов, они домой не привезли.

Когда Томми выложил на стол перед своей подружкой заработанные монеты, она ему сказала, что две недели на стекольном заводе принесли бы куда больше. Томми пришлось согласиться, что она права.

И все же надежды Джона, кажется, начали сбываться. Аллан Вильямс, который между тем основал «Jacaranda Enterprises Agentur», ввел «Жуков» в обойму групп, которым посредничал при организации концертов в Ливерпуле и окрестностях.

Тем самым апрель 1960 года стал для Джона и его ансамбля самым удачным месяцем со времени его существования. Вскоре после турне Вильямс выступил посредником между группой Леннона и Лесом Доддом, который владел танцевальным залом в Уолласи. Вместе с ними выступала группа, которая уже получила известность в Ливерпуле — «Gerry and the Pacemakers». Рекламные плакаты обоих коллективов презентовали их как «специалистов джайва и рока».

Но не успели они выступить и пару раз, как Джона опять постигла неудача — группу покинул барабанщик Томми Мур. Подружка убедила его, что на бутылочном заводе можно преуспеть куда быстрее. Эта работа давала ей больше уверенности.

Вновь Джон очутился перед старой проблемой — где найти ударника? Он пошел было на фабрику, чтобы потолковать с Муром, но тот его и слушать не стал. Джон явился вечерком к его подруге — та выставила его вон.

Для Джона, Пола и Джорджа не было ничего важнее музыки. Только Стюарт, который не переоценивал свои исполнительские возможности, знал твердо, что музыка не определит его будущее. Как и прежде, его очаровывала живопись. Однако Артур Баллард редко видел Сатклиффа, еще реже он встречался с Джоном. Для Пола и Джорджа школа тоже потеряла всякую привлекательность. Для них в мире осталась только музыка.

После ухода Томми Мура «Серебряным» все труднее стало добиваться платных концертов. Довольно долго они кисли в стриптизном ресторанчике на «Upper Parliament Street». Они щипали струны без всякого настроения в то время, как Дженнис, танцовщица стриптиза, оголяла свои прелести.

Иногда после обеда они играли в «New Colony» — клубе, который принадлежал выходцу из Вест-Индии с мошенническим именем «лорд Вудбайн». Их публикой были моряки с невестами на час. Нередко между «морскими волками» возникало некоторое взаимонепонимание, которое «лорд» пресекал весьма

решительно, размахивая во все стороны кухонным ножом. Ни эта атмосфера, ни десять шиллингов за выступление не стимулировали «Серебряных жуков».

Потом снова возник Аллан Вильямс, который всегда держал нос по ветру.

И счастливый случай не заставил себя ждать.

Когда однажды вечером Вильямс пришел в свою «Джакаранду», то не обнаружил музыкантов «Royal Caribbean Steel Band», которые обыкновенно «колотили там по своим бензиновым бочкам.» Агент из ФРГ завербовал их. «Серебряные жуки» охотно закрыли брешь. И у Вильямса появилась идея. Бит-групп в Ливерпуле тогда было едва ли не больше, чем слушателей. Так разве нельзя заработать кучу денег, просто продавая лучших из них в Гамбург?

Вильямс занялся подбором ансамблей для этого города. Комплексом неполноценности он не страдал, и потому представлялся шефам гамбургских клубов как «менеджер всемирно известных групп рок-н-ролла». И это произвело впечатление на Бруно Кошмидера, владельца «Кайзеровского подвала». Тот время от времени приезжал в Англию, чтобы на месте послушать некоторые группы.

Вскоре Вильямс послал в Гамбург ансамбль «Derry and the Seniors» и Тони Шеридана. Кошмидер остался ими доволен и в письме попросил прислать третью группу для другого своего клуба — «Индры».

Вильямс имел в запасе «Rory Storm and the Hurricanes», но с ними ничего не вышло. И тогда он решил рискнуть с «Жуками», отправив в Германию пробную запись. Кошмидеру они понравились. Это не пришлось по вкусу певцу «Сениорз» Дерри Уилки, который полагал, что такая «вялая» группа, как «Сильвер Битлз», разрушит уважение к ливерпульской бит-музыке.

Но поскольку в его распоряжении в тот момент не было других коллективов, Вильямс предложил Джону отправиться в Гамбург вместе со своей группой.

Если это не означало прорыв, то что же это было?

Джон легко перенес расставание с колледжем искусств.

Стюарт Сатклифф сомневался. Как раз в то время он должен был приступить к одногодичному обучению на педагога. И лишь согласие колледжа на отсрочку начала занятий позволило ему поехать в Гамбург.

Пол Маккартни как раз сдал экзамены. По воле отца ему предстояло с осени начать осваивать профессию учителя. Понятно, что Джим отпускал сына с большой неохотой. Но поскольку поездка совпала по времени с каникулами, он

согласился, хотя и пребывал в надежде, что уже после нее-то Пол «образумится».

Меньше всего трудностей было у самого младшего из них, Джорджа, которому исполнилось семнадцать. И хотя его матери пришлось не по нраву, что он намерен уехать в этот греховный Гамбург, она оставила опасения при себе — Джордж был настроен очень решительно.

Тетя Мими болезненно отреагировала на эту затею. Она все еще верила, что Джон пробьется в школе искусств. Она даже запретила ему общаться с Полом и Джорджем и всячески мешала играть дома на гитаре. Все эти потуги не имели результата, поскольку Джон за ее спиной делал все, что считал правильным.

Он даже попытался передать Мими свой восторг от гамбургского трипа.

«Мими, разве это не чудесно? Я буду получать сто фунтов в неделю! Разве это не сказочно?»

Тетя находила все это ни чудесным, ни сказочным. Джону пришлось немало потрудиться, чтобы получить ее благословение на германское предприятие. Хотя он и затаил мысль: если в Гамбурге все пойдет вкривь и вкось, он опять вернется в школу искусств.

Поездка могла стать поворотным пунктом в его жизни, он это чувствовал. Впервые в жизни Джон надолго уезжал из дома, точнее сказать, от тети Мими. Он должен был работать за границей и получать там неплохие деньги, пусть и не сто фунтов, как хвастался тетке.

Синтия отнеслась к путешествию скептически.

«У группы были собственные фаны», — говорила она позднее, — «я знала, что вокруг ребят толкается много девочек. Но более ревнивой я не стала, поскольку казалась себе старше, чем они. Я была уверена в себе. А Гамбург мог принести мне, конечно, много хлопот. Это было так далеко и так надолго. Ливерпульских девочек я знала, но ситуация в Гамбурге была мне совершенно неизвестна. Там могло произойти все, что угодно».

Но Джон и его «Сильвер Битлз» все еще не могли стронуться с места. В Гамбурге им нечего было делать без ударника. Или они найдут барабанщика, или мечта о Гамбурге лопнет, как мыльный пузырь.

Тут они вспомнили о Пите Бесте, сыне хозяйки «Касбаха». Тот как раз закончил школу и вообще-то собирался стать учителем. Но его пристрастия распространялись и на музыку. Некоторое время он играл вместе с Кеном Брауном, бывшим членом «Куорримен». Пит Бест был к тому же счастливым обладателем новенькой — с иголочки — ударной установки и кокетничал с

карьерой профессионального музыканта.

Джон спросил: не имеет ли он охоты вступить в «Сильвер Битлз» и поехать с ними в Гамбург? И если он не против…

Так на пути в Германию было устранено последнее препятствие.

Гамбург 1960: «Make show!»

16 августа Аллан Вильямс посадил Джона и его друзей в маленький голубой автобус. Они вычеркнули из названия группы слово «сильвер» и отныне назывались просто — «The Beatles».

На процедуре проводов была только мать Стюарта Сатклиффа.

Джон пребывал в лучшем настроении, радуясь тому, что их хотят послушать за рубежом и что сами они впервые пересекут границу.

Когда в Ньюхэйвене автобус вкатился на паром, они уже не сомневались, что впереди их ждут золотые времена.

Договор, который лежал у Джона в кармане, был подписан на период с 18 августа по 16 октября 1960 года. Он гарантировал им еженедельное жалованье в 150 фунтов. Следуя тогдашнему обменному курсу, каждый получал на руки по двести немецких марок.

К этому добавлялось чувство неограниченной свободы — вдали от Ливерпуля и в недосягаемости для родителей можно, наконец, делать все, что хотелось.

В Хок-Ван-Холланде, после веселого морского путешествия, они покинули паром. Но на пограничной станции между Голландией и ФРГ их поездка чуть было не закончилась.

Договор у них был, но никто не располагал разрешением для «осуществления трудовой деятельности». На вопрос пограничного служащего, что они собираются делать в Гамбурге, Джон объявил всех студентами, которые собираются навестить друзей.

Чиновники недоверчиво посмотрели на гитары, но задерживать не стали.

17 августа, среда, время — около полуночи. Их автобус едет по Репербану. Световая реклама и лихорадочная суета самой знаменитой в Гамбурге развлекательной мили производит большое впечатление на ливерпульских парней.

Поведение Стюарта Сатклиффа несколько сдержаннее, его голос не присоединяется к ликующим крикам Джона, Пола, Пита и Джорджа. Его терзают сомнения — правильно ли он сделал, что оказался здесь, ведь в живописи он куда талантливее, чем в музыке. Только тесная дружба с Джоном заставила его пуститься в это сомнительное предприятие.

Микроавтобус покидает Репербан, сворачивает на улицу Большой Свободы и останавливается перед «Кайзеркеллером». Настроение, которое их переполняет, Джон усиливает замечанием, что уж здесь-то они точно на своем месте. Клуб

заполнен до последнего стула: плотная толчея на танцевальной площадке, световые эффекты, синхронизированные с ритмами музыки… Исключительно юная публика вскакивает с мест при первых тактах очередного хита.

Бруно Кошмидер, владелец «Кайзеркеллера», приветствует «Битлз» и сообщает им, что здесь они играть… не будут. Он ведет их в «Индру», тоже принадлежащую ему. По дороге хозяин объясняет, что с помощью «Битлз» хочет превратить бывший стриптизный клуб в рок-заведение. То, что видят Джон и его друзья, действует на них весьма отрезвляюще. Перед убогой дверью они обнаруживают горы нечистот, в которых тут же перемазываются. Опечалившись, парни безуспешно высматривают афишу, извещающую об их выступлениях.

Вместо гардероба Кошмидер предлагает им воспользоваться мужским туалетом. Хуже и быть не может, думают пятеро ливерпульцев. Они ошибаются!

Они устали от поездки и потерянных иллюзий, они больше всего хотят добраться до гостиничной комнаты.

Кошмидер ведет их в свой кинотеатр «Бэмби». Он оставляет ребят в крохотной каморке, расположенной за проекционным экраном. Лампа накаливания бросает тусклый свет на пять железных кроватей, на которых нет ничего, кроме тощих, замусоленных матрацев. Обои лохмотьями свисают со стен, в углу торчит умывальник, безвольно капает вода из неисправного водопроводного крана.

Днем позже они все же поднялись на сцену «Индры» и исполняли репертуар, который тогда состоял почти сплошь из песен записных рок-идолов — Билла Хейли, Литтла Ричарда, Джина Винсента, Чака Берри, Карла Перкинса…

Развеселая публика этого заведения, где собирались моряки, проститутки и богатые господа из провинции, хотела глазеть на стриптиз, в рок-н-ролле они ничего не понимали и смысла в нем не видели.

За свой музыкальный товар «Битлз» получали только дружный свист. Хриплые мужские голоса то и дело требовали девочек, которые должны были раздеваться. С этой публикой Джон и его группа промучились неделю, пока, наконец, Кошмидер не понял, что благородная попытка сделать из порочной «Индры» культурное заведение обречена на провал. Он опять выпустил на сцену разухабистых «простигосподи», а битлзы переехали в «Кайзеркеллер».

Здесь была совсем другая аудитория: девушки, которые день-деньской сидят за пишущими машинками или стоят за прилавками, парни, в ушах которых и после работы трещат

клепальные молоты верфей или грохочут заводские машины.

Внешне те, кто стоял на сцене, почти не отличались от публики. Так же, как и они, музыканты были одеты в кожаные куртки и узкие джинсы, носили одинаковые прически.

Джон Леннон так сказал о том времени:

«Мой первый шоу-номер заключался в том, что я скакал по сцене во время пения, как Джин Винсент. Каждая тема длилась не менее двадцати минут, поэтому любой из нас получал возможность втянуться в движение. С того момента все стали изобретать собственные номера.

И только один-единственный раз мы попытались спеть песню по-немецки. Пол выучил „Wooden Heart“ („Деревянное сердце“), тогда это был грандиозный хит. Мы все время совершенствовались, и наша уверенность росла. Ничего другого и быть не могло, поскольку мы по целым ночам долбили одну и ту же рутину и стирали пальцы до ран. К тому же мы пели публике, которая большей частью не знала нашего языка. И чтобы нас понимали, мы должны были выкладывать все — душу, сердце, кровь, пот и слезы. В Ливерпуле мы всегда давали только часовой сейшн, играя при этом лишь лучшие вещи. А в Гамбурге надо было заполнять восемь часов подряд. Значит, мы должны были всякий раз обрушивать на публику что-то новое. Мы играли громко. Банг! Банг! Все время. Чтобы завести публику и восемь часов держать темп, приходилось здорово выкладываться. В Гамбурге мы пробовали все, что ни шло на ум. Уже не осталось никого, кого бы мы не смогли скопировать…»

Не только публика «Кайзеркеллера» стимулировали их творческий рост, но и конкуренция с другими группами, которые заключали контракты с Кошмидером. Тони Шеридан, «Дерри и Сениорз», «Рори Шторм и Харрикэнз» (с ударником Рингом Старром) уже имели на музыкальной сцене Гамбурга хорошую репутацию. Битлзам ее предстояло завоевать.

И хотя они все еще пребывали в подражательной, эпигонской фазе своего развития, их собственный стиль сложился именно в это время. Они начали с того, что принялись сами аранжировать шлягеры, которые желала слушать публика. Следствие этого — все более громкая и агрессивная манера исполнения. Они развили свое знаменитое гармоническое групповое пение. Но это ни в коей мере не шло по задуманной концепции, а просто родилось из понимания того, что петь соло в течение восьми часов практически невозможно. Они быстро заметили, что голоса утомляются меньше, если петь хором.

Тони Шеридан, который познакомился с «Битлз» в те дни и который, в отличие от них, уже был рок-звездой, так

характеризует пристрастие гамбургских менеджеров:

«Кошмидер меньше всего искал ансамбли, которые могли делать действительно хорошую музыку. Ему были нужны ребята, понимающие толк в шоу. В ФРГ тогда пели только Петер Крауз и Тед Херольд. Потом они еще получили пару фильмов с Биллом Хейли и Элвисом. По телевидению, в недельном обозрении они видели, как лондонские мальчики опустошают кинотеатры. От нас они ждали, что мы предложим им нечто подобное».

Р.Б.: — Итак, речь уже шла не столько о музыке, сколько…

ШЕРИДАН: — Нет, абсолютно нет. Таким людям, как Кошмидер, нужна была только прибыль.

Чтобы добиться расположения публики, Джон не стеснялся весьма несерьезных средств. В конвульсиях, топоча, визжа, он буквально бушевал на сцене — выворачивал наизнанку брюки, оскорблял слушателей («Fucking Nazis!») и ревел «Зиг хайль». На потеху публике шло всё.

Восемь часов изматывающего шоу, интенсивные репетиции, алкоголь и девушки, мало сна — все это действовало изнуряюще.

И чтобы на следующий вечер опять быть в форме, Джон и другие, исключая Пита Беста, стали прибегать к помощи прелудина — средства против ожирения, которое в сочетании с алкоголем оказывало допинговое воздействие.

От всего этого отношения в группе портились. Нередко доходило до ссор. Они чаще всего отыгрывались на Сатклиффе, упрекая его в неумении играть басовые партии, подтрунивая над его одеждой. С особой злостью к Стью относился Пол.

Однако на публике они успокаивались.

Вскоре вокруг заговорили о том, что в «Кайзеркеллере» играет одна суперсумасшедшая группа из Англии. Это притягивало все новых людей.

У Кошмидера не было причин раскаиваться в том, что он купил «Битлз».

Социальный состав публики постепенно менялся. Если поначалу приходили молодые люди из рабочих семей, то теперь все чаще наведывались студенты. Однажды среди них появились двое, полюбившие ливерпульцев сразу и надолго.

Клаус Форманн, студент частной школы искусств, как-то вечером забрел со своей подругой Астрид Кирххер в «Кайзеркеллер». Оба они пришли в восторг от «Битлз» — и от музыки, и от манеры исполнения.

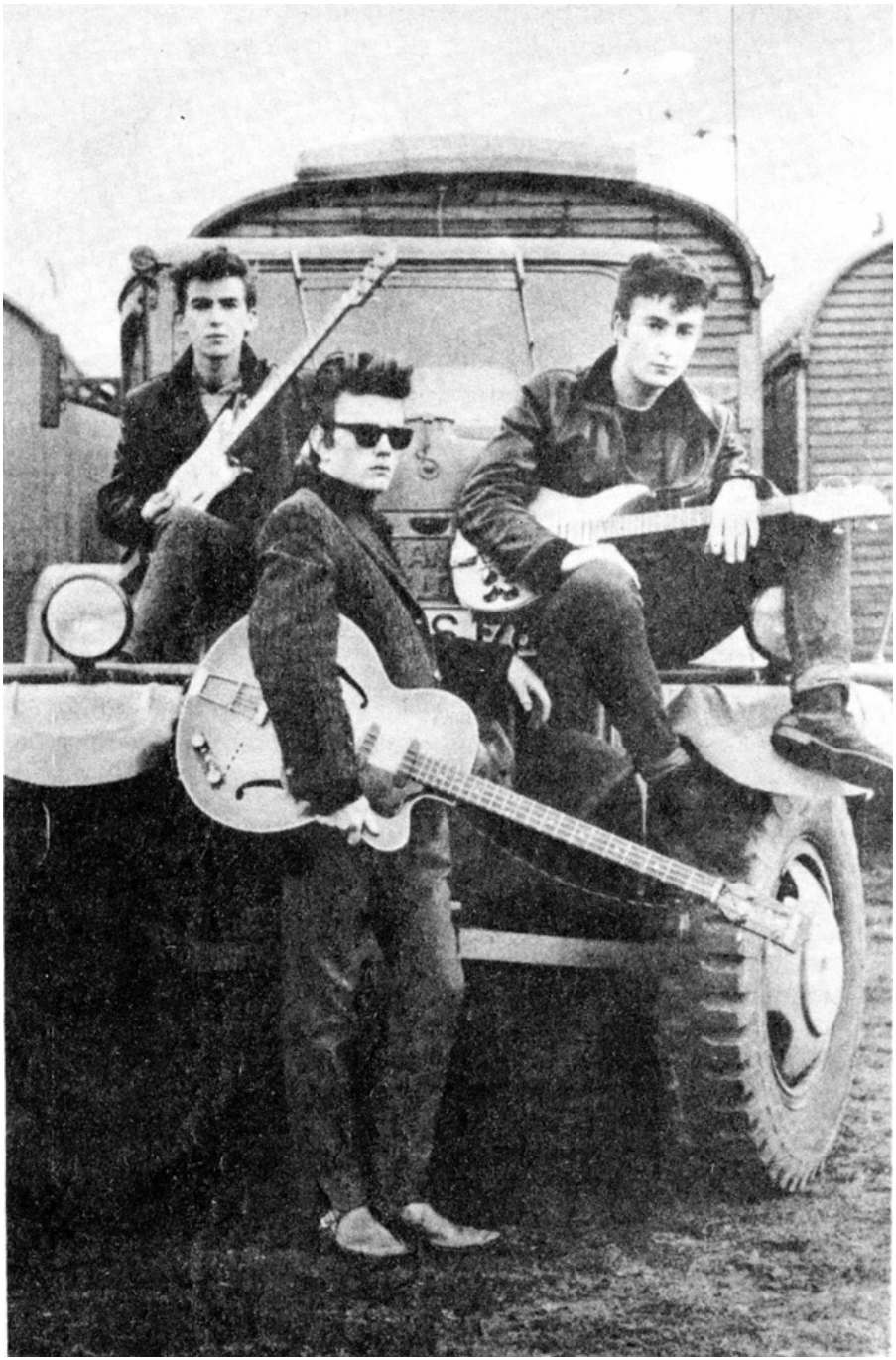
В кругу своих друзей-студентов они тут же стали вести «пропагандистскую работу».

Те, кто раньше отвергали рок-н-ролл как «пролетарский» и «скабрезный», но дали себя уговорить Клаусу и Астрид, стали

приводить все новых слушателей.

«Битлз» близко подружились со своими популяризаторами. Почти все фотографии гамбургского периода сделаны Астрид Кирххер. К Стюарту она почувствовала особое влечение. Они полюбили друг друга. Стью пришла мысль повесить гитару на гвоздь, остаться в Гамбурге и там изучать живопись.

Между тем известность «Битлз» стала такой широкой, что иногда толпа у входа в их кабак напоминала небольшую местную корриду.



Октябрь 1960: Джордж Харрисон, Стюарт Сатклифф и Джон Леннон ни ярмарочной площади в Гамбурге.

Естественно, необычайно усилилась их самоуверенность. Одновременно рос протест против условий, в которые их загнал Кошмидер.

Неужели им не причиталась более приличная квартира, чем вшивая каморка в «Бэмби»?

Разве успех не гарантирует повышения зарплаты?

Но Кошмидер не позволял торговаться.

В это время молодой предприниматель открыл на Репербане новый клуб, который он назвал «Топ Тен». Не без основания Кошмидер почуял в конкуренте опасность для своего предприятия.

Петер Экхорн — так звали владельца «Топ Тена» — переманивал к себе более высоким денежным довольствием вышибал «Кайзеркеллера», к нему охотнее шли и художники-оформители.

Кошмидер кипел от ярости. Когда ему сообщили, что «Битлз», посещая вместе с Тони Шериданом новый клуб, стали устраивать там «джем-сейшн», он и вовсе вышел из себя. Делец стал настаивать на соблюдении одного из пунктов контракта, который запрещал Джону и его группе выступать в каком-либо ином клубе в радиусе сорока километров от «Кайзеркеллера».

С тем, чтобы вновь вернуть Джона на свой курс, Кошмидер перешел к прямым угрозам. Если «Битлз» перейдут к Экхорну, им лучше не появляться на улице…

Петер уговорил Джона порвать прежний контракт, предложив более высокий оклад, нормальные бытовые условия и, если понадобится, надежную защиту от кошмидеровских громил.

Это не следует связывать с любовью к искусству. Прежде всего преследовалась хозяйская выгода. Новый клуб нуждался в многочисленной публике так же, как касса нуждается в деньгах. «Битлз» уже обрели в Гамбурге многих приверженцев, которые естественным образом могли перекочевать из «Кайзеркеллера» в «Топ Тен».

За пару часов до первого выступления в новом клубе появилась полиция и попросила Джорджа Харрисона предъявить паспорт. Случайностью это не было. Фараонов привел тип из кошмидеровской банды.

Паспортный контроль заключил, что Джорджу еще семнадцать лет и, стало быть, он — несовершеннолетний. Вследствие длительного нарушения закона об охране молодежи Джордж должен был в двадцать четыре часа покинуть ФРГ.

Ноябрь 1961: Астрид Кирххер и Стюарт Сатклифф, снятый за пять месяцев до его смерти.

На следующее утро Астрид и Стюарт посадили его в поезд, который следовал на родину.

За одну ночь до отъезда Джону, игравшему на ритм-гитаре, пришлось перенять солирующие партии.

Ожидания Петера Экхорна сбылись. Тони Шеридан со своей группой и «Битлз», как магнитом, притянули публику в его заведение. Бизнес был на пороге расцвета, конкуренты остались с носом. Но Кошмидер не давал себя обыграть так просто.

Пол и Пит должны были забрать вещи из «Бэмби». До кинотеатра они добрались без проблем. В темном коридоре Пол зажег спичку, подпалив при этом свисающие лохмотьями обои. Огонь они потушили быстро, собрали вещички и исчезли.

На другой день в новой квартире «Битлз» появились полицейские и арестовали Пола и Пита за попытку поджога кинотеатра «Бэмби».

Этот удар Кошмидера попал прямо в цель.

И хотя их отпустили через несколько часов, приговор был неумолим: немедленно покинуть страну.

Джон трясся от ярости.

До сих пор все в Гамбурге шло так хорошо. Ангажемент в «Топ Тене» означал новый шаг на пути к успеху, в перспективе появилась возможность записать в местной студии пластинку… Но, оставшись только со Стью, Джон уже не мог спасти положение.

Астрид Кирххер купила Стюарту билет на самолет. Джон сам наскреб денег, положил на плечо гитару, подхватил еще не оплаченные полностью усилители, и за несколько дней до Рождества отправился восвояси — сначала на поезде, потом — на судне.

Во время штормового перехода через канал его одолевали мрачные мысли. Он вспомнил, с каким радостным настроением они начинали в августе свое гамбургское путешествие.

Мечты кончились. На смену им пришла неопределенность — что будет дальше с ансамблем.

Интерлюдия в Ливерпуле

Тетя Мэри торжествовала.

Джон стоял перед ней, как поверженный рыцарь. Он, который распинался, что будет получать сто фунтов в неделю, не имел в кармане ни пенни. Тетя Мэри решила использовать гамбургское поражение племянника как повод для мобилизации Джона на порядочное дело. Или он должен вернуться в школу искусств, или искать постоянную работу.

Джон молчал и прятался в своей комнате.

Джим Маккартни, хоть и удержался от злорадных нотаций, но призвал Пола к совести.

Настроение Джона слегка улучшилось лишь тогда, когда перед ним предстала верная Синтия Пауэлл. Он чувствовал, что девушка верит в него. В этом сейчас он особенно нуждался.

Двумя днями позже Пол уже стучал в дверь Джона. Этот визит изгнал остатки пораженческого настроения. Они стали размышлять, что же делать дальше. Если кто-то и мог им сейчас помочь, то это — Аллан Вильямс, организовавший столь бесславно закончившиеся гастроли. На него они возлагали все надежды.

Ребята знали, что Вильямс, вдохновленный своим гамбургским опытом, основал в Ливерпуле дело.

Джон и Пол отправились к нему. Однако прежде, чем они вошли в пай, новый клуб на Сохо-стрит сгорел до фундамента.

Тогда под свое крыло «Битлз» взяла Мона Бест. Это не было ни слепым счастьем, ни простой случайностью.

Ее сын Пит был ударником группы. Кроме того, «Дерри и Сениорз», вернувшись из Гамбурга, восторгались успехом «Битлз» в городе на Эльбе.

Итак, Мона Бест ничем не рисковала.

Первый же вечер в «Касбахе» принес сенсацию. Джон и его друзья показали всё, чему они научились в Германии.

По сравнению с недавним бренчанием они теперь располагали более богатыми выразительными средствами, гораздо лучше владели инструментами и пели. И хотя стадия эпигонства все еще продолжалась, они уже не стремились до волоска копировать предшественников, а напротив — разрабатывали собственные оригинальные интерпретации. Обязанные играть по восемь и более часов, они почти вдвое увеличили объем репертуара.

В общении с публикой, которая хотела видеть и слышать шоу, они привнесли чувство солидарности. Они эффектно вводили

гармоническое групповое пение, которое на оригинальный манер поддерживало сольные партии. И еще одно новшество: интерпретируя своих предшественников — от Карла Перкинса («Everybody's Trying To Be My Baby») до Рэя Чарльза («Talking Bout You») и Чака Берри («Roll Over Beethoven» и «Sweet Little Sixteen»), они неосознанно впитывали музыкальные и стихотворные традиции, что плодотворно сказалось при сочинении собственных зонгов.

Теперь битлы отличались от других ливерпульских групп, вышли на путь к своему неповторимому, ни на что не похожему стилю.

К Джону вернулась самоуверенность. Теперь он уже не сомневался, что они — Величайшие. Доходы, как и прежде, оставались скромными, но Джон не страдал от этого.

Между ним и Полом вспыхнул старый спор, возникший еще в первые дни: Пол был за то, чтобы делать утонченную, ухоженную поп-музыку. Джон, поддерживаемый Джорджем, предпочитал жесткий рок-н-ролл.

«Ясно, что мы могли бы спорить об этом по-настоящему. Прежде всего Джордж и Пол шли друг на друга. Однако в конечном итоге эти разногласия нам скорее помогали, чем вредили, и даже ускоряли будущий успех». Так Джон впоследствии отозвался об этой проблеме.

Успехом в «Касбахе» «Битлз» заявили о себе в менеджерских кругах ливерпульской сцены.

Их рыночная стоимость росла, с ними можно было зарабатывать неплохие деньги, ибо вокруг все время собирались толпы молодых людей.

Это понимал и Аллан Вильямс.

24 декабря он организовал для «Битлз» концерт в «Grovenor Ballroom» в Уолласи, а через три дня и выступление в «Litherland Town Hall» в Ливерпуле. Билеты на оба представления были распроданы до последнего места. Городская пресса впервые обратила на них внимание и поместила хорошие отзывы. Однако Джона раздражало, что слава его группы не выходит за пределы Ливерпуля. Он мечтал о новой поездке в Гамбург. Когда он поделился своими планами с Синтией, та стала очень молчалива. Она еще посещала школу искусств, о которой Джон уже давно забыл. Кроме того, нельзя было и помышлять о том, что ее мать разрешит ей ехать за границу с Ленноном.

Джона, обуреваемого новыми замыслами, не обременяла мысль о долгой разлуке с Синтией. Это вовсе не означало того, что он ее не любил и не испытывал рядом с ней чувства благополучия и защищенности. Самым важным для Джона было

ее присутствие именно тогда, когда он в ней нуждался. Она скромно стояла в тени в то время, как он тщеславно грелся в лучах сиюминутного успеха.

Джон давил на Аллана Вильямса — тот должен был потрудиться над новым ангажементом гамбургского «Топ Тена». Вильямс, понявший ценность ансамбля, падкий до своих десяти процентов, которые получал согласно контракту, не возражал.

Джорджу 25 февраля 1961 года исполнилось восемнадцать лет, и он стал совершеннолетним. Теперь уже им не приходилось опасаться гамбургской полиции.

Аллан Вильямс снабдил своих опекунов хорошими справками о благонадежности — надо было сгладить плохое впечатление, произведенное битлзами на ганзейскую полицию. На этот раз он позаботился даже об официальных разрешениях на трудовую деятельность.

Прежде, чем отправиться в дорогу, они добились в Ливерпуле особой победы.

Битлзы впервые выступили в элитарной «Пещере», доступ в которую был им заказан, поскольку этот клуб стал Меккой для снобистски настроенных любителей джаза из среднего и высшего слоев ливерпульского общества. К ним себя причисляли и бывшие однокашники Джона по школе искусств.

За музыкантами в «Пещеру» последовали их фаны. Часть публики пришла в восторг, прочие же просто удалились.

Так в истории «Пещеры» наступил новый этап: из джазового ресторана с сиянием свечей и прохладной атмосферой она стала превращаться в легендарный бит-клуб.

От «Cry For A Shadow» до «Love Me Do»

На этот раз они появились в Гамбурге не как никому не известная группа. «Битлз» знали и ждали. Большой плакат над входом в «Топ Тен» называл их имена вместе с Тони Шериданом.

Адрес Джона, по которому Синтия направляла свои письма, теперь был таким: Репербан, 136.

Работа в «Топ Тене» была не менее утомительной, чем ночи в «Кайзеркеллере». С восьми вечера до двух часов ночи, по субботам даже до четырех, они стояли на сцене. Часто битлзы сопровождали выступления Тони Шеридана.

Теперь Джон, познавший сладость славы, гонял своих партнеров совершенно безжалостно. Он готов был выложиться до последнего. Прежде чем у них от истощения начнут падать из рук гитары, он распределял прелудин.

С Полом он устраивал на сцене откровенные дуэли, стремясь непременно быть лучшим. Пол не возражал. Опять между ними возникло соперничество, оба стремились показать все, на что были способны.

Тони Шеридан на вопрос, как бы он охарактеризовал тогдашние отношения между Джоном Ленноном и Полом Маккартни, ответил: «Первое, что я тогда заметил, было обоюдное признание, которое они высказывали вопреки своему соперничеству. Оба хорошо дополняли друг друга. Почти каждый сказал бы, что Леннон был боссом, но, по-моему, это было не совсем так. В том, что касалось музыки, — а музыка была всем — боссом был Пол. На развитие группы он повлиял больше, чем Джон. От него исходили инициативы, он настаивал на упорной репетиционной работе, потому что знал — это единственный путь, чтобы стать лучше, чем другие. Леннон был энергией, мотором, человеком, который не мог ждать, который правил на сцене шоу с шутками и сарказмом».

Большая сцена «Топ Тена» заставляла их выкладываться еще больше, чтобы оправдать ожидания публики.

Безудержная самоотдача при сольном исполнении порой придавала их голосам звучание терки. Поэтому вскоре им снова пришлось вспомнить о групповом пении, которое они открыли для себя в «Кайзеркеллере».

Джон чувствовал, что они по душе публике. Но довольным он все же не был. Карьера означала для него мировую славу. Джордж, Пол и Пит хотели того же.

Стюарт был менее амбициозен. И хотя он играл с ними охотно, для него не было ничего важнее, чем остаться наедине со своей возлюбленной Астрид.

Для Джона дружба со Стюартом Сатклиффом имела особое значение. С ним он мог говорить обо всем, даже о своих чувствах. Его отношение к Стью не осложнялось конкуренцией, как это было с Полом. Его тщеславие не распространялось на Сатклиффа. Ради дружбы он мирился даже с далеко не мастерской игрой Стью на бас-гитаре.

Именно от Сатклиффа последовал совет пригласить на пасху в Гамбург Синтию. Никто, кроме Астрид и Джона, не нашел эту идею хорошей. Пол и Пит опасались, что это может кончиться скандалом. Во всяком случае их распутная жизнь давала для этого основания, а разрыв между Джоном и Синтией мог бы повлиять на климат внутри группы.

Синтия приехала, и Джон был рад, что она с ним. В эти дни его настроение оставалось ровным, исчезла его обычная лихорадка. Он сдерживал честолюбивый напор, с каким постоянно стремился вырваться на первый план.

Астрид заботилась о Синтии, оставила ее жить у себя, показывала городские достопримечательности. Вечерами обеих видели в «Топ Тене».

«Битлз» в Гамбурге (1961).

Астрид Кирххер вошла в историю «Битлз» еще и как фирменный парикмахер: однажды она занялась прической Стюарта. Она вымыла ему волосы, гладко расчесала их на все стороны и подстригла вокруг на одинаковую длину. Уши при этом скрылись под волосами.

Так родилась знаменитая прическа «грибная шляпка», ставшая позднее фирменным знаком «Битлз».

Едва лишь Стью показался в новом обличье перед друзьями, те покатились со смеху. Но уже через три дня Джордж поддержал новую моду, Джон и Пол последовали за ним, и только один Пит Бест оставался верен старой стрижке. Ни Астрид, ни ребята тогда и не подозревали, что создали моду, которой будет суждено стать мировой.

В начале второго гамбургского «пришествия» битлзов отношения между Стюартом и Полом все больше ухудшались. Чтобы задеть товарища за живое, Пол то и дело отпускал сомнительные замечания по адресу Астрид. Однажды дело зашло так далеко, что Стюарт в ярости бросился на обидчика, что, впрочем, для физически более слабого Стью закончилось плачевно.

Как прежде, Сатклиффа не оставляла мысль об интенсивных занятиях живописью.

Астрид требовала, чтобы он изучал искусство в гамбургском университете. Она устроила так, что работы Стью посмотрел Эдуардо Паолоцци (им восхищался молодой художник), который в то время находился в Гамбурге. Мэтр был очарован картинами Сатклиффа, занялся его приемом в университет и даже позднее выхлопотал для него стипендию города Гамбурга.

Тяжелые времена настали для Стюарта. Целыми днями он рисовал, как одержимый, или сидел на лекциях, а потом до глубокой ночи играл на сцене «Топ Тена». Юноша почти не спал, держался на ногах с помощью таблеток и алкоголя. Нередко он страдал от мучительных головных болей, которые все время усиливались и от которых порой не помогали никакие средства. Случалось так, что он просто физически не был в состоянии прийти на концерт, и тогда Пол брал на себя басовые партии.

Джон заботился о друге, понимая, что Стюарт не сможет долго выдерживать такие нагрузки. Он охотно отговорил бы его от учебы в университете, но он знал, чем была для Стью живопись. Поэтому Джон оставил это намерение. К тому же он

неожиданно был отвлечен совсем другими обстоятельствами.

Представился новый шанс шагнуть по дороге наверх.

Берт Кэмпферт, композитор, лидер одной из групп и продюсер, возымел желание записать на фирме грамзаписи «Полидор» несколько песен с Тони Шериданом. А тот, в свою очередь, предложил группу Джона в качестве аккомпанирующего ансамбля. Композитор прослушал «Битлз» и пригласил их для записи.

Джон надеялся, что Кэмпферта заинтересует пара песен, которые он сочинил вместе с Полом. Однако то, что услышал маститый автор, его не воодушевило. Суждение было однозначным: это все звучит не так, как того требует мода.

В актовом зале гимназии имени Гумбольдта были записаны песни «My Bonnie Lies Over The Ocean» (Charles Pratt/Bertie), «When The Saints Go Marching In» (traditional) и «Why» (Tony Sheridan/Bill Crompton).

Потом Кэмпферт дал «Битлз» еще один шанс. Он записал с ними две вещи «экстра». Пол по-новому аранжировал песню «Ain't She Sweet», которую они каждый вечер играли в «Горячей десятке», и Джон спел ее.

Хотя к тому времени Леннон и Маккартни сочинили уже более ста песен, Кэмпферт решился лишь на запись инструментальной пьесы, которую Джордж и Джон придумали за одну ночь. Мелодия называлась «Cry For A Shadow» («Взываем к призраку») и была пародией на Клиффа Ричарда и его ансамбль «Шедоуз».

Эта запись принесла каждому из битлзов по 300 немецких марок.

Худо-бедно, но теперь они впервые «увековечились» на грампластинке. Но проглотить «каплю полынной настойки» им все-таки пришлось. Кэмпферт, которому не нравилось название «Битлз», перекрестил их в «Beat Brothers» («Бит-Братья»). Это имя и появилось на конверте диска.

Вскоре после прорыва в пластиночный бизнес Стюарт Сатклифф окончательно вышел из группы. Он решил только рисовать…

Связи с Джоном и его группой Стью все же сохранил. Когда Леннон в одностороннем порядке разорвал договор с Алланом Вильямсом, согласно которому продюсеру причиталось 10 процентов за посреднические услуги, Джон попросил Сатклиффа сообщить об этом ливерпульскому «меценату». Вильямс был в ярости, но поделать ничего не мог, ибо пожар в «Топ Тене» уничтожил сам контракт.

До конца июня ансамблю сопутствовал финансовый успех.

Когда они отправились назад в Ливерпуль, то все еще были просто четырьмя битлзами, которые сели в поезд.

Стюарт Сатклифф остался в Гамбурге.

Почуяв в парусах ветер успеха, Джон заботился лишь о том, чтобы не наступил штиль. С июля по декабрь 1961 года ему удалось организовать для группы двадцать пять выступлений. Причем двадцать из них состоялись в «Пещере», одно — в «Касбахе» Моны Бест и только четыре — вне Ливерпуля, в танцевальном зале «Тауэр» в Нью-Брайтоне. Редко получалось, что они в одиночестве царствовали на сцене. Вечера делились с «Rory Storm and the Hurricanes», «Gerry and the Peacemakers», «King Size Taylor and the Dominos», «Dale Roberts and the Jaywalkers» и еще дюжиной других групп. Каждый вечер на сцену выходили от четырех до пяти ансамблей. Армия тех, кто, как когда-то «Куорримены», мечтали хоть разочек поиграть в «Пещере» или в каком-нибудь другом клубе, была поистине неисчислима.

«Cry For A Shadow» — первое произведение «Битлз», записанное в Гамбурге (1961).

Джон по-прежнему видел себя вдали от своей мечты. Пусть слава ансамблю была создана еще до Гамбурга, он болезненно оценивал дистанцию, отделяющую их от мировой известности.

Тетя Мэри, как и прежде, была убеждена в том, что «выделывание грохота» ни к чему путному не приведет. Однако она знала, что попытка отговорить Джона от его затеи лишена всякого смысла.

Джон все время размышлял о том, что надо сделать для расширения аудитории. Вскоре ему представился благоприятный случай, которым он не преминул воспользоваться.

Билл Хэрри, старый друг Джона, с которым он вместе посещал школу искусств и ютился в квартирке на Гамбиа Террэс в достопамятные времена, осуществил давно лелеемую мечту. Как рьяный рок-фан, он знал все группы и клубы в Ливерпуле. Теперь из своего хобби он решил сделать профессию. Со стартовым капиталом в пятьдесят фунтов он основал газету «Мерсийский бит». Когда он готовил первый выпуск, то вспомнил о своем друге Джоне и попросил его написать статью о возникновении «Битлз».

В первом номере «Мерсийского бита», вышедшем 6 июля 1961 года, были помещены некоторые снимки Астрид, сделанные в Гамбурге, и статья под заголовком «Короткий экскурс в историю сомнительного происхождения „Битлз“». В шутливом, чисто ленноновском стиле, было написано следующее (попытка литературного перевода — прим. пер.):

> «Жили три маленьких мальчика, нареченные Джоном, Джорджем и Полом. Они решили собраться вместе, поскольку были компанейскими ребятами. А когда встретились, то спросили себя — а зачем им это? Вдруг, как с неба, им в руки упали гитары, и тут мальчики подняли ужасный шум. Безумные люди вокруг даже не поинтересовались ими. Но трех маленьких человечков это не царапало. Думали они, думали, а тут встретили четвертого, совсем маленького человечка по имени Стюарт Сатклифф. Он ведь им дорогу перебежал, по принципу „мне ничего, так и тебе — ничего“. Они ему сказали: „Сонни, позаботься о басе, и ты будешь о'кей!“. И он это сделал.
>
> Хотя вообще-то был не о'кей, так как не мог играть.

Потому-то они следили за ним и ухаживали, полные любви, пока он, наконец, не научился играть. Однако кое-чего еще не хватало. У них все еще не было ритма, и один древний человек сказал им: „У вас же нет ударных“.

У нас нет ударных, собезьянничали четверо. И целая шеренга барабанщиков стала то появляться, то исчезать.

Однажды они были в Шотландии на гастролях с Джонни Джентлом, и группа, названная „Битлз“, вдруг открыла, что у них нет прекрасного звучания — усилителей-то не было. Они раздобыли пару. Многие люди спрашивали, а что это такое — „Битлз“? Почему „Битлз“? Хе, „Битлз“, как же это, нарочно не придумаешь, к ним пришло это сумасшедшее название? Ну, хорошо, мы вам откроем тайну. Имя явилось нам в видении: один человек приехал на горящем торте и объявил им: „С этого дня вы — „The Beatles“, с одним „А“ позади „Е““! „Спасибо, мистер Старый Человек“, — сказали они.

И тогда человек с обрезанной бородой сказал: „Хотите поехать в Гамбург и там за деньги играть рок для новорожденных?“. И мы парировали, что за деньги не откажемся…»

5000 экземпляров первого выпуска «Мерсийского бита» разошлись, как теплые булки. Так Джон Леннон опробовал свое шутливо-ироничное искусство формулировок, которые позднее приправляли многие его интервью.

Во втором номере «Мерсийского бита» битлзы были вновь упомянуты. В качестве сенсации читателям было преподнесено, что они только что записались на грампластинку в Гамбурге. Все это делало группу Джона еще более популярной в Ливерпуле.

Но чтобы они по большому счету смогли выбиться в люди, их еще надо было «открыть», им был нужен менеджер, который бы заботился об их имидже на радио, телевидении и в фирмах грамзаписи.

Джон знал об этом. Вот только где его искать, этого менеджера, оставалось для него вопросом.

Между тем в Гамбурге, на фирме «Полидор», вышел сингл «My Bonnie». По крайней мере один экземпляр добрался до Ливерпуля. И то, что Боб Вулер, диск-жокей «Пещеры», поставил этот диск на проигрыватель, не было случайным. Ибо Джон Леннон ввел в игру свой палец.

Боб Вулер, почитатель «Битлз», ставил пластинку каждый

вечер и в состоянии эйфории комментировал ее.

То обстоятельство, что страстно ожидаемый прорыв к славе все еще не получался, огорчало Джона, делало его нервозным и недовольным.

Собственно оснований для расстройства было немного: лето в Гамбурге и Ливерпуле принесло успех, прошло неплохо. Но Джон видел, что другие ансамбли, такие, как «Рори Шторм и Харрикэнз», выступавшие в «Холидей Кэмпе», были уже известны в Лондоне. Поэтому достижения битлзов он расценивал весьма умеренно. К тому же он страдал, что не было его друга Стью. Он писал в Гамбург пространные письма, в которых мрачными красками живописал свое настроение.

В Ливерпуле у Джона не было никого, с кем бы он мог потолковать по душам. Осталась одна Синтия, но ее тихое смирение, восхищенное самопожертвование действовали ему на нервы. Поэтому на Синтии он вымещал свой гнев, используя ее как громоотвод.

Из одного письма Стюарта он узнал, что их общий гамбургский друг, фотограф Юрген Фольмер, уехал в Париж. Вместе с Полом Джон вдруг отправился туда же. Тут впервые проявилась черта ленноновского характера, которая в дальнейшем будет нередко ставить его в щекотливые ситуации. Часто он действовал спонтанно, не размышляя, следуя моментальному порыву вдохновения. Не сказав ничего ни Джорджу, ни Питу, Джон и Пол некоторое время провели в Париже. По контрактам у них был запланирован целый ряд концертов. Но никто не знал, появятся ли «боссы» вовремя.

Джон, вернувшись из путешествия, впал в странную меланхолию. Казалось, что дела группы его больше не интересуют.

Боб Вулер, диск-жокей «Пещеры», призвал его опомниться. Он дал понять, что если Джон хочет чего-то добиться со своей группой, ему не следует предпринимать такие вояжи.

Джон созвал друзей, и «Пещера» вновь приняла их.

В субботу, 28 октября 1961 года, молодой человек в кожаной куртке и джинсах зашел в отдел пластинок музыкального Северного магазина (NEMS — North-End Musical Store) на улице Великой Шарлотты в центре Ливерпуля. Он спросил сингл «Май Бонни», который, вероятно, записали битлзы.

Тем самым посетитель ввел в недоумение честолюбивого продавца. Тот ничего не слышал ни о пластинке, ни о «Битлз». За прилавком стоял руководитель отдела грампластинок и сын владельца магазинов фирмы электротоваров NEMS. Его звали Брайан Эпштейн. Он был тем, кого называют добропорядочным

молодым человеком. По его предложению отец создал в своем магазине этот отдел. Эпштейн, которому в то время было двадцать семь лет, любил музыку, но отнюдь не громкий, жесткий рок-н-ролл. Он предпочитал Сибелиуса, регулярно посещал концерты ливерпульской филармонии. Склонность к классической музыке была одним, но бизнес, приносящий прибыль, — совсем другим. Девизом Брайана Эпштейна было: «Мы каждого обеспечим любимой пластинкой». Он пообещал молодому клиенту раздобыть искомый диск в ближайшие дни и тут же связался со своими поставщиками. Никто не слышал об этой пластинке. Брайан не сдавался. Он спросил своих продавщиц, не знают ли они чего-нибудь о группе, которая называется «Битлз». Как же, эти парни восхитительно поют в «Пещере» — последовал ответ.

Брайан Эпштейн, менеджер «Битлз» с 1961 года.

Это покажется странным, что Эпштейн до сих пор не подозревал о существовании «Битлз». Он регулярно писал статьи для «Мерсийского бита», а в этой газете название группы мелькало то и дело. Получалось, что, преследуя своими публикациями исключительно деловые цели, он саму газету попросту не читал. В первые ноябрьские дни поток молодых клиентов, требующих «Май Бонни» в исполнении «Битлз», становился все больше. Чаще всего это были девушки. Поскольку Эпштейну не удалось достать пластинку, он решил сам спросить битлзов, что они об этом думают.

9 ноября 1961 года он пришел в «Пещеру». И Джон ему сказал, где вышла их пластинка. Потом Эпштейн повторил визит. В Гамбурге он заказал двести дисков, которые исчезли с прилавка в считанные дни. И тогда его осенила идея. В следующие дни его все чаще видели в «Пещере». Эпштейна интересовало воздействие «Битлз» на слушателей. Он почуял, что дело пахнет очень прибыльным гешефтом. Брайан навел справки о менеджере битлзов и наткнулся на Аллана Вильямса, с которым Джон столь неприличным образом расторгнул контракт. Бывший импрессарио заявил, что «этот Леннон — несносный тип», поскольку у того хватило наглости прекратить выплату ему законных процентов.

Но эти проблемы не интересовали Эпштейна. Для него было важным убедиться, что группу еще никто не держал в надежных руках. Прежде чем предпринять следующий шаг, он хорошенько разузнал всё об обязанностях менеджеров, поскольку давно усвоил нехитрое правило: главное — хорошо знать дело, тогда можно заняться бизнесом.

3 декабря, в 16.30, он ждал Джона и Ко в своей конторе. По такому случаю Леннон, обычно весьма непунктуальный, изменил своему обыкновению, явившись в установленное время вместе с Джорджем и Питом. Впрочем, они еще долго не могли начать беседу, так как не было Пола. На телефонный запрос последовал неожиданный ответ: Пол безмятежно принимал ванну. Эпштейн вышел из себя, назвав поведение Маккартни «бесстыдством». Он тут же дал понять Джону, что если станет менеджером группы, то раз и навсегда положит конец подобной необязательности. Когда же Пол прибыл, разговор пошел прежде всего о финансовой стороне будущего партнерства. Жестко и без церемоний Брайан Эпштейн назвал свою цену: двадцать пять процентов от всех прибылей «Битлз».

Джон запротестовал. В конце концов Аллан Вильямс получал десять процентов. Но Эпштейн настоял на своем, и в договор,

который битлзы подписали через пару дней, вошло это условие. Отныне Эпштейн все крепко взял в свои руки. Халтуру, случайности, беспорядок или даже непунктуальность он не допускал. Леннон говорил: «Пока он не наткнулся на нас, мы были всего лишь мечтателями. Когда же, наконец, словно черным по белому, он нарисовал нам дальнейшие шаги, мы восприняли это как приказ к маршу. Эпштейн попытался отполировать наш имидж. Он считал, что в своих одеждах мы не сможем войти ни в одну уважающую себя лавку. Он пояснил, что джинсы не были каким-то особым шиком, и предложил перейти на настоящие брюки. Конечно, он и не пытался за одну ночь сделать из нас правильных, симпатичных и безобидных мальчиков. Он предоставил нам некую сумму свобод. Мы уважали его взгляды и прекратили жевать на сцене булочки с сыром и пирожки с повидлом. Мы стали больше обращать внимания на то, что делаем. Все вдруг стали стараться быть пунктуальными. Мы действительно сделали себя изящными, для чего принялись носить аккуратные костюмы и нигде больше не появлялись в былых обносках».

Мятежный Джон, который до сих пор отвергал любое принуждение, откуда бы оно ни исходило, повиновался регламенту Эпштейна. Успех, признание и большие деньги в перспективе — за это он готов был все вытерпеть, хоть, может, и скрежетал зубами.

Шеридан об отношении Брайана Эпштейна к Джону Леннону и битлзам говорил так:

«Он видел не только деньги, которые, возможно, могла принести эта группа. Он питал особые чувства к юношам, прежде всего к Джону. Это была любовь или что-то вроде влюбленности.

Р.Б.: — Ты намекаешь на гомосексуальность Эпштейна…

ШЕРИДАН: — Да, но там скорее речь шла об эстетике. У Эпштейна было очень тонкое чутье. Он любил Леннона не как сексуальный объект. Он уважал, ему были близки его интересы. Так что все тут было неоднозначно.

Эпштейн хлопотал о выступлениях за пределами Ливерпуля. Он строго следил за тем, чтобы все сроки неукоснительно соблюдались, побуждал Джона не играть только то, к чему лежала душа в данный момент, а следовать четко составленной программе и исполнять только лучшие номера. Он приучал их к интенсивным репетициям, требовал расширения репертуара. И в то же время в музыкальные дела он никогда не вмешивался, позволяя им там делать все, что они хотели».

Я спросил Тони Шеридана: «Ты полагаешь, они с легким сердцем оставили свое бунтарство?».

ШЕРИДАН: — Определенно, нет. Но интуиция подсказала им, что Эпштейн — толковый малый и зря слов на ветер не бросает. Их честолюбие, желание забраться на самый верх славы побудило их пойти на компромиссы. Но когда они появлялись перед фанами в «Пещере» или в гамбургском «Старклабе», то опять становились мятежными парнями из Ливерпуля, жесткими рокерами… Бунтарский дух не умер, Джон Леннон всегда оставался бунтовщиком. С Полом Маккартни — другое дело, тот перестал бушевать еще в детстве. У Джона, напротив, оно было тяжелым. У него сложился другой характер, в силу которого он просто не мог подчиняться и приспосабливаться. Любому давлению он оказывал сопротивление. Шесть лет школы, сразу после того — гимназия, и всегда — униформа. Причем не только снаружи, но и внутри. Тетя хотела подтолкнуть Джона к другому делу. Но мятежность была для Леннона больше, чем внешняя поза. Был момент, когда Джон надеялся, что тетя воспримет его дело как профессию — ведь уже существовал контракт, гарантирующий очевидные доходы. Но он ошибался.

Мэри пришла к Брайану Эпштейну и пожаловалась ему на племянника, поскольку у Джона в голове, как она думала, были только пустые отговорки. Она хотела спросить Эпштейна, что может произойти, если через полгода вся затея лопнет, как мыльный пузырь. С ним-то, с Эпштейном, ничего не случится, он зажиточный человек. Но что станется с Джоном и другими ребятами?..

Брайан попытался ее успокоить: «Не создавайте себе лишних хлопот. Я гарантирую вам, что Джон никогда не пострадает от этого, я все время буду о нем заботиться».

С тетей Мэри (1964).

То, что Эпштейн оказывал Джону особое расположение, ничуть не успокоило Мэри Смит. Скорее даже напротив. Ведь до ее ушей уже дошло, что новый менеджер битлзов — гомосексуалист. Особое отношение Брайана к Джону и потом давало повод для слухов.

Брайан Эпштейн наметил новую цель.

Заключая договор с «Битлз», он одновременно основал компанию «NEMS Enterprises».

Магазины этого предприятия пользовались хорошей известностью у отделов сбыта различных фирм грамзаписи, поскольку постоянно заказывали у них большие партии пластинок. Эпштейн строил свою долговременную стратегию на отличных деловых связях фирмы отца с этими производствами. На гербовой бумаге с фирменным знаком он послал им письма, в которых просил допустить опекаемую им группу к пробным записям.

Этот план сулил успех.

Фирма «Декка» согласилась прислать в Ливерпуль своего человека, чтобы прослушать «Битлз» в привычном для них окружении.

Эпштейн, который хотел действовать наверняка, перевоплотил группу: аккуратная одежда, репертуар преимущественно из международных стандартов, только пара вещей, сочиненных Джоном и Полом, и никаких сумасшедших выходок на сцене. Такими были его указания. Когда мистер Майк Смит, посланник «Декки», прибыл в Ливерпуль, Эпштейн повел его в один из знатнейших ресторанов на Мэтью-Стрит. После изысканного ужина они проследовали в «Пещеру». Джон и его друзья нервничали. В новых костюмах они чувствовали себя скованно, но знали, как много зависело от того, какое впечатление они произведут на Смита. В тот вечер они показали свое лучшее.

Человек из «Декки», хотя и нашел их неплохими, однако и не настолько хорошими, чтобы тут же предложить им контракт. И все же они были сверхсчастливы — Смит пригласил их в новогодний день 1962 года на пробную запись в студию «Декки» в Лондоне.

С точностью до минуты, хорошо подготовленные, они появились 1 января 1962 года в Вест-Хэмстеде. Отбор репертуара сделал Эпштейн: играть полные фантазии и оригинально аранжированные стандарты. Он был уверен, что тем самым произведет впечатление и на Майка Смита. Они сыграли аранжированные Полом вещи «Till There Was You», «September In The Rain», «Sheik of Araby» и рок-версии «Three Cool Cats» и «Your Feed's Too Bug».

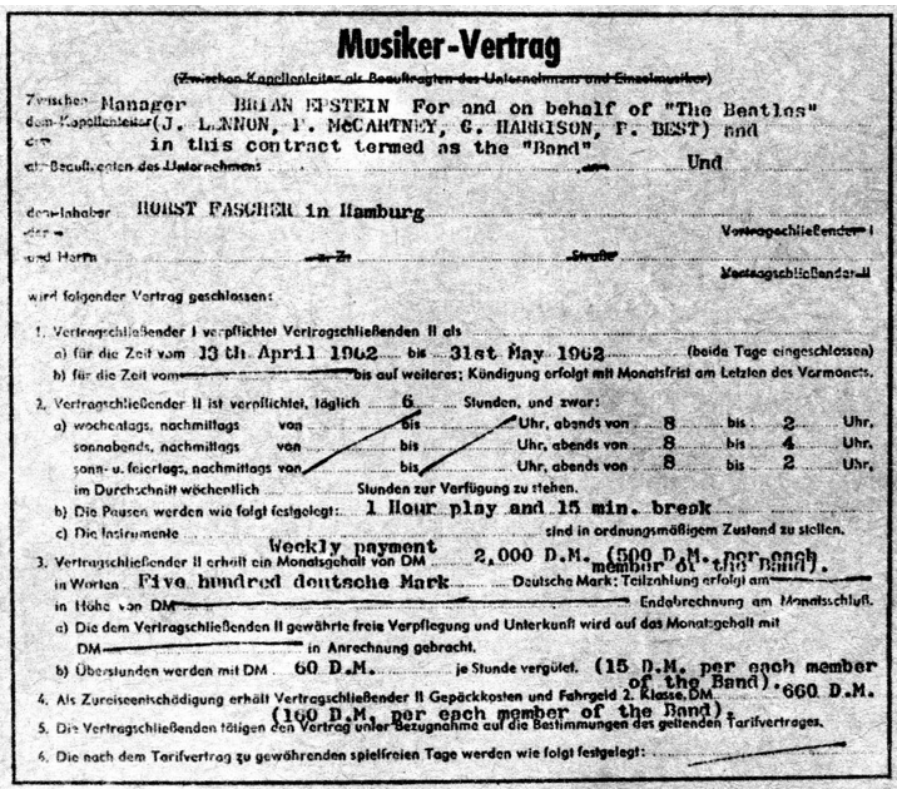
Всего было записано 15 песен, но только три из них принадлежали Джону и Полу: «Hello Little Girl» («Привет, девочка»), «Like Dreamers Do» («Как поступают мечтатели») и «Love of the Loved» («Любовь любимых»).

Во время записи они чувствовали себя не в своей тарелке, были взволнованы и не могли по-настоящему собраться. Они не понравились даже сами себе. Но, как ни странно, Смит сказал им, что записи хороши. Из этого Брайан Эпштейн и его опекуны заключили, что контракт столь же неплох, сколь и очевиден.

Но радоваться было преждевременно. Через несколько дней пришло ошеломившее их известие из «Декки»: «Нам не понравилось звучание. Кроме того, падает спрос на гитарные группы…» Однако истинная причина отказа осталась «за кадром». Просто в тот же день свои пробные записи сделала группа «Brian Poole and the Tremelos». Боссы из «Декки» отдали предпочтение лондонцам. Брайан Эпштейн сумел сделать так, что плохая

новость не деморализовала Джона и других. Он обещал удвоить усилия, чтобы устроить их на другую фирму грамзаписи.

Он выторговал у владельца вновь созданного гамбургского «Старклаба» новые гастроли в этом городе. Не последнюю роль для поднятия духа сыграл и тот факт, что опрос 5000 молодых людей, проведенный газетой «Мерсийский бит», поставил их на первое место среди прочих ансамблей.



Musiker-Vertrag

(Zwischen Kapellenleiter als Beauftragten des Unternehmens und Einzelmusiker)

Zwischen Manager BRIAN EPSTEIN For and on behalf of "The Beatles"
dem Kapellenleiter (J. LENNON, P. McCARTNEY, G. HARRISON, P. BEST) and
eine in this contract termed as the "Band"
als Beauftragten des Unternehmens ... Und

dem Inhaber HORST FASCHER in Hamburg
oder Vertragschließender I
und Herrn ... Str. Straße ... Vertragschließender II

wird folgender Vertrag geschlossen:

1. Vertragschließender I verpflichtet Vertragschließenden II als
   a) für die Zeit vom 13 th April 1962 bis 31st May 1962 (beide Tage eingeschlossen)
   b) für die Zeit vom ... bis auf weiteres; Kündigung erfolgt mit Monatsfrist am Letzten des Vormonats.
2. Vertragschließender II ist verpflichtet, täglich 6 Stunden, und zwar:
   a) wochentags, nachmittags von ... bis ... Uhr, abends von 8 bis 2 Uhr,
   sonnabends, nachmittags von ... bis ... Uhr, abends von 8 bis 4 Uhr,
   sonn- u. feiertags, nachmittags von ... bis ... Uhr, abends von 8 bis 2 Uhr,
   im Durchschnitt wöchentlich ... Stunden zur Verfügung zu stehen.
   b) Die Pausen werden wie folgt festgelegt: 1 Hour play and 15 min. break
   c) Die Instrumente ... sind in ordnungsmäßigem Zustand zu stellen.
3. Vertragschließender II erhält ein Monatsgehalt von DM Weekly payment 2,000 D.M. (500 D.M. per each member of the Band).
   in Worten Five hundred deutsche Mark Deutsche Mark; Teilzahlung erfolgt am ...
   in Höhe von DM ... Endabrechnung am Monatsschluß.
   a) Die dem Vertragschließenden II gewährte freie Verpflegung und Unterkunft wird auf das Monatsgehalt mit
   DM ... in Anrechnung gebracht.
   b) Überstunden werden mit DM 60 D.M. je Stunde vergütet. (15 D.M. per each member of the Band).
4. Als Zureiseentschädigung erhält Vertragschließender II Gepäckkosten und Fahrgeld 2. Klasse DM 660 D.M. (160 D.M. per each member of the Band).
5. Die Vertragschließenden tätigen den Vertrag unter Bezugnahme auf die Bestimmungen des geltenden Tarifvertrages.
6. Die nach dem Tarifvertrag zu gewährenden spielfreien Tage werden wie folgt festgelegt: ...

Договор «Битлз» на выступления в «Стар-клабе» (1962).

В апреле битлзы играли преимущественно в «Пещере», все больше заботясь о «сервировке» собственных песен. Даже исполняя ходовые интернациональные хиты, которых требовала публика, они не просто повторяли их, а через аранжировку приспосабливали к своему неповторимому звучанию.

В Гамбург Стюарту Сатклиффу теперь уже летели не

отчаянные письма, как прежде, Джон то и дело сообщал об успехах группы, описывал вечера в «Пещере». Однако то, что он получал в ответ, внушало серьезное беспокойство. Стью жаловался на жестокую головную боль, которая временами становится настолько невыносимой, что уж лучше выпрыгнуть в окно. Дважды во время лекций с ним случались обмороки. В письмах, которые иногда приходили от Астрид, картина была еще более мрачной.

Джон едва дождался новой поездки в Гамбург — чтобы повидать друга, да и в лучшем виде представить повзрослевшую группу. Перед искушенной портовой публикой, знакомой со многими знаменитыми ансамблями, ему страстно хотелось вновь испытать себя и добиться новой победы.

Стюарт тоже с нетерпением ждал прибытия Леннона.

11 апреля 1962 года Джон, Пол и Пит Бест сели в манчестерском аэропорту «Рингвей» в самолет, отлетающий в Германию. Джордж, приходивший в себя после гриппа, вылетел с Эпштейном днем позже.

В Гамбурге их ждала страшная весть: буквально накануне их прилета Стюарт Сатклифф умер. Причиной смерти стал паралич мозга.

Пит и Пол были потрясены.

Джон не показывал своих чувств. Как после смерти матери, он носил траур в себе.

Вечером все собрались у Астрид. Джон был молчаливее других, и только по тому, как много и торопливо он пил, все поняли, как ему тяжело. Позже он попытался успокоить Астрид на свой лад. «Джон мне очень помог. Он был тем, кто убедил меня, что я не должна ходить, как вдова, когда Стюарта не стало. Внешне он говорил так, словно у него не было сердца, но слова его шли из самой глубины души», — вспоминала Астрид Кирххер.

13 апреля «Битлз» уже заводили публику в «Старклабе». Каждый из них зарабатывал по пятьсот марок в неделю. Разместились они в квартире, принадлежавшей владельцу заведения. Если бы не горькие воспоминания о друге, Джон мог быть доволен всем.

Брайан Эпштейн оставался в Гамбурге до конца апреля, потом вернулся в Англию с намерением продолжить атаки на фирмы грамзаписи.

Чтобы избыть свою печаль, Джон «срывал резьбу», терзая гитару и собственные голосовые связки. В голом виде он бешено мчался через сцену — с сиденьем от унитаза на шее. С балкона дома, где остановились битлзы, оскорблял религиозные чувства прихожан, идущих в церковь. Он шокировал их тем, что

привязывал к кресту наполненный водой презерватив. Их музыкальная манера и, конечно, эскапады Джона приносили группе все большую известность.

Эпштейн тем временем принялся вовсю рекламировать ансамбль, используя для этого магнитофонные пленки. За свой счет он отштамповал с них пластинку — в надежде, что она произведет впечатление на боссов поп-музыки.

С помощью одного из друзей Брайан вышел на Джорджа Мартина — продюсера фирмы «Парлофон», принадлежавшей крупнейшему английскому музыкальному концерну «EMI» (Electric and Musical Industries). Мартин договорился с Эпштейном о дне пробной записи, и Брайан послал в Гамбург телеграмму следующего содержания: «Пожелание счастья, мальчики. „ЭМИ“ предлагает пробную запись. Репетируйте новые вещи!»

Джон начал немедленно.

Бренча на старом пианино, они сочинили пару новых зонгов. Репетировали каждую свободную минуту.

3 июня они свернули «гамбургские палатки» и через три дня предстали в Лондоне перед Джорджем Мартином.

Здесь все должно было решиться.

Неужели опять повторится то, что было в «Декке»? Или, наконец, осуществится их самая заветная мечта — они запишут свою первую пластинку?

Их счастье, что на этот раз они не волновались. Спокойно и уверенно они проиграли Мартину свои зонги. Это были песни «Love Me Do», «Hello Little Girl», «P.S. I Love You», «Ask Me Why» («Люби же меня», «Привет, девочка», «Поскриптум: я люблю тебя», «Спроси меня, почему»).

Джордж Мартин не выказал особого восторга, но он чувствовал, что в музыке этой четверки было что-то чрезвычайное. Ничего толком не сказав, он отправил их домой. Вновь потянулись дни, полные мучительной неизвестности. Только через три недели пришла весть: «ЭМИ» предлагает контракт.

Конечно, Джордж Мартин поставил условие. Ему не понравился ударник «Битлз». Джон должен был поискать другого.

Несколько лет назад, когда менеджеру не приглянулся бас-гитарист Стюарт Сатклифф, Джон предпочел лучше «просвистеть» ангажемент, чем предать друга.

На этот раз он повел себя по-иному.

На душе лежал камень. Но почему «камень» по имени Пит Бест должен загромождать дорогу к славе, жаркое дыхание которой Леннон уже чувствовал на своих щеках? Внутренне он давно был готов расстаться с Питом. Но мужества сказать ему об

этом у Джона недоставало. Дать Питу «абшид» пришлось Эпштейну. Уже через пять дней в группу пришел новый барабанщик, который как-то по случаю помог битлзам. До сих пор он стучал у Рори Шторма. Его звали Ричард Старки, а сценический псевдоним — Ринго Старр.

Изгнание Пита Беста породило бурную реакцию. Его мать — шефиня «Касбах-клаба» — считала сына одним из основателей «Битлз». Она использовала все свое влияние, чтобы насолить ансамблю всюду, где только могла.

Поднялся визг и среди почитательниц группы, поскольку обиженный Пит был их идолом. Весь гнев направлялся на Эпштейна, которого считали виновным в «отлучении» Беста. Теперь Брайан отваживался посещать «Пещеру» лишь в сопровождении телохранителя.

Но и самих битлзов не оставляли в покое. Когда Ринго впервые выступал с ними, публика угрожающе скандировала: «Pete Best forever — Ringo never!» («Пит Бест — навсегда, Ринго — никогда!»). Дошло до рукопашной, причем Джордж заработал синяк под глазом.

Мысли Джона тем временем крутились вокруг другой проблемы. Ему было совсем не до скандала с Питом. Врач подтвердил Синтии, что она беременна. Эта новость вызвала у Джона двоякое чувство. С одной стороны, он любил Синтию, с другой — появлялись обязанности, угрожавшие мечтам.

Со своей женой Синтией.

Не станут ли супружество, выматывающая возня с ребенком и бесконечные домашние проблемы неодолимым препятствием на пути к его цели? Мысль о потере независимости подавляла Леннона. Он видел впереди только хлопоты и долги, как цепи, повисшие на его былой свободе. Но оставить Синтию в таком положении он не мог. Это было бы несправедливо, думал он. И Джон решился на женитьбу. 23 августа 1962 года он и Синтия были зарегистрированы в загсе Маунт Плезнта. Брайан Эпштейн и брат Синтии Тони исполняли обязанности свидетелей. Пол и Джордж со смешанными чувствами наблюдали за церемонией. Мэри Смит не пришла на торжественный акт. Сопутствующие обстоятельства болезненно напомнили ей о женитьбе Фреда и Джулии Леннон, которая состоялась в том же помещении. Времени для свадебного торжества у них не было. Тем же вечером Джон появился на сцене «River Park Ballrooms». Потом состоялись еще шесть выступлений. А 11 сентября они приехали на лондонскую улицу Эбби Роуд, в студию номер два.

Джордж Мартин так заинтересовался ими, что припас своего ударника — на случай, если ветреные ливерпульцы снова явятся с Питом Бестом. Всю вторую половину дня они репетировали. За ударными попеременно сидели Ринго и его «заместитель» Энди Уайт.

Джордж был в ударе и все время предлагал новые варианты. Только к вечеру, после пятнадцатой попытки, Мартин был удовлетворен.

Песня «Люби же меня», приправленная оригинальными пассажами на губной гармошке, введенными Джоном, и зонг «Постскриптум: я люблю тебя» были готовы к выходу в свет на первом настоящем сингле «Битлз».

На совещании шефов фирм, принадлежащих концерну «ЭМИ», Джордж Мартин объявил, что хотел бы выпустить сингл еще никому не известной группы. Он сказал: «Это — хороший ансамбль, и мы еще о нем услышим».

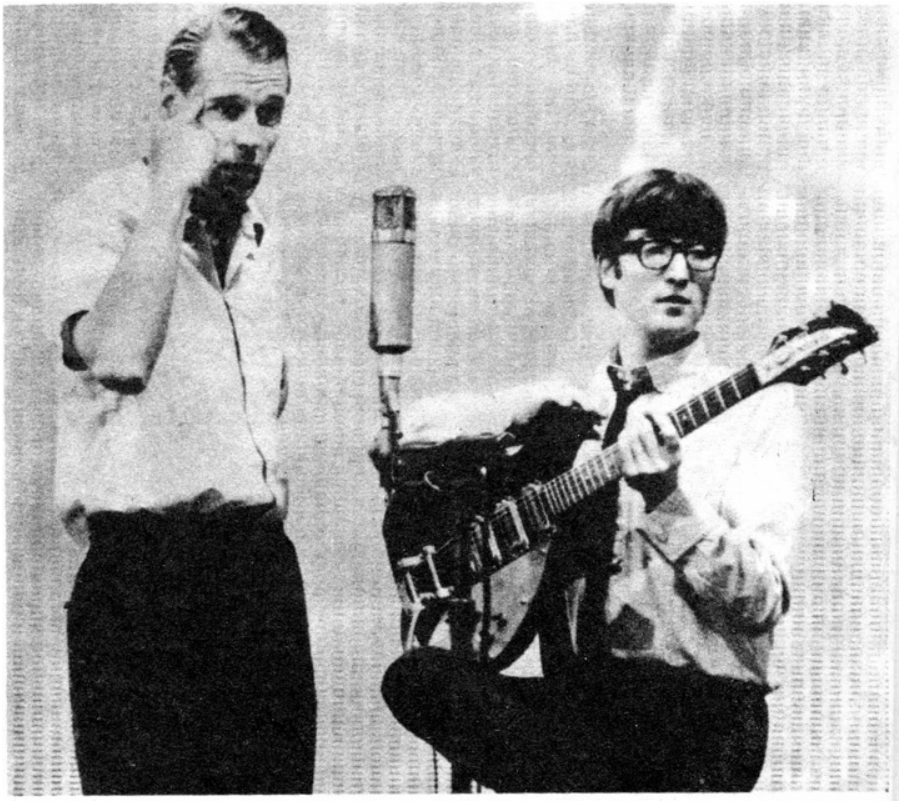
В ответ послышался недоверчивый смешок.

Опьяненные успехом

Пластинка «Люби же меня» вышла в начале октября 1962 года и достигла 17-го места в хит-параде.

25 октября «Битлз» предстали перед объективами телекамер станции «Гранада IV» в Манчестере. Эпштейну удалось договориться о двадцати минутах эфирного времени в передаче «People and Places» («Люди и положения»). Эпштейн, который был категорически против их неухоженного вида и бунтарских повадок, приказал выступать в пристойной одежде. Джон воспротивился переодеванию, опасаясь, что их сторонники не вынесут измены.

Но на другой день фильм вышел на экраны, и Джон не выглядел иначе, чем Пол, Джордж и Ринго. Черный костюм с жилетом, белая рубашка и галстук, мягкая прическа «грибная шляпка». Это был шарм, которого так добивался Эпштейн. И Джон, скрепя сердце, прекратил восстание против «буржуазного» имиджа. Хотя ему куда больше нравились джинсы, кожаная куртка и сапоги. 28 октября подарило Джону особую радость: благодаря Брайану битлзы выступили в ливерпульском «Эмпайр-театре». Такой чести удостаивались лишь знаменитости. К тому же они давали концерт вместе с самим Литтлом Ричардом, который всегда служил для них образцом.



26 ноября Джордж Мартин вновь пригласил битлзов в студию «ЭМИ». После успеха «Люби же меня» он уже не сомневался, что открыл золотую жилу. Но как опытный продюсер он хотел идти наверняка, поэтому на сторону «А» запланированной пластинки для гарантии повышенного спроса предложил записать песню удачливого сочинителя М. Мюррея «Как это у вас получается?» Прослушав инструментальную редакцию зонга, Джон решительно отверг его, хотя несколько позже в записи «Gerry and Pacemakers» этот опус стал хитом.

Джон пошел на принцип. Если уж это пластинка его группы, то и песни должны быть их собственные. Кроме того, появилась неплохая возможность продемонстрировать, что его слово кое-что значит. Он и мысли не допускал, что кто-то мог размещать записи помимо его воли. И Джордж Мартин уступил.

На другой день они сыграли ему песню Пола «Please, Please Me» («Пожалуйста, доставь мне радость»). Мартин нашел ее недурной, предложил только немного ускорить темп. Вещь предназначалась для стороны «А» нового сингла.

И вышло так, что эта песня стала для битлзов — эталонной. Джон, как это уже было в «Люби же меня», исполнял блюзовую

партию губной гармошки. На обратной стороне диска они записали песню «Ask Me Why», исполненную романтических тонов, ставших впоследствии характерными для целого ряда их знаменитых баллад.

12 января 1963 года пластинка появилась на рынке, и тут же с нулевой отметки достигла 17-го места. А 12 февраля она взлетела на первое место, продержавшись там целую неделю. За год было продано 250.000 экземпляров диска. Так «Битлз» впервые завоевали серебряную пластинку.

«Этой серебряной пластинке „Пожалуйста, доставь мне радость“ я радовался больше, чем всему, чего мы до тех пор достигли. Именно тогда я почувствовал, что мечта начала сбываться…»

Прежде чем чаша успеха была испита до дна, Джону с группой пришлось еще раз отправиться в Гамбург. С 18 по 31 декабря 1962 года состоялись очередные гастроли. Без всякого настроения Леннон переплыл с командой через пролив, думая лишь о том, как славно было бы провести Рождество в Ливерпуле в кругу друзей и родных. Гамбург его больше не интересовал. Теперь, когда все пошло по восходящей, тур в Германию представлялся ему досадным перерывом. Но контракт следовало соблюдать. Правда, в дополнение к нему Манфред Вайсследер, владелец «Старклаба», должен был выложить еще тысячу фунтов Брайану Эпштейну.

По возвращении всё закрутилось снова, и уже без пауз. С 1 по 5 января — турне по Шотландии, 11 января — участие в телевизионной передаче «Thank Your Lucky Star» («Спасибо вашим счастливым звездам») компании «ABC», где они выступили с «Плиз, плиз ми» и «Аск ми уай». Момент был выбран Эпштейном весьма удачно — днем позже именно этот сингл поступил в продажу.

Успешное производство пластинок, выступления по телевидению, зонги по радио, растущее число концертов… Прошли времена, когда они были вынуждены играть за ничтожное жалование. Впрочем, самые большие деньги они все еще не делали, поскольку Эпштейн заключил многие концертные договоры еще тогда, когда их рыночная цена не была высокой.

При всех известных обстоятельствах для Джона все же немало значило признание тети. Она же все еще была настроена… скептически. Хотя и вынуждена была согласиться, что ее предсказание о том, что он никогда не заработает денег гитарой, не оправдалось. В то же время она видела, как меняется Джон с ростом своей популярности. Для него и Синтии она освободила нижний этаж своего дома на Менлав-авеню. Их жизнь не была для

нее тайной и совершенно не соответствовала ее представлениям об упорядоченном брачном союзе.

Джон наслаждался тем, что его турне по всей Англии праздновались как триумф звезды. Девушки на концертах впадали в истерический экстаз, устраивали давку перед сценой, проникали в гардеробные комнаты. А в доме, где жила Синтия, ему все казалось узким и давящим. И в редкие дни, когда они бывали вместе, он недружелюбно и брюзгливо реагировал на все, что бы она ни сказала и ни сделала. Часто он провоцировал ссору без всяких на то оснований, доходило до серьезных ссор и даже рукоприкладства, особенно, когда Синтия упрекала его в том, что в своих концертных путешествиях он изменял ей. В минуты примирения Синтию грела надежда, что с рождением бэби Джон образумится.

Удручало ее и то обстоятельство, что Эпштейн и рекламные агенты делали все возможное, чтобы скрыть от общественности женитьбу Джона. Они считали, что бизнесу повредит информация о том, что Джон уже надел на себя цепи Гименея. Все безумствующие поклонницы должны были надеяться, что Джон предназначен для каждой из них.

Особенно тесными были отношения Джона и Пола. Пылающие непомерным честолюбием, оба стремились к одной цели и делали для этого все. День и ночь, каждую свободную минуту, дома или в автобусе они думали о новых зонгах, сочиняли тексты и музыку. Теперь они придавали все больше значения собственным композициям. Джон предпочитал воспитанный блюзом рок, причем использовал три аккорда классической блюз- и рок-схемы. Музыкальные возможности Пола были обширнее. В своих композициях, мелодически более рельефных, он использовал элементы рока, нью-орлеанского джаза и блюза, а также балладные формы.

Если поначалу шло соперничество, и каждый хотел доказать, что он — лучше, то мало-помалу они пришли к выводу: простые, выстроенные на несложных гитарных аккордах пассажи Джона хорошо подходили для строф и рефренов, в то время как Пол создавал средние такты, с которыми приходили мелодии и трудные гармонии. Этот принцип их совместной работы наиболее ярко воплотился в песне «A Hard Day's Night» («Ночь после трудного дня»).

О своем участии в совместно написанных песнях Джон говорил: «Мой вклад в зонги Пола состоял в том, чтобы сделать их более блюзовыми, многогранными… Он обеспечивал легкость, оптимизм, в то время как я всегда метил в печаль, диссонансы, блюзовые ноты…» (Интервью журналу «Плейбой», 1980).

То, как ранний Джон Леннон не только музыкально, но и текстуально ориентировался на блюзовые образцы, особенно заметно, когда слушаешь песню «The One After 909» («Один после 909»). Она написана в 1960 году, но впервые была опубликована десять лет спустя на долгоиграющей пластинке «Let It Be» («Пусть будет так»).

Джон использовал здесь целый ряд понятий из классического блюзового словаря железнодорожных жанровых сценок. Это, к примеру, railman, station, location, travelling. А формула «I'm traveling on that line» напоминает о «Rock Island Line» Донегана.

My baby says she's trav'ling on the One after Nine-o-Nine
I said move over honey I'm travelling on that line
I said move over once, move over twice
Come on baby, don't be cold as ice.
I got my bag, ran to the station
Railman says you've got the wrong location
I got my bag, ran right home
Then I find I've got the number wrong.

Брайан Эпштейн становился для Джона все более нужным человеком. Если Леннон даже не разделял каких-то его воззрений, то в том, что касалось имиджа группы, полностью на него полагался. На Джона производила впечатление уверенность, излучаемая их менеджером, его безукоризненные светские манеры.

В соперничестве с ансамблем «Битлз», который был для Леннона смыслом жизни, Синтия не имела шансов на победу. Она прилагала немало сил, чтобы поговорить с Джоном по душам, чего он всячески избегал. Говорить о своих приключениях на гастролях, о музыке? 18 апреля 1963 года в «Сефтон-Дженерал-Госпитал» Синтия подарила миру мальчика, которого в честь матери Джона назвали Джулианом.

Однако отец малыша с его рождением к лучшему не изменился. Больше того, Джон вообще никак не отреагировал на появление наследника. Маленькое беспомощное существо тяготило его чувством несвободы. Через несколько дней после первого крика новорожденного Леннон вместе с Эпштейном отправился отдыхать на Пиренейский полуостров.

«Я поехал с Брайаном в Испанию, что породило слухи, будто мы ищем приключений. Но дело обстояло совсем не так. У нас была тесная связь. Я тогда впервые узнал о том, что он — гомосексуалист. О нашем испанском путешествии некоторые распространяли довольно глупые слухи. Очевидно, причины их

крылись в нашем обоюдном доверии и факте совместной поездки. Но больше не было ничего, что бы вообще могло породить эти дурацкие слухи», — пролил Джон свет на это событие.

Синтия была в шоке от поведения мужа. Что касается тети Мэри, то она была вне себя. В этом сюжете вновь проявилась одна из характерных черт Джона — действовать спонтанно, по воле настроения, не считаясь ни с кем.

Одно концертное турне сменялось другим. Они изъездили Англию вдоль и поперек. И хотя все еще выступали вместе с другими группами и солистами, но были уже, как правило, гвоздем программы. Толпы молодых людей собирались лишь для того, чтобы услышать и увидеть битлзов.

Однако успех имел и горький привкус. Джон тосковал по временам, когда они пели только в клубах, где каждый вечер протекал по-разному, где контакт с публикой вызывал непосредственную реакцию. Там они могли уходить от клишированного имиджа.

Время джинсов и кожаных курток для «Битлз» кончилось.

О метаморфозе, происшедшей с их внешним видом, Леннон говорил так:

«Вне Ливерпуля, когда мы, например, уезжали в поисках заработков на юг, менеджеры танцевальных залов нас запросто могли не пустить. Они думали, что мы — банда драчунов. Поэтому понятно, что Эпштейн нам то и дело советовал: „Смотрите, не забывайте о костюмах порядочных людей…“ И хотя мы все еще любили наши кожаные вещички и джинсы, отлично сшитых костюмов не только для сцены, но и на каждый день нам тоже хотелось.

„Слышь, друг, достань-ка мне костюм!“. Ведь когда ты носишь что-то эдакое, денег ты получаешь больше… Ну, хорошо, я надеваю костюм и о'кей — буду его носить. Я напялил бы даже дедушкин лапсердак, лишь бы мне за это заплатили как полагается. Так что очень уж сильно я не был влюблен в свой кожаный хлам».

Успех стимулировал их творчество.

Бурное восхищение, которое обрушивалось на них после исполнения собственных сочинений, побуждало Джона и Пола писать все лучше и лучше. Следующей вершиной стала их первая долгоиграющая пластинка «Пожалуйста, доставь мне радость».

11 февраля 1963 года, в 10.30, они появились в студии «EMI» на Эбби-Роуд. В одиннадцать вечера, когда они покинули ее, все песни были записаны. Столь короткое время, затраченное на запись, объясняется тем, что все эти зонги входили в их постоянный репертуар. Феноменом этого первого альбома было

то, что из четырнадцати произведений семь принадлежали Леннону и Маккартни (четыре из них уже вышли в свет на синглах). Это был явный признак того, что с эпигонством покончено.

В своих текстах они обращались к теме, которая не отличалась особой оригинальностью — любовь. Модной эта тема не была, но манера, с которой они ее подавали, заставляла их ровесников прислушиваться к текстам, созвучным их собственным чувствам. Стихи, далекие от шлягерной сусальности, органично сливались с прекрасными мелодиями. Оригинальные аранжировки, чистые и сильные голоса, оптимизм и ожидание счастья — всё это наиболее характерные особенности их романтического периода.

Зонг «Постскриптум: я люблю тебя» типичен для этой фазы развития «Битлз».

Воспоминание о прошедших временах — «Битлз»— 1963 в ливерпульском «Кэвен-клабе».

P.S. I LOVE YOU
As I write this letter, send my love to you,

remember that I'll always be in love with you.
Treasure these few words till we're together
keep all my love forever.
P.S. I Love You…

P.S. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ
В то время, как я пишу это письмо
и посылаю тебе мою любовь,
я думаю о том, что буду любить тебя всегда.
Сохрани эти несколько слов как сокровище
до тех пор, пока мы не увидимся.
Сохрани мне мою любовь.
P.S. Я люблю тебя…

Песне «Плиз, плиз ми», в которой Джон опять исполнял партию губной гармошки, критики дали самую высокую оценку. Концепция и композиционный стиль этой вещи стали образцом для целой серии песен, появившихся впоследствии.

И еще кое-что отчетливо проявилось в этой записи — продюсер и звукорежиссер Джордж Мартин оказывал всё возрастающее влияние на музыкальное развитие группы. По его предложению в песне «A Taste of Honey» («Вкус меда») голос Пола методом наложения был записан дважды; в «Misery» («Страдание») он предложил включить проигрыши на пианино и играл их сам.

И хотя в английском хит-параде диск достиг только третьего места, он оставался в нем полгода, что значительно укрепило популярность группы.

4 марта они вновь приехали в студию «EMI». Была записана песня «From Me To You» («От меня к тебе»), которую Джон и Пол сочинили в феврале, в автомобиле, во время турне с Элен Шапиро. Тогда они посчитали ее слишком блюзовой и потому не хотели записывать. Мартин предложил им вставить звуки губной гармошки, что еще более усилило блюзовое звучание. Песня завораживала своей мелодической свежестью, на сторону «Б» они записали «Thank You Girl» («Спасибо тебе, девочка»), причем Джон и здесь не изменил своей гармонике.

Сингл вышел в апреле, круто взмыл вверх и семь недель держался на первом месте.

Теперь билетами на их концерты торговали по ценам черного рынка. Их слава перешагнула границы Англии. Но пресса пока большей частью помалкивала. Большая битломания еще не началась.

Для 1963 года характерной была невероятная производительность, с которой работали Джон и Пол. 1 июля они записали «She Loves You» («Она любит тебя») — песню, весьма типичную для ранних «Битлз» с точки зрения использования музыкальных средств. Впервые в ней прозвенели знаменитые «Yeah, yeah, yeah!», звучащие, как ликующий боевой клич.

Брайан Эпштейн пригласил на запись нескольких журналистов. Но Джону мешала беспокойная толпа в студии. Он настоял на том, чтобы репортеры исчезли.

Песня «Она любит тебя» удалась не сразу. Они проигрывали ее по многу раз, все время подбирая новые оттенки, пока, наконец, не остались довольными. Для стороны «Б» была записана песня «I'll get you» («Ты будешь моей»).

Едва этот сингл появился в Англии, а это случилось 23 августа, авторы безоговорочно были поставлены на пьедестал хит-парада над цифрой «1». Им вновь удался большой рывок. То, что они уже сделали блестящее имя и стали пользоваться безграничным кредитом у своих фанов, подтверждает такой факт: за день до выхода новой пластинки на нее было подано 500.000 заказов! Это была гарантия их первого золотого диска.

Джон купался в успехе. Его чувство собственного достоинства возросло неизмеримо и больше не зависело от случайных депрессий. И хотя доходы еще не достигли уровня прибылей суперзвезд, Джон был уверен, что их финансовый успех не за горами.

С момента, когда, казалось, восторг фанов достиг предела, до тех дней, когда разразилась знаменитая битловская истерия, возникло явление, аналогов которому нет в истории мировой поп-музыки.

«Битлз» (1963)

13 октября 1963 года в средствах массовой информации, особенно в английских газетах и журналах, начался настоящий журналистский психоз. В этот день битлзы выступали в популярном развлекательном телешоу «Sunday Night at the London Palladium» («Воскресный вечер в лондонском Палладиуме»). Ее смотрели примерно 15 миллионов зрителей.

Незадолго до приезда «Битлз» несколько девушек собрались перед зданием театра на Эджилл-стрит. Не было никаких толп. И после концерта улица не выглядела по-иному, чем в обычные дни. Но на следующее утро самые тиражные газеты изобразили совсем другую картину.

В «Дэйли Миррор» можно было прочесть следующее: «Лишь с огромным трудом полиция смогла сдержать 1000 визжащих тинэйджеров, когда битлзы уезжали после концерта в Палладиуме». В «Дэйли Экспресс» было опубликовано фото, на котором Джон, Пол, Джордж и Ринго, якобы полные ужаса, смотрят на огромную толпу. Ее на снимке, однако, видно не было.

Другие газеты тоже захлебывались, сообщая о «бесчинствах» после шоу в Палладиуме.

Дезо Хоффманн, который принадлежал к уже солидному штату сотрудников Брайана Эпштейна, комментировал эти

сообщения так: «В этот вечер не было никакого столпотворения. Я же был там! Мы видели, может быть, восемь девушек. Возможно, их было и того меньше. А когда позднее „уличный менеджер“ пошел за девочками — для каждого из ребят — там вообще уже никого не осталось».

Достоин внимания ответ на вопрос — почему именно в это время пресса «открыла» «Битлз» и устроила вокруг них лихорадку?

Когда на концерте в «ABC» в Кембридже (март 1963) сотни девушек извивались перед сценой в истерических конвульсиях, газеты не дали об этом ни строчки.

Почему же именно в октябре 1963 года так возрос интерес печати к этой группе?

Неделю назад газетные заголовки пестрели именем британского министра обороны Джона Д. Профьюмо. Он был уличен в связи с проституткой, вызываемой по телефону — Кристин Килер. Это был скандал первого класса. Двумя днями позднее министр был вытеснен с газетных полос почтовыми грабителями, которые (разбойным путем) захватили сумму в 2,5 миллиона фунтов. Безуспешные поиски полиции удачей не увенчались, И эти бесконечные сообщения о росте цен и безработных…

Подобные кризисные настроения появились и в США.

Америка была потрясена расовыми беспорядками. Под руководством Мартина Лютера Кинга формировалось движение за гражданские права негритянского населения. Перешли в наступление национальные освободительные движения. Обрела независимость бывшая британская колония — Кения. В Алжире Ахмед Бен Белла был избран президентом. В Сайгоне (Южный Вьетнам) буддистские монахи сжигали себя, протестуя против режима, поддерживаемого империалистическими державами. Всё новыми и новыми экспедициями в космос, в том числе и полетом первой женщины — Валентины Терешковой — Советский Союз доказывал свой приоритет в исследованиях околоземного пространства. Но самыми крупными событиями 1963 года были подписание Договора о запрещении испытаний атомного оружия (по инициативе СССР) и убийство президента США Джона Ф. Кеннеди в Далласе (Техас).

Срочно была нужна сенсация, которая могла бы отвлечь от всех этих встрясок.

Подняв шумиху вокруг мифических столпотворений перед Палладиумом, пресса уже не выпускала «Битлз» из своих лап. Тем самым рекламу получил сам стиль поведения многочисленных фанов. Все выступления битлзов сопровождались теперь

одинаковым ритуалом: девушки визжали, плакали, бились в истерических конвульсиях, падали без чувств. Их концерты сопровождались чудовищными столпотворениями. То и дело возникали ситуации, когда четверым ливерпульцам приходилось опасаться за свое здоровье.

В лондонском аэропорту при возвращении из турне по США (1964).

Масс-медиа не без умысла лепили имидж «Битлз». Они внушали потребителям информации совершенно определенный образ: четверо рабочих парней, которые вышли из трущоб Ливерпуля, сами заработали свою славу и деньги. При этом они всегда оставались интеллигентными и остроумными. Родился новый вариант сказки «из посудомойки — в миллионерши».

Еще за неделю до выдуманных бесчинств у Палладиума и некоторое время спустя в прессе звучали совсем другие мотивы. Их представляли сумасшедшими «грибными шляпками», которые провоцируют публику на вакханалии, держат себя агрессивно и топят в дерьме святые национальные ценности.

Теперь же в средствах массовой информации творилось то, что индустрия развлечений практиковала всегда, когда речь заходила о сверхприбылях, — тотальная распродажа.

Хотя, конечно, считать, что феномен «Битлз» возник лишь вследствии манипуляций прессы, значило бы войти в противоречие с реальностью.

Базисом успеха был в первую очередь результат работы композиторского и стихотворного тандема «Джон Леннон — Пол Маккартни». Своими свежими песнями и насмешливой манерой они коснулись самого нерва современного им молодого поколения. Их подчеркнуто небрежное поведение на концертах, их пренебрежение к общественному мнению, которое прежде всего выказывал Джон и в котором проявлялся неосознанный пока протест против консерватизма, их исполненные юмора атаки на обывательщину, поражающую английское общество, — все это оказывало мощное воздействие на их слушателей-ровесников, поскольку предлагало доселе неизвестные возможности для идентификации и солидарности.

Очевидно, что Джон Леннон в то время еще не осознавал социальных последствий такого воздействия. Он просто оставался самим собой. И именно таким, каким было преобладающее большинство его ровесников. Он отвергал всякий нажим со стороны, стремился к признанию и симпатии. То, что его отличало и поднимало над сверстниками, было талантом выражения своих чувств в текстах и мелодиях. Другим фактором, который нельзя недооценивать, стало то, что четверо парней,

будучи ровесниками большей части своей публики, излучали то мироощущение, которое полностью соответствовало их молодым почитателям.

В 1965 году в Англии, по некоторым оценкам, было 5.000 бит-групп, только в Ливерпуле играло более сотни. Все они ориентировались на пример битлзов. Если верить полицейским сообщениям тех лет, следствием «бит-движения» стало снижение молодежной преступности в больших городах.

Раздутый журналистами в октябре 1963 года массовый «Битлз»-психоз отнял у этого движения социально-критический аспект и направил его по путям коммерческой эксплуатации.

Битлзы стали персонажами глянцевой раскрашенной картинки, имевшей весьма отдаленное сходство с действительностью. Они стали «солнечными мальчиками» шоу-бизнеса — симпатичными, чистенькими, остроумными, иногда чуть-чуть нахальными, но всегда любезными. Всё, что не подходило под это клише, замалчивалось, выбрасывалось. Ни слова не появилось в журналах тинэйджеров об оргиях в гардеробных и гостиничных номерах, главным актером которых всегда был Джон.

«Где бы мы ни оказывались, вокруг сразу закручивался большой шухер. Мы должны были что-то делать. А как вообще что-то делать, если действие пилюль ослабевает? Я, в принципе, вообще не мог спать — а это уже было жестоко. Тогда они еще не назывались „группиз“, их именовали как-то по-другому. Когда у нас не было „группиз“, мы доставали себе обычных шлюх. И когда мы шли в город, там все закручивалось просто беспощадно… Есть мои фотографии, где я, например, в Амстердаме тащусь буквально на четвереньках, получив по физиономии. Причем под строгим полицейским контролем. Просто все хотели избежать большого скандала». Так Джон описывал эти приключения.

Успех со всей его жестокой изнанкой оказал на Леннона не только положительное влияние. С одной стороны, он им упивался, получая стимулы для новых идей. С другой — страдал от того, что трещина, отделяющая его от нормальной жизни и от ровесников, становилась все глубже. Популярность его и группы вела к тому, что уже было практически невозможно в одиночку прогуляться по улице, сделать покупку в магазине или показаться в клубе. Прошли времена, когда он с ансамблем кочевал по стране или, как равный среди равных, играл в ливерпульской «Пещере», легко находя общий язык с аудиторией.

Увы, теперь Джон утратил этот контакт. Вокруг него возник вакуум, который он судорожно пытался заполнить. Тешившими самолюбие дарами славы Джон вытеснял растущее чувство

изоляции. Он делал это безудержно, опьяненный чувством власти над другими людьми. И это право — владеть умами и сердцами поклонников — он должен был все время себе доказывать.

Во время съемок одного из фильмов он так грубо обошелся с неким пожилым журналистом, что нанес ему физическую травму. Девушки, которых сутенер посылал к нему в комнату, в полной мере испытывали на себе его презрительное обхождение.

В мгновения, когда напряжение немного ослабевало, и он начинал осознавать, что своим поведением делает плохо другим, вся эта звездная суматоха, изрядно ему поднадоевшая, вызывала приступы отвращения. Признаем, однако, что эти моменты были редкими в том столь успешном 1963 году.

Берлинский публицист Зигфрид Шмидт-Джооз как-то весьма метко охарактеризовал жизнь поп-звезды: «Постепенно суперзвезда рока становится пленником своего богатства и своей славы. Его общественные связи все больше ограничиваются коллегами-музыкантами, менеджерами, боссами грамзаписи, музыкальными издателями, диск-жокеями, поп-журналистами, „группиз“, бандой международных „джет-сеттов“ („денежных мешков“ — прим. пер.) и снобов, которые не имеют ничего общего с нормальной публикой и стилем ее жизни».

Однако в журналах тинэйджеров и в бульварных газетках об этой стороне битломании ничего не писали. Все только подогревали лихорадку.

Во время их шведского турне с 24 по 30 октября фанатичные поклонники группы, тряся гривами, затеяли столь яростный штурм стокгольмской сцены, что полиции пришлось потрудиться в поте лица, дабы восстановить хоть какое-то подобие порядка. Английские газеты сообщили об этом, проиллюстрировав фотографиями. И когда «Битлз» вернулись из Швеции, в аэропорту Хитроу их ждали тысячи тинэйджеров, в основном девушек, чтобы достойно встретить своих кумиров. Джона, Пола, Джорджа и Ринго приветствовали с неописуемым ликованием. О находившихся в тот момент в здании аэропорта премьер-министре Англии сэре Алексе Дугласе Хьюме и свежеиспеченной «Мисс Мира» никто не написал и заметки.

Через несколько дней, 4 ноября, местность вокруг «Prince of Wales Theatre» в Лондоне напоминала кипящий котел. «Битлз» должны были выступить на мероприятии «Royal Command Performance». Пятьсот «бобби» пытались сдержать несколько тысяч визжащих девчонок. Мощное скандирование «Мы хотим „Битлз!“» перекрывало команды полиции. Музыкантам пришлось проникать в театр через служебный вход, в то время как мировые звезды Марлен Дитрих и Томми Стил незамеченными прошли

через главный подъезд.

Брайан Эпштейн, дрожа, сидел в гардеробной своих опекунов. Хоть он и приказал им до и после выступления чинно поклониться присутствующим членам Королевского дома, заявление Джона о том, что он хотел бы им всем посоветовать «побренчать своими дерьмовыми побрякушками», бросило его в холодный пот.

«Битлз» стали сенсацией вечера.

Хотя Джон, несмотря на все уговоры, все-таки осуществил свою угрозу, правда, в довольно смягченной форме, Эпштейн мог быть доволен. Объявляя песню «Twist And Shout» («Крутитесь и орите»), Леннон добавил: «Люди, сидящие на дешевых местах, — похлопайте, пожалуйста, в ладоши. Для других достаточно, если они потрясут драгоценностями…». Милостиво улыбнулась мать королевы, восхищенно зааплодировала принцесса Маргарет, оживился лорд Сноудон.

На другой день газетные заголовки рассыпались в любезностях: «„Битлз“ увлекли королевских гостей!» — объявила «Дэйли Экспресс». «Триумф четверых молодых парней — и в королевской ложе притоптывали в такт ритму!» — восклицала «Дэйли Мэйл». «„Битлз“ — лихорадка!» «„Битлз“ — лихорадка!» — твердила «Миррор».

Впоследствии не было недостатка в попытках объяснить завораживающее влияние битлзов на публику. Иногда это приводило к совершенно неожиданным выводам. Так, некоторые эксперты делали потрясающие «открытия», проводя параллели между сексуальным возбуждением истошно вопящих девиц и нарастанием зажигающих криков при исполнении песни «Twist and Shout».

Нет сомнения, что существенный вклад в развитие массового психоза внесли сенсационные материалы прессы, радио и телевидения. Но верно, что сами музыканты немало потрудились для того, чтобы столь властно управлять настроением молодой аудитории. В их текстах доминировали реалистические детали и ситуации, которые отвечали опыту нового поколения. Не стоит, однако, приписывать приоритет в этом деле лишь тандему Леннон—Маккартни. У них были свои учителя.

Чак Берри, как и Литтл Ричард, относились к этим образцам. Когда появился следующий знаменитый хит битлзов «I Want To Hold Your Hand» («Я хочу держать твою руку»), многим вспомнилась песенка «Baby, Let Me Hold Your Hand» Рэя Чарли.

Вместе с вышедшим 29 ноября 1963 года синглом «I Want To Hold Your Hand» / «This Boy» («Этот парень») они взобрались по лестнице успеха на новую, еще более высокую ступень. В Англии

предварительные заявки превысили миллион, до конца декабря число проданных экземпляров достигло рекордной отметки: 1.250.000! Этим синглом они прорвались в США, и с первой попытки песня «Я хочу держать твою руку» завоевала в американских хит-парадах первое место. За четыре дня было сбыто 1.500.000 дисков.

Джон Леннон в ответ на вопрос, как он объясняет успех своей группы, сказал: «Каждый может добиться победы! Когда об этом часто твердят, тогда успех и приходит. Мы ведь не лучше, чем многие другие. Вообще, что такое талант? Я не знаю. С ним рождаются? Или открывают в себе позже? Настоящий талант, по-моему, это способность верить в свой успех. До тех пор, пока мне не исполнилось пятнадцать, я был точно таким же, как все мои ровесники. Потом я все же решил сочинить песню, что и сделал. Но от этого изменилось немногое. Полный бред, когда говорят, что я вдруг открыл в себе дарование. Я просто работал. У меня вообще нет таланта, кроме, может быть, способности быть счастливым или прежде всего насиловать самого себя».

Такое заявление вряд ли может быть воспринято всерьез, это скорее осознанное «прибеднение», ведь в других случаях Джон без ложной скромности утверждал, что он — самый гениальный, великий, талантливейший.

В интервью, которые Леннон раздавал направо и налево, он нередко противоречил самому себе, стремился к ошеломляющим эффектам, давал понять, что все воспринимает с иронией. При этом он постоянно подтрунивал над журналистами и их читателями.

Однако как партнер по беседе он пользовался у репортеров большим уважением, потому что своими нахально-агрессивными шутками добавлял в их материалы изрядную дозу перца. В самый разгар битломании, в дыму невероятного успеха Джон легко позволял себе «провокационные» высказывания. Это создало ему репутацию эгоцентрического клоуна, не уменьшив при этом его популярности среди фанов. Есть достаточно поводов для предположения, что под маской шута Джон скрывал истинные чувства.

Почему, например, он обязан рассказывать жадным до сенсаций газетным гиенам о личных заботах?

У Джона и так не было никого, с кем бы он мог потолковать о сокровенном. В жизни он знал лишь двоих, кому мог доверять, как себе — свою мать и Стюарта Сатклиффа. Но оба они были уже мертвы.

Пока он боролся за успех, это наполняло всю его жизнь. Теперь, на вершине славы, стало нарастать мучительное чувство

потери пути. Как никто другой в этом ансамбле, он понимал, что богатство и слава не могут быть Всем. Не было чего-то самого Важного.

Как-то, в минуту откровения, он попытался поговорить об этом с Полом. Может, им надо всё делать совсем не так? Не продали ли они вместе с музыкой и самих себя?

Пол не разделил этих сомнений. Напротив, он был уверен, что они должны и впредь действовать так же. Этого хотели их фаны, так в конце концов они делали свои миллионы. Каждый шаг в ином направлении означал бы ненужный риск, угрожал бы гарантированному успеху. С Полом был солидарен и Брайан Эпштейн. Его рецепт оказался правильным. Зачем же ставить его под сомнение? Чтобы избавиться от тягостных мыслей, Джон играл роль шута, бросался в распутство, хвастливо выставлял на всеобщее обозрение свои богатства.

Это были симптомы той же звездной болезни, из-за которой Брайан Джонс, Джимми Хендрикс, Дженис Джоплин и другие поп-знаменитости трагически ушли из жизни.

Бремя славы

В конце 1963 и начале следующего года Джон, Пол, Джордж и Ринго переехали из Ливерпуля в Лондон. Джон и Синтия въехали в квартиру в Кенсингтоне, поблизости от «Вест-Лондон-Эйр-Терминал».

Жизнь Синтии не стала легче. Больше того, если в Ливерпуле ее все-таки поддерживала тетя Мэри, то в столице она оказалась предоставленной сама себе. Джон жил в своем мире, куда жена доступа не имела.

Столичную сцену Леннон описывал так.

> «Когда мы приехали в Лондон, нас восприняли там как настоящих провинциалов. Но ведь так оно и есть… Мы были тогда вроде королей первобытного леса и очень дружили с „Камнями“. Не знаю, как другие, но я водился с Брайаном Джонсом и Миком Джеггером и просто восхищался ими. Они мне понравились с первого раза, я видел их в том шалмане, где они всегда торчали — в „Ричмонд-клабе“. Я часто проводил время с ними вместе, это был действительно класс. Мы чувствовали себя королями и все еще стояли в начале пути. Мы гоняли на своих автомобилях по Лондону, посещали друг друга, говорили с „Энималз“, Эриком Бардоном о музыке и всяких других вещах. Это было действительно отличное время. Это как бы сопутствовало известности, даже лучше — тогда еще за нами не гонялись эти фанатики. Просто не знаю, как и сказать, — это было, как курительный клуб для мужчин, просто приятно до жути» (Интервью Вемеру, 1970).

«Таймс» назвала Джона и Пола самыми выдающимися английскими композиторами 1963 года. Что же принесет следующий?

В международном поп-музыкальном бизнесе может выстоять только тот, кто участвует в гонках американских хит-парадов. Разумеется, Эпштейн знал это и прилагал все силы, чтобы устроить гастроли за океаном. Десятилетиями считалось в порядке вещей, что английским рынком распоряжаются звезды из Америки. В то же время британских музыкантов, добившихся признания в США, можно было пересчитать по пальцам.

Джордж Мартин послал нашумевшую на острове песню «Плиз, плиз ми» в Нью-Йорк, на фирму грамзаписи «Кэпитол».

«Мы не видим для „Битлз“ шансов на нашем рынке» — гласил ответ. С песней «От меня — к тебе» повторилась та же история.

И даже знаменитой «Она любит тебя» тоже не удалось пробиться в «Хот 100» Биллборда.

Эфиром между Нью-Мексико и Аляской, Нью-Йорком и Лос-Анджелесом распоряжались бесчисленные частные радиостанции, которые покровительствовали любимой местными тинэйджерами группе «The Beach Boys».

Однако не знавший отдыха Эпштейн все же нашел в Нью-Йорке союзников. Среди них был Эд Салливен, двадцать лет представлявший в своем развлекательном шоу на телестудии «Си-Би-Эс» неизвестные таланты со всего света. Салливен однажды уже видел «Битлз» — он стоял в толпе, собравшейся в лондонском аэропорту «Хитроу» и ждавшей группу после шведского турне.

Долгие переговоры Салливена и Эпштейна в декабре 1963 года в Дельмонико-отеле увенчались многообещающей договоренностью: битлзы должны были прилететь в Америку в феврале 1964 года для записи на телевидении.

1 февраля, за семь дней до вылета в Америку, их зонг «Я хочу держать твою руку» занял первое место в национальной таблице популярности.

Итак, 7 февраля 1964 года, через трое суток после возвращения из Франции, где битлзам впервые не удалось завести избалованную парижскую публику до штурма сцены, Джон с женой, Полом, Джорджем, Ринго и заметно увеличившейся командой сопровождения поднялся на борт лайнера «PAN AM», летевшего из Лондона в Нью-Йорк.

Впервые Синтия сопровождала мужа в концертной поездке. Втайне она надеялась, что теперь это будет происходить чаще. Сын остался под надежным присмотром тети Мэри.

Чувства Джона во время перелета были двоякими. Конечно, он радовался, что сможет наконец показать Америке действительно прекрасную группу, но в то же аремя опасался сильной конкуренции.

Ринго потом говорил об этом путешествии: «В тот раз у нас на душе было тревожно-весело. Так происходило всегда перед чем-то значительным, хотя мы и делали вид, что ничего не случилось. Перед выступлением в Палладиуме мы чувствовали себя так же плачевно. Поездка в Штаты была важным шагом. Но почему это мы непременно должны быть популярны там? Только потому, что прославились в Англии?»

Разве незадолго до этого в Америке не был поколеблен авторитет Клиффа Ричарда, проведшего турне по этой стране?

Во время полета над Атлантикой на борту господствовало

нервозное настроение, которое битлзы пытались погасить преувеличенной веселостью.

Брайан Эпштейн, который предпочитал ничего не доверять случаю, через своего рекламного агента установил контакт с производителями футболок и двумя нью-йоркскими радиостанциями. С интервалом в пятнадцать минут оба передатчика обещали каждому фану, который придет в аэропорт имени Кеннеди встретить самолет с бортовым номером 101, футболку «Битлз» — бесплатно.

Диктор радиостанции «WMCA» подогревал всеобщее воодушевление. Прерывающимся голосом он вещал: «Сейчас 6.30, время „Битлз“. 30 минут назад они покинули Лондон. Ребята летят над Атлантикой, следуя курсом на Нью-Йорк. Температура воздуха — 32 градуса по… битлзам».

Спектакль, который увидел Джон, покидая борт самолета, превзошел все его ожидания. Теперь уже он не сомневался: битлзы «прибыли» в США раньше, чем радары машины нащупали американскую землю.

Их ожидали 10.000 бушующих фанов. Навстречу им неслось: «We Love You Beatles, Oh Yes We Do!».

Сразу по прибытии в здании аэропорта прошла пресс-конференция. Джон показал себя в лучшем виде. Почти две сотни журналистов «обстреливали» его вопросами, перекрикивая один другого. Джон предложил им заткнуть глотки.

«Вы нам не споете что-нибудь?» — спросил один репортер.

«Деньги — вперед», — парировал Джон.

«Чем вы объясняете свой успех?»

«У нас есть свой пресс-секретарь».

«В чем выражается ваше честолюбие?»

«Приехать в Америку».

«Вы не собираетесь подстричься?»

«Мы это сделали вчера».

«Что вы хотели бы увезти домой?»

«Рокфеллер-центр».

«Не бунтуете ли вы против старшего поколения?».

«Это подлая ложь».

«Что вы скажете о движении в Детройте, которое хочет уничтожить „Битлз“?»

«Мы уже начали кампанию по уничтожению Детройта».

Не без волнения Эпштейн следил за динамичной и захватывающей игрой «вопрос-ответ». Он опасался, что необдуманные реплики повредят имиджу «Битлз», созданному с таким трудом. Как показали последующие события, опасался не зря. Но тогда он еще радовался произведенному эффекту. Джон и

другие вели себя именно так, как этого хотели репортеры, как того требовал образ «Битлз».

Перед выступлением в «Театре Эда Салливена» их нервы до предела были измотаны лихорадкой битломании. Синтия чувствовала себя, как пятое колесо телеги.

Вечером, накануне телешоу, она и Джон прокрались наружу через заднюю дверь отеля, потому что главный вход был блокирован фанами. Их сопровождал Ринго. Они двинулись в «Peppermint Lounge», заведение, о котором ходила слава как о «родине твиста».

То, что они там услышали, было жалкой копией «Битлз». Джона немедленно узнали, и ему пришлось защищаться от назойливых и прилипчивых почитательниц. Он и Синтия ретировались, бежали из заведения, натянув на головы капюшоны плащей — у входа уже маячили фоторепортеры.

Шоу, показанное по телевидению 9 февраля 1964 года, видели 70 миллионов зрителей. В качестве пролога была оглашена приветственная телеграмма от Элвиса Пресли, чьи песни ливерпульские подростки еще так недавно слушали по ночам под одеялом.

Успех концерта превзошел все ожидания и еще более укрепил престиж битлзов среди молодежи. Большие газеты вели себя сдержаннее и критичнее.

«Нью-Йорк Геральд Трибюн» объявила, что успех «Битлз» «на 75 процентов состоит из их паблисити, на 20 процентов — из их причесок и на 5 процентов — из их радостных воплей». «Вашингтон пост» нашла их «асексуальными» и «непривлекательными».

И все же факт остается фактом: битлзы покорили Америку.

Обороты фирм грамзаписи поднялись на астрономическую высоту. Одно предприятие выбросило на рынок сотни тысяч кукол «Битлз», другое стало ежедневно производить 35 тысяч битловских париков. Маски «Битлз», игры «Битлз», шариковые ручки, банты, майки, ореховое мороженое, съедобные пластинки появились в шопах и супермаркетах, как по мановению волшебной палочки. Все это моментально раскупалось.

«Уолл-стрит Джорнэл» пророчил до конца года пятимиллионный оборот только от продажи продуктов с именем «Битлз». Журнал ошибся — доход оказался куда больше. 10 февраля битлзы с обозом сопровождающих, журналистов и съемочной группой телевидения сели в спальный вагон на станции Пенсильвания. Они отправлялись в Вашингтон. При этом с Синтией произошел такой казус. Сделавшая себя неузнаваемой париком брюнетки и большими солнцезащитными очками, она

едва не оказалась забытой на перроне вокзала.

Вечером того же дня битлзы дали первый открытый концерт в США. Сцена вашингтонского Колизеума, расположенная, словно арена, в середине зала, буквально утонула в реве 7000 фанов.

«Битлз» исполнили десять песен.

На сцену летели градом конфеты, резиновые медведи, бигуди, предметы одежды…

Джон был в своей тарелке, он наслаждался восторженным приемом. Ему доставляло радость непосредственно переживать воздействие своей музыки. Он видел себя на пике своей мечты — добиться славы не только в Ливерпуле, не только в Англии, но и в США. Это была уже без преувеличения — мировая слава!

В эйфории, однако, Джон пребывал недолго.

После концерта состоялся прием в британском посольстве. Джон ненавидел мероприятия такого рода. Но Эпштейн настоял на его участии, дабы поддержать имидж «Битлз».

В большом зале под хрустальными люстрами толпились дипломаты во фраках и их супруги, разодетые в дорогие вечерние платья. Дамы теснились вокруг битлзов, требуя автографов. Одна чванливая леди спросила: «А вы действительно умеете писать?».

Джон кипел от злости. Ему приходилось играть роль клоуна для людей, чей стиль жизни и надменные манеры он резко отрицал. Леннон окончательно осознал: это не его мир, в то время как двери в прошлое оказались наглухо запертыми. Но для глубоких размышлений над этой проблемой у него тогда не было времени.

На следующий вечер их ждала сцена нью-йоркского «Карнеги-холла», сотрясаемого ликованием тинэйджеров. Вскоре после этого ливерпульский квартет вылетел в Майами, где Эд Салливен собирался снимать второе шоу. 16 февраля его увидели 75 миллионов телезрителей.

Если Синтия за все дни лихорадочного американского путешествия и «имела контакты» с Джоном, то это произошло в Майами. Сохранились фотографии, запечатлевшие обоих на берегу. Снимки производят впечатление радостной безмятежности. Но это были только «моментальные» фотографии.

Надежды Синтии стать более близкой Джону не сбылись.

Ее муж целиком принадлежал другим — фанам, журналистам, «Битлз», общественности. Так было в Англии, так было и в США. Американский журналист Ян Веннер спросил Джона в декабре 1970 года, как он объясняет успех группы в Америке. Леннон ответил: «Причина успеха та же, что и у американских звезд, которые достигают признания в Англии, — трава всюду зеленая. А кроме того, мы стали тогда уже

настоящими профессионалами, перестали играть в игрушки. Когда мы обрушились на Америку, то уже знали, как надо обходиться с прессой. Английская печать — самая жестокая печать в мире. Она приучила нас ко всему. Мы действительно были в отличной форме… Но это только одна сторона. А с другой — мы знали точно, что отогнали от стола всех остальных. Были созданы предпосылки, чтобы мы приехали к вам уже кумирами. В конце концов брали новизной…».

Вернувшись на родину, Джон подвел положительный баланс. Синтия же, напротив, почувствовала страх, что она и муж все дальше отходят друг от друга.

Но и после возвращения у Леннона не оставалось времени, чтобы задуматься о своей все больше меняющейся жизни.

2 марта 1964 режиссер Ричард Лестер начал съемки их первого фильма под названием «A Hard Day's Night» («Ночь после трудного дня»).

Кроме того, в конце февраля они работали над пластинкой «Long Tall Sally» («Длинная Салли»), в которую Джон внес свою лепту песней «I Call Your Name» («Я называю твое имя»). Он сочинил ее еще в Ливерпуле. Вместе с «Длинной Салли» (Энотрис Джонсон, Ричард Пеннимэн, Роберт Блэкуэлл) и «Slow Down» («Помедленнее») Лэрри Уильямса на этой пластинке была записана песня Карла Перкинса «Matchbox» («Коробок спичек»), которую они пели еще в «Пещере» и считали одной из любимых.

Параллельно с участием в съемках битлзы готовили материал для альбома «Ночь после трудного дня», записывали песни в студии.

Между тем Джон мог 23 марта занести на свой сугубо личный счет очень серьезный успех. В этот день вышла его книга «In His Own Write» («В своих писаниях»), полная черного юмора и занятных историй. Она была написана в иронически развязном тоне на ломаном английском и иллюстрирована рисунками такого же рода, каким Джон заполнил свой альбом, найденный однажды его учителем по школе искусств. Книга стала бестселлером уже потому, что ее написал битл.

(Прим. переводчика: попытка «онемеченного» перевода (из книги «Джон Леннон — в своих писаниях»), возможно, могла бы выглядеть так:

ЗАВТРА, ЗАВТРА, ТОЛЬКО НЕ СЕГОДНЯ

О, время слив унавоженной рани,
как ты по-черному скисло.
В тебе потерян мой труд

над дождливой оболочкой.

Я трещащую лягушку Раскоряку
охотно похороню в гнилой шелухе,
однако я буду Аугсбруком
и спасу свою шкуру.

Напьюсь виски — огненной воды Франца —
разве я овес-пшено?
С дрофиным хвостом коршуна
я ужо сравниваю себя).

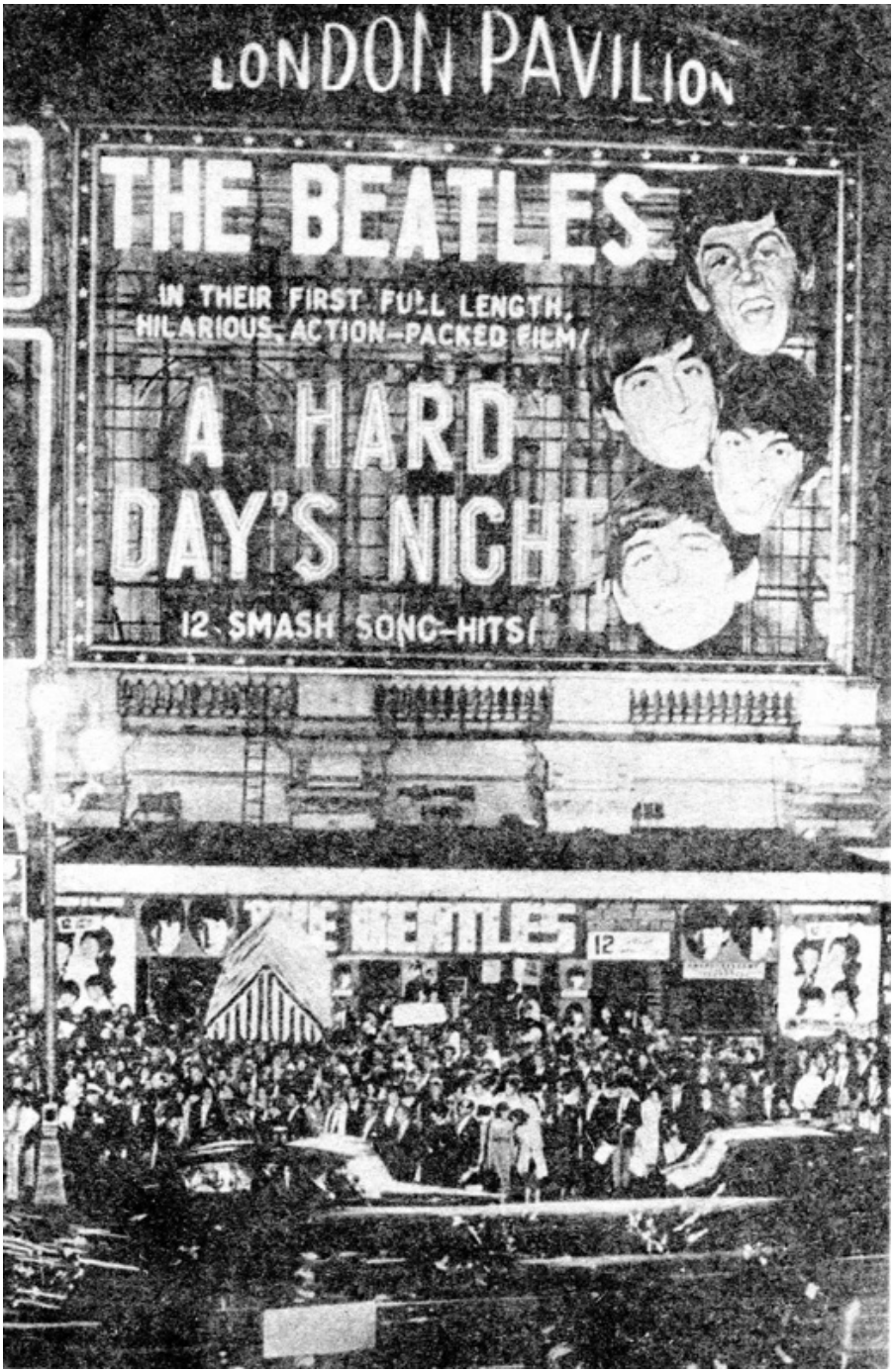
В британском парламенте депутат от консервативной партии Чарльз Курран держал пламенную речь, в которой пригвоздил к позорному столбу бедственное состояние ливерпульского образования. В качестве доказательства он приводил строки из книги Джона Леннона, характеризуя их как безграмотные.

В «Times Literary Supplement» в те дни можно было прочесть: «Это заслуживает внимания всех, кто боится обнищания английского языка и фантазии британцев».

4 июня 1964 года «Битлз» стартовали в «Short World Tour», которое продолжалось до 29 июня. В Дании, Голландии, Гонконге, Австралии и Новой Зеландии все происходило по уже известному сценарию.

Джон впервые взял в путешествие тетю Мэри. Теперь она могла убедиться, как была опрометчива в предсказании, что Джон ничего не добьется в жизни гитарой. Своим опекуном она могла гордиться. Правда, лихорадка турне скоро стала действовать ей на нервы. Не дожидаясь завершения гастролей, она улетела назад в куда более спокойные места — на Менлав-авеню в Вултоне.

6 июля в Лондоне состоялась премьера фильма «Ночь после трудного дня». Королевский дом делегировал на премьеру принцессу Маргарет и лорда Сноудона.



Премьера первого фильма «Битлз» «A Hard Day's Night» в Лондоне (1964).

Альбом с одноименным названием, где впервые были только их собственные песни, достиг на рынках Англии и США такого триумфа, что в тени оказались все прежние рекорды поп-индустрии.

Между тем Брайан Эпштейн готовил очередное турне по Америке. Концерты, сочинение новых песен, работа над фильмом, записи в студии, интервью представителям разных средств массовой информации — битлзы были у всех на устах!

Постоянно растущая известность оборачивалась в виде огромных чисел на личных счетах.

Разве не об этом мечтал Джон? Но воспринимал ли он это теперь, как счастье?

Не только Леннон, но и все его друзья росли далеко не в роскоши. Не удивительно, что поначалу они просто наслаждались своими богатствами.

Но временами, в короткие паузы, дни покоя, у Джона возникало чувство, что он все больше отдаляется от своей публики. Не без грусти он вспоминал о временах, когда был самим собой — бунтовал против лицемерных правил истеблишмента, имел такие же страсти, желания и надежды, как ребята, для которых он пел.

Известно, что позднее он говорил о себе как о предателе своей публики.

Однако едва ли можно утверждать, что Леннон уже в 1964 году страдал от оборотной стороны медали, именуемой славой. Его богатство позволяло ему развлекаться так, как он хотел.

В июле 1964 года Ленноны купили респектабельный дом. За 20.000 фунтов Джон начал строить плавательный бассейн. Еще до того, как он получил водительские права, лидер битлзов приобрел «роллс-ройс», «феррари» и «мини-мирор».

Наслаждаясь богатством, Джон, однако, все время ощущал, что с ним происходит нечто, о чем он и не подозревал в мечтах о славе.

Их концерты проходили теперь, как по затверженному ритуалу. Похоже было, что музыка в нем почти не играла роли. Одному своему другу Джон признался:

«Мне казалось, что мы были, как четыре монстра, которых вывезли на тележке и выставили на обозрение. Мы трясли своими волосами, а потом нас вновь запирали в клетку».

О возрастающем давлении на битлзов говорят обстоятельства, сопутствующие их «First American Tour» (с 19 августа по 20 сентября 1964 года) — во время их второго

пребывания в Штатах.

Если сравнивать нагрузки этого турне по Америке и Канаде с теми, какие были у них во время февральских гастролей в США, то последние можно назвать дружеской семейной вылазкой. Турне позднего лета стало поистине марафонским забегом: за 32 дня они провели 31 концерт в 24 городах США и Канады. При этом ансамбль покрыл на собственном реактивном самолете типа «Локхид-Электра» 36.000 километров. Они находились в воздухе более 60 часов. Рекордных отметок достигло число зрителей и суммы доходов.

И то, что здесь перечислено в кратком репортерском стиле, для Джона и его друзей было гонкой, изматывающей нервы, отнимающей силы, подавляющей своей монотонностью.

Они все время спешили. После каждого приземления — одна и та же картина: мэры, репортеры, сенаторы и их жены. Это была первая волна. Потом, бушуя за колючей проволокой, поднималась вторая — визжащие фаны. Гардеробные и подходы к сценам блокировались инвалидами, хроническими больными — они надеялись, что «Битлз» чудесным образом исцелят их.

Тридцать один раз они показывали одно и то же шоу, исполняли одну и ту же дюжину зонгов: «Twist And Shout», «You Can't Do That» («Ты этого не сделаешь»), «All My Loving» («Вся моя любовь»), «She Loves You», «Things We Said Today» («О чем мы сказали сегодня»), «Roll Over Beethoven» («Посторонись, Бетховен»), «Can't Buy Me Love» («Любовь не продается»), «If I Feel» («Если я почувствую»), «I Want To Hold Your Hand», «Boys» («Мальчики»), «A Hard Day's Night» и «Long Tall Sally».

После приземления 19 августа в Сан-Франциско полиция от самого самолета сопровождала «Битлз», посаженных в настоящую металлическую клетку — ликование фанатов стало уже опасным для их жизни.

С тюремными клетками можно было сравнить и гостиничные номера, где битлзы отсиживались, словно пленники.

Все реже с ними происходило что-то в первый раз. Был достигнут предел популярности — восхищение поклонников дошло до пика, и все, что теперь случалось, было лишь повторением пройденного. Журналисты тоже исчерпали запас вопросов.

> «…Какие-то люди постоянно пытались нас отловить. Куда бы мы ни приходили, от нас ждали, что мы выкинем нечто ненормальное. Мы должны были терпеть всевозможные варианты мэрского слабоумия и глупости их жен. И при этом оставаться выдержанными…

Постоянно в наших гардеробных толкались какие-то люди — эпилептики или кто там еще… И мы все время должны были это сносить, и никому не было дела, что ты, например, хочешь побыть в одиночестве. А иногда и просто не знаешь, о чем с ними говорить, потому что многие только и твердили: „У меня есть ваша пластинка!“. Или они вообще не могут говорить, а хотят только до тебя дотронуться. И всегда найдется чья-то мать или медсестра, которые сами, наверное, просто хотели бы только сказать „привет“ и смотать удочки. Но матери подталкивают этих несчастных прямо к тебе, словно к Иисусу, как будто тебя окружает некая аура, которая сможет их излечить… Мы на это реагировали бесчувственно. Это просто ужасно. Каждый вечер одно и то же — ты идешь на сцену и вместо милашек видишь перед собой целый ряд калек. У нас было такое чувство, что нас все время окружают только ущербные и слепые, и стоило нам выйти в коридор, как они уже начинали нас хватать. Это было чистейшим безумием». (Интервью Веннеру, 1970).

В том же самом интервью Джон Леннон заявил о своих антипатиях к представителям так называемого истеблишмента:

«Чем известнее мы делались, тем нереальнее становились вещи, с которыми приходилось сталкиваться, тем большего от нас ждали. Заходило так далеко, что какая-нибудь жена мэра начинала тебя оскорблять и орать „Как вы смеете!“ только потому, что ты не пожал ей руку. Дерек (Дерек Тейлор был в группе сопровождения „Битлз“, позднее стал шефом пресс-службы битловской фирмы „Эппл“ — прим. автора) рассказал мне однажды такую историю. Это было в каком-то американском отеле. Только мы легли спать после концерта, как объявилась жена мэра и сказала: „Разбудите их, я бы очень хотела их видеть“. А Дерек сказал: „Нет, будить я их не буду“. И тут она стала орать: „Или вы их разбудите, или я расскажу об этом прессе…“ Все это продолжалось довольно долго. Они всегда угрожают прессой и плохим паблисити, эти дочери шефов полиции или отпрыски мэров — пренеприятнейшие дети отвратительных родителей. Вокруг нас и так все время толкались всякие людишки, а тут еще эти — на меху. Это были ужасные, унизительные опыты. Например, когда мы на Багамах снимали „Help!“

(„На помощь“). Там мы иногда сиживали вместе с губернатором и терпели обиды от этих избалованных буржуазных задниц, которые то и дело отпускали помойные замечания о наших манерах или о пролетарском происхождении. Я, конечно, тоже начинал их оскорблять, в такие моменты я просто не могу заткнуть себе глотку. Это ужасно, весь бизнес ужасен. Это было постоянное унижение, надо было бесконечно прогибаться, чтобы остаться в их глазах „Битлз“. Именно это я нахожу омерзительным. Я думаю, что сотворил все это сам, хотя и предвидеть не мог, что так случится — постепенно, шаг за шагом.

И вдруг ты видишь себя посреди этой полной бессмыслицы — делаешь громкие дела, которые делать не хочешь, имеешь дело с людьми, которых не переносишь, которых ты ненавидел, когда тебе было десять лет…»

Между ситуацией, очерченной здесь, и моментом, когда Джон Леннон оказался в состоянии объективно и самокритично оценить события шестьдесят четвертого года, пролегли еще шесть лет — время, принесшее еще более горький опыт.

«Я продал мою душу дьяволу…»

Давно канули в Лету времена, когда «Битлз» были не более, чем одной из многочисленных поп-групп. Теперь они стали институтом, от которого ждали Вполне Определенного.

Что бы они теперь ни делали, основательно просчитывалось для лучшего восприятия фанатов. Это касалось не только их песен, но и стиля жизни.

Необходимость жить под взглядами общественности угнетала Джона. Рэю Кулеману он сказал: «Я сыт всем этим… Иногда по уик-эндам становится так плохо, что мы покидаем дом и куда-нибудь уходим. Главное дело — прочь от фанов, которые приходят и глазеют. Впрочем, это — не фаны! Они считают мой дом лагерем для каникул. С бутербродами и термосами с чаем они осаждают мой участок, топчут его. За что они, собственно, его принимают? За национальный парк „Битлз“? Взрослые тоже являются сюда, а не только школьницы. Я вышел и сказал, чтобы они убирались, а они пообещали, что больше не будут покупать мои пластинки…»

Немного позднее Леннон сформулировал свой протест еще резче: «Отвратительно, когда эти люди вертятся вокруг и говорят: „Но это же мы сделали вас теми, кто вы есть, вы, свиньи неблагодарные“. В известном смысле это — правда, но кое-где наши обязательства тоже имеют свои границы. Когда я поставил черные стекла на моем роллс-ройсе, один фан мне написал: „Ты скрываешься от людей, которые сделали тебя тем, кто ты есть. Ты поворачиваешься к ним спиной и бежишь прочь!“.

Какая ерунда! Когда я иду в ближайшую лавку и покупаю букет цветов, я же не жду от продавца, что он весь остаток жизни будет мне кланяться. Я не хотел бы произвести впечатление, что мы не любим, когда любят нас. Мы ценим это, но и понукать собой всю жизнь не позволим. Люди, кажется, принимают нас за автоматы. Они платят шесть шиллингов и восемь пенсов за пластинку, а мы должны вести себя так, как они нам предписывают. Вбрасывают деньги, чтобы из ящика выскочил чертенок. Этот аспект бытия поп-звезды мне вообще не подходит».

Последние месяцы 1964 года — после возвращения из турне по США — оставили Джону мало времени для Синтии и Джулиана. Со 2 по 8 октября Леннон с друзьями работал в студии над фрагментами записи к долгоиграющей пластинке «Beatles For Sale» («„Битлз“ на продажу»), а 9 октября был дан старт их пятому турне по Англии. 12 ноября они вновь оказались в студии, чтобы до 16-го завершить работу над новым диском. Время поджимало.

Поэтому из пятнадцати песен шесть пришлось на их репертуар времен «Пещеры». Возвращение к темам «Rock And Roll Music» (Чак Берри), «Mr. Moonlight» («Мистер лунный свет») Рея Ли Джонсона, попурри «Kansas City» («Город Канзас») Джерри Клайбера и Майка Столлера, «Хей-Хей-Хей-Хей» Ричарда Пеннимэна, «Words Of Love» («Слова любви») Бадди Холли, «Honey Don't» («Любимая, не надо») и «Everybody's Trying To Be My Baby» («Все хотят стать моей девочкой») Карла Перкинса обеспечило запись пластинки всего за двенадцать дней.

О продуктивности Джона Леннона и Пола Маккартни говорит тот факт, что каждый из них во время второго студийного сейшна написал по одной песне, которые еще до появления альбома вышли на сингле «I Feel Fine» («Я чувствую себя прекрасно») — «She's A Woman» («Она — женщина»).

Песни «No Reply», «I'm A Loser», которые написал Джон, и «Baby's In Black», которую он создал вместе с Полом, дают представление о депрессии автора, его намерении сочинять тексты, посвященные личным проблемам. Он описывает ситуацию, когда разрываются связи, сетует на трудности общения.

I'M A LOSER

I'm a loser, I'm a loser
And I'm not what I appear to be.
Of all the love I have won or have lost,
There is one love I should never crossed.
She was a Girl in a million my friend,
I should have known she would win in the end.
I'm a loser, and I lost someone who's near to me,
I'm a loser, and I'm not what I appear to be…

Я проигравший, я проигравший,
И не тот, за кого меня все принимают.
Из всей любви, которую я выиграл и потерял,
Есть одна, которую лучше бы я не встречал.
Она была девушка, мой друг, одна из миллиона.
Я должен был бы знать о том, что она хотела быть победительницей.
Я проигравший, и я потерял ту, которая была мне близка.
Я проигравший, и не тот, за кого меня все принимают.

Его жизненные обстоятельства казались ему все более неудовлетворительными. Он все явственнее осознавал, что его претензия жить собственной жизнью в тех условиях нереальна.

Рок-н-ролльные мотивы на пластинке «Битлз» «На продажу» позволяют догадаться о тоске по гамбургским временам и вечеринкам в «Пещере».

Он чувствовал себя одиноким. Его отношения с Синтией не только не улучшились, но даже стали хуже. Редкие часы, которые он проводил в своем доме в Уэйбридже, не приносили ему душевного комфорта. А нуждался он прежде всего именно в этом.

Синтия постоянно упрекала его, жаловалась, что у мужа нет времени для нее и Джулиана, спрашивала, какую вообще роль она теперь играет в его жизни. Джон реагировал раздраженно.

С одной стороны, он был рад, что во время рождественских праздников — с 24 декабря 1964 года по 16 января 1965 — все вечера провел в Лондоне, на сцене «Hammersmith Odeon» в «Beatles Christmas Show» («Рождественское шоу „Битлз“»). С другой — для него все более обременительным было все то, что происходило на сцене двадцать один вечер подряд. Кроме битлзов, в программе участвовали Jimmy Savile, Mike Cotton Sound, The Yardbirds, Ray Fell/Freddie And The Dreamers и Elkie Brooks. «Битлз» врывались на сцену в джентльменском одеянии, разыгрывали короткий скетч, исполняли девять песен, тонувших в фанатичных воплях… Под конец — прыжок, поклоны и уход под бурные овации…

Двадцать один вечер — ритуал без изменений. Одни и те же девять песен, прыжок, аплодисменты, поклоны, уход…

Сегодня мы знаем, что как раз в то время и возникло в группе известное психологическое напряжение. Постоянная необходимость быть рядом друг с другом всюду — в студии, в турне — начинала всем действовать на нервы. Джону первому стало ясно, что «групповой портрет», который они все вместе рисовали перед общественностью, исключает спрос на каждого из них как на неповторимую личность. Ярко выраженный индивидуалист, он терзался этой мыслью, которая по возрастающей провоцировала его недовольство.

В 1965 году он сказал в интервью Рэю Кулеману:

«Теперь я стал богатым и знаменитым, кем и хотел всегда быть. Но ничего не происходит». Возникла угроза штиля, которому противился беспокойный дух Джона, заставлявший его неустанно рваться вперед и вести за собой других. Но с какой целью, с какими намерениями?

Ежедневно он читал в газетах и видел по телевидению, как мощная военная машина США обрушивается на вьетнамский народ. Разве это не проблема, по отношению к которой он должен занять позицию? В странах третьего мира каждый день от голода, эпидемий умирали дети. Да и в собственной стране хватало людей, которые в условиях возрастающей безработицы прозябали за чертой бедности. Не были ли он и его группа теми полезными идиотами, которые помогают своей музыкой и истеричными воплями фанов заглушать преступления общества?

Брайан Эпштейн ни в коем случае не допускал, чтобы Джон или кто-нибудь другой из группы высказывался публично о политических событиях. Он опасался, что это может нанести урон имиджу ансамбля, поставить под вопрос их успех, снизить доходы.

Джон оказался в положении, которое со временем становилось для него все более обременительным. Он догадывался, что общество, в котором он живет, — несправедливое и варварское. В то же время он отчетливо понимал, что относится к людям, извлекающим пользу из этого порядка.

Возможности вырваться из порочного круга, не лишаясь всех прелестей славы, не было.

Тони Шеридан сказал по этому поводу одному своему другу по безумным гамбургским дням и ночам: «Я продал свою душу дьяволу».

Джон избавился от этих мыслей тем, что начал экспериментировать с наркотиками.

Синтия, не одобрявшая этот путь, сказала: «„Битлз“ так высоко вознеслись, а давление на Джона и Пола стало таким сильным, что мужу срочно потребовалось что-то совсем новое — то, что могло бы занять и наполнить его душу. Мы все пришли как-то на вечеринку к Эпштейну, и там мы с Джоном в первый раз закурили марихуану. После первых затяжек Джон сказал: „От этого я только чихаю, больше она со мной ничего не делает“».

На Синтию же наркотик оказал другое действие — ей стало плохо, и она навсегда прекратила это занятие. Но Джон находил в этом всё большее удовольствие.

На вечеринке у одного лондонского зубного врача Леннон впервые отведал ЛСД.

В интервью, которое он дал в декабре 1970 года в Нью-Йорке Яну Веннеру, Джон рассказал об этой истории: «Лондонский стоматолог затянул к себе на вечеринку Джорджа, меня и наших жен. Мы не имели понятия о том, чего он хочет. А он подсыпал эту штуку нам в кофе или еще во что-то. Когда мы собрались

уходить, этот тип посоветовал нам остаться. Мы думали, что он хочет удержать нас в доме для оргии, но мы на это не были настроены…

Итак, мы отправились в „Ad Lib“ и еще в пару других дискотек. Там-то и начались эти невероятные истории… Тип поехал с нами, он был жутко нервозным, но мы-то, конечно, и не подозревали, что, собственно, произошло, и что мы оказались в страшном трипе. Это было чистейшим безумием — в таком состоянии ехать по Лондону. Когда мы подошли к клубу, то подумали, что он охвачен пламенем. Казалось еще, что там полным ходом идет что-то вроде большой премьеры, а ведь при входе горела только одна лампа. Мы думали — что же здесь происходит? Поплелись по улице… И тогда кто-то как завопил: „Вперед, мы вбрасываем шайбу!“ Мы были, как помешанные, — из-за одной чашки. Такое состояние продолжалось всю ночь. Джорджу кое-как удалось привезти нас домой на своем „Мини“ — мы ехали со скоростью, самое большее, километров двадцать в час, но нам казалось — тысяча… Это было просто ужасно, хотя и фантастично. Потом я взялся за руль, а все другие отправились в постель. Я правил, а дом воспарил над стенкой сада, было пять метров высоты, а я был у руля…».

То, о чем Джон рассказывал не без восхищения, у Синтии вызывало отвращение.

> «Я его предостерегала, отговаривала. Иногда я обходилась с ним, как мать, которую обижает ее невоспитанный ребенок. Но он только говорил: „Это просто фантастично, Цин, чудесно. Ты должна пойти со мной, ты просто должна попробовать“. Он был в таком восторге и так счастлив… Но я не могла делать вместе с ним подобные вещи. Правда, я глотала ЛСД, но не видела того, что видел он.
>
> Очевидно, это стало для него выходом из всего, от чего он бежал».

Год 1965 не позволил Джону обрести покой. У «Битлз» были большие планы. 22 февраля они вылетели на Багамы, где начались съемки фильма «Help!» («На помощь!»). Незадолго до этого они выпустили сингл «Ticket To Ride» («Билет на поездку»), «Yes It Is» («Да, это так»). За работой над фильмом последовали турне: с 20 июня по 3 июля гастроли по Европе — через Францию, Италию и Испанию. С 14 по 31 августа они провели еще одно турне по Америке — 15 концертов и выступление в «Шоу Эда Салливена» за 12 дней, между ними — 5 дней отдыха.

В декабре им предстоял шестой тур по Англии.

В короткие паузы они писали все новые песни и выпускали пластинки. В апреле были записаны «Help!» и «I'm Down». Они появились на одном сингле. В мае были выпущены еще четыре песни.

Этими вещами — «You Like Me Too Much» («Я тебе слишком нравлюсь»), «Bad Boy» («Скверный парень»), «Dizzy Miss Lizzy» («Головокружительная мисс Лиззи»), «Tell Me What You See» («Скажи, что ты видишь») — они укомплектовали диск «Битлз VI». Между февралем и началом марта они записали все песни на первой стороне долгоиграющей «На помощь!» (кроме «На помощь!» и «Билет на поездку»). С конца мая до начала июня они работали над завершением долгоиграющей пластинки «Yesterday» («Вчера»). Заглавная песня, созданная Полом Маккартни, стала одним из величайших хитов «Битлз». В ноябре родился сингл с песнями «We Can Work It Out» («Мы с этим справимся») и «Day Tripper» («Дневной бродяга»). В октябре и ноябре они интенсивно работали над альбомом «Rubber Soul» («Резиновая душа»).

Комментарий Джона к этой пластинке: «В техническом и музыкальном отношении мы становились все лучше. Наконец-то мы взяли на себя студию полностью — в прежние дни мы брали лишь то, что нам позволяли, и даже не знали, как можно, например, сделать больше баса. Мы изучали технику во время работы над „Резиновой душой“. Мы были очень добросовестны, когда делали альбом, и взяли на себя всё, вплоть до конверта пластинки…».

Одно лишь перечисление синглов и альбомов, появившихся в 1965 году, показывает, насколько он был плодотворен. И это несмотря на сильную нагрузку, вызванную работой над фильмом и утомительными гастрольными концертами.

Отличительной чертой текстов, которые Джон написал к песням альбома «На помощь!», был отход от идеи «зонга для всего света». Теперь в своих стихах он все чаще выражал состояние собственной души. Так, говоря о песне «You've Got To Hide Your Love Away» («Спрячь свою любовь»), он признавался: «Это я написал для фильма „На помощь!“ во времена увлечения Диланом. Когда я был тинэйджером, то пытался писать стихи, причем всегда скрывал свои собственные чувства. Я жил в Кенвуде и просто хотел сочинять песни. И эта — одна из тех, от которых всегда немного грустно, когда ты поешь: „here I stand, head in hand“.

Я начал раздумывать о своих чувствах и не знаю точно, когда это началось. Может, во времена сингла „Я — проигравший“ или „Спрячь свою любовь“… Вместо того, чтобы себя представить в какой-либо ситуации, я пытался теперь сказать то, что о себе

думаю, — так, как это делал в своих книгах. Я полагаю, что Дилан помог мне в этом — и не в какой-то там дискуссии, а когда я слушал его зонги. У меня было влечение к профессиональному сочинению поп-песен; он хотел создавать для синглов определенный тип зонгов — и мы подбирали подходящие вещи для того или иного куска. Как автор текстов, я выдерживал стилистику целого альбома. Но чтобы выразить себя самого, надо было писать, как в книгах „Spaniard In The Works“ („Один испанец еще не делает лета“) или „In His Own Write“ („В своих писаниях“), то есть личные стихи, которые бы выражали сокровенные чувства. Есть еще, правда, композиторствующий Джон, пишущий зонги для рынка развлечений, но я не задумывался над тем, хороши они или нет, имеют ли глубокий смысл. Они были проходными. Но в тех песнях я начинал быть самим собой…»

Текст зонга «На помощь!» — пример новой субъективации, на основе которой Джон Леннон, сориентированный примером Боба Дилана, напишет свои будущие песни:

HELP

When I was younger, so much younger than today
I never needed anybody's help in any way…
…my independence seems to vanish in the haze,
but ev'ry now and then I feel so insecure…
…help me get my feet back on the ground,
won't you please please help me?

Когда я был моложе, много моложе, чем сегодня,
то не нуждался в помощи других…
…а теперь моя жизнь так изменилась,
что эта независимость как бы растворилась в тумане,
и все время я чувствую себя неуверенно,
помогите мне вновь обрести под ногами землю,
не хотите ли вы — пожалуйста, пожалуйста! — мне помочь?

С тогдашним британским премьер-министром Гарольдом Вильсоном (1964).

1965 год принес Джону и его команде триумф, который до сих пор и не снился ни одной поп-группе мира. В июне Букингемский дворец объявил, что четверым самым замечательным музыкантам будут вручены Ордена членов британской империи (MBE). Предложение исходило от тогдашнего премьер-министра Англии Гарольда Вильсона, что отнюдь не прибавило ему популярности среди армейских ветеранов. В 1982 году Вильсон заявил в интервью Рэю Кулеману: «Я вижу в „Битлз“ людей, которые преобразили молодежь, и большей частью — к хорошему. Они увели многих ребят с улицы. Они познакомили с музыкой огромное количество молодых людей, что хорошо уже само по себе. Мерсийский бит — это нечто совершенно новое, исполненное значения. Поэтому они заслужили такой награды».

Мистер Вильсон умолчал лишь о том, что упомянутый акт должен был принести его партии на выборах голоса молодых

избирателей.

Узнав о чести, которая выпала на их долю, Джон несказанно удивился: «А я-то думал, что эти штуки предназначены для людей, которые водят танки и выигрывают войны».

Энергичные протесты градом посыпались от орденоносцев, получивших высшую награду империи за боевые заслуги. Некоторые из ветеранов, полные возмущения, вернули королеве свои ордена. Джон так прокомментировал все это: «Офицеры получают награды за то, что убивают людей. Нас отметили за высокую стоимость нашего музыкального товара. Если эти вещи сравнить, то я могу сказать, что мы заслужили свои ордена честнее». Он не умолчал и о том факте, что только экспорт пластинок и налоги принесли его стране миллионные доходы, уже за одно это их следовало наградить такими орденами.

24 июня в отсутствие Джона — битлзы, путешествуя по Европе, давали в тот день сразу два концерта в Милане — вышла в свет его вторая книга со стихами и нонсенс-историями. Есть основания полагать, что Джон придавал этому событию куда больше значения, чем предстоящему вручению королевского ордена. В своей книге «A Spaniard In The Works» («Один испанец еще не делает лета») он предстал перед публикой не как один из битлов, а как Джон Леннон сам по себе. В литературе ему не хотелось быть частью образа, который назывался «Битлз».

26 октября перед Букингемским дворцом колыхалась огромная толпа. Тысячи фанатов ожидали «Битлз». Это был день вручения орденов. Хорошо причесанные, в безупречных черных костюмах, белых рубашках и черных галстуках четверо парней из Ливерпуля покинули свой люкс-лимузин, чтобы преклонить колени перед королевой.

В ликующей толпе вряд ли кому-то пришло в голову, что битлзы, мятежно выступавшие в былые годы против так называемого истеблишмента, сдают сегодня свои легкомысленные манеры в королевский архив.

Легенда утверждает, что Джон спрятал в своем сапоге пару сигареток с марихуаной, которые битлзы преспокойно выкурили незадолго до церемонии, запершись в туалете.

Насколько правдива эта история — однозначно не скажешь. Но совсем невероятной она не кажется.

Прежде чем закончиться, 1965 год одарил Джона еще одним потрясением. Придя однажды домой, он застал в жилой комнате своего дома в Уэйбридже человека, который выглядел изрядно опустившимся. Это был Фред Леннон, отец Джона. С пяти лет тот не слышал о нем ничего. Джон, который никогда особенно не давал себе труда владеть собой, немедленно дал понять папаше,

что он о нем думает. «И где это ты шлялся последние двадцать лет?» — тут же спросил сын отца.

Встреча между ними не была отмечена особой сердечностью. Синтия, ставшая свидетельницей их разговора, сказала позднее: «Он только о том и говорил, что за трудная жизнь у него была и как тягостно было работать на других, чтобы заслужить пару жаб. Он сказал, что для него было бы ужасно — принять подаяние от сына и что об этом не может быть и речи. Но видно было, что именно попрошайничать он и заявился».

Фред Леннон провел в Уэйбридже три дня. В долгих мучительных беседах Джон пытался пролить свет на свое детство.

Он упрекал отца за то, что тот недостаточно заботился о Джулии и ничего не предпринял для спасения брака от крушения. Из-за этого он, Джон, не был по-настоящему счастлив в детстве. Фред Леннон отметал всю вину, утверждая, что во всем была виновата Джулия, отыскавшая себе другого мужчину, пока Фред был в море.

Свою благодарность Джон предпочел выразить тете, для чего и купил ей в августе 1965 года дом в стиле бунгало в Пуле, графство Дорсет. В октябре Мими покинула жилище на Менлав-авеню, в котором вырос Джон, и переселилась в Пул.

В ее новый дом племянник принес на рождественский праздник подарок особого рода — орден, полученный из рук королевы.

Орден занял почетное место над комодом рядом с фотографией Джона гамбургского периода, которую сделала еще Астрид Кирххер.

В конце года Фред Леннон преподнес сыну еще одно потрясение, которое было для Джона более чем неприятным. 31 декабря вышла в свет напетая Фредом Ленноном пластинка с песнями «That's My Life» («Вот моя жизнь») и «My Love And My Home» («Моя любовь и мой дом»). В художественном смысле обе были за гранью, а в отношении бизнеса — полными банкротами. Попытка Фреда Леннона надуть паруса с подветренной стороны славы сына потерпела неудачу.

Фред Леннон со своим первым и единственным синглом «That's My Life» (1966).

Если изучить деловой календарь «Битлз» за 1966 год и сравнить его с предыдущими двумя, то возникнет впечатление, что он был более спокойным для Джона и его сподвижников. В первые месяцы битлзы отдыхали. Джон и Синтия отправились в путешествие, причем Джон захватил с собой и свои проблемы.

В марте он дал интервью журналистке из «Ивнинг Стандарт» Морин Клив. В Англии этот материал был воспринят довольно спокойно, а вот в Америке вызвал яростную кампанию против Джона и «Битлз».

В интервью, опубликованном 4 марта, он, между прочим, сказал: «Христианство уйдет. Оно будет сходить на нет. Мне не нужны аргументы, чтобы это доказать; я прав — и это будет подтверждено. Нас теперь любят больше, чем Иисуса; я не знаю, что исчезнет раньше — рок-н-ролл или христианство. Иисус был „о'кей“, но его потомки — жирны и заурядны. Их извращения и есть то, что уничтожает христианство в моих глазах».

Английская публика, которой были не в новинку эксцентричные и нередко провокационные заявления Леннона, не нашла в этом высказывании ничего крамольного. Напротив, многие удивились такому остроумному пассажу и даже выразили одобрение. Сам Брайан Эпштейн, обладавший особым чутьем на все, что могло бы испортить имидж битлзов, не нашел в этом повода для беспокойства.

С апреля по июнь ансамбль работал в студии «ЭМИ». Результат: сингл «Paperback Writer» / «Rain» («Пишущий книги в мягкой обложке» / «Дождь»), который вышел в июне, и альбом «Revolver» («Револьвер»), поступивший на рынок в августе. Последний диск свидетельствовал, что битлзы осознанно выбрали новый путь. Они отказались от музыкально несложных композиций, чем славились до сих пор. На этапе от «Резиновой души» до «Револьвера» произошло качественное изменение их стиля. Здесь были использованы все имеющиеся в их распоряжении технические средства, аранжировки были изящней, инструментальная палитра — обширней. Большую роль в этом играло влияние Джорджа Мартина.

Так, при инструментовке песни «Элинор Ригби» были использованы четыре скрипки, два альта и виолончели. Новое появилось и в текстах. «Taxman» («Сборщик налогов»), сочиненный Джорджем Харрисоном, атаковал английское налоговое законодательство, согласно которому у «Битлз» изымалось до 98 процентов доходов. В тексте песни «Элинор Ригби», напетой Полом и написанной совместно с Джоном, впервые прозвучали социально-критические ноты.

Поскольку ни для кого уже не было тайной, что битлзы, подобно другим именитым поп-звездам, употребляют наркотики, фаны искали скрытые или зашифрованные намеки на это в новых произведениях. Ринго спросили, не была ли «Желтая субмарина» наркотической песней. Его ответ звучал так: «Вовсе нет. Это просто детская песенка без всякого скрытого смысла».

Противоположное заявление сделал Джон, когда говорил о песне «She Said, She Said» («Она сказала, что сказала»): «Я люблю эту вещь. Я писал ее во время ЛСД-трипа, в Лос-Анджелесе, в 1965 году. Это был уже наш второй трип. Мы пошли на это, поскольку были наслышаны о таких вещах и хотели узнать, что из этого выйдет».

Никакого сомнения нет и в том, что зонг «Tomorrow Never Knows» («Неизвестно, что будет завтра») следует понимать как призыв к употреблению ЛСД:

> Turn off your mind relax and float down-stream
> it is not dying, it is not dying,
> lay down all thought surrender to the void,
> it is shining, it is shining.
> That you may see the meaning of within,
> it is speaking, it is speaking,
> that love is all and love is everyone,
> it is knowing, it is knowing…

> Отключи свой мозг, расслабься, плыви по течению,
> это не умирание, это не умирание,
> останови свои мысли, отдайся пустоте,
> она — свечение, она — свечение.
> То, в чем ты видишь их смысл —
> это — говорение, это — говорение,
> что любовь — это все, и все — это любовь,
> это — знание, это — знание.

В разгар работы над «Револьвером» битлзы приняли участие в концерте на лондонском «Wembley Empire Pool», который был организован журналом «New Musical Express». Устроитель собрал всех, кто имел имя и ранг на английской поп-сцене. В программе рядом с «Битлз» стояли такие звучные имена, как Spencer Davis Group, Dave Dee, Dozy, Beaky Mick And Tich, Fortunes, Herman's Hermits, Roy Orbison, Overlanders, Alan Price Set, Cliff Richard, The Rolling Stones, Small Faces, Dasty Springfield и другие.

Никто из участников, не говоря уже о восторженной публике,

не мог тогда предположить, что это последнее «живое» выступление битлзов в Англии.

В конце июня 1966 года битлзы отправились в турне по ФРГ. По два концерта они дали в мюнхенском цирке Кроне, в эссенском Гругахалле и в гамбургском Эрнст-Мерк-Халле.

Для Джона пребывание в портовом городе было окрашено ностальгией. Он понял, как резко изменилась его жизнь по сравнению с 1960 годом. Он думал о диких ночах в «Индре» и позднее — в «Кайзеркеллере», о первых записях в студии Тони Шеридана. Болезненно отозвались в нем воспоминания о Стюарте Сатклиффе, которого многие давно забыли.

Их концерты в Эрнст-Мерк-Халле продолжались тридцать минут, песни тонули в неистовых воплях публики.

Хотя те гамбургские ночи начала шестидесятых переутомляли их до предела, Джону и его друзьям то время казалось теперь золотым. Тогда они еще могли делать то, что доставляло удовольствие и им самим, и публике, тогда они еще не влезли в проклятый пиджак, называемый имиджем. Но разве Джон не мечтал тогда о том, чего достиг сейчас? Слава, богатство, идолопоклонство миллионов людей — захотел бы он поменять все это на «старые добрые времена»? Этим мыслям не было конца…

Даже встреча со старыми друзьями не подняла ему настроение. Астрид Кирххер, которая больше не фотографировала и работала танцовщицей в баре, отпросилась у босса, чтобы побыть с битлзами.

Ночью Джон выскользнул из хорошо охраняемого отеля. Неузнанный, он пошел по Большой Свободе. Клуба «Звезда» больше не было, а музыка, доносившаяся из дискотек и развлекательных заведений, мало чем отличалась от той, которую играли ливерпульские группы.

Сценой владели «домашние» команды, которые ориентировались на образцы ранних «Битлз».

Джон направился к миссии моряков, где он когда-то вместе с Джорджем за одну ночь на расстроенном пианино сочинил мелодию «Cry For A Shadow».

…Когда Леннон с друзьями сел в самолет, чтобы лететь в Токио, перед его глазами долго стояла печальная картина: в задрапированной черным комнате Астрид Кирххер и горящая свеча перед портретом Стюарта…

В Токио они дали шесть концертов (30.6, 1.7 и 2.7.1966). Все было организовано по-японски блестяще. Даже для их покупок, пользовавшихся скандальной славой, им не приходилось покидать роскошные апартаменты токийского Хилтона. На их

этаже, специально для «Битлз», устроители соорудили маленький супермаркет. Выбор был богатым: от дорогих украшений до аудиоаппаратуры и кинокамер. Не только традиционным гостеприимством вызывался этот жест — речь шла о великолепной системе безопасности. Было просто немыслимо, чтобы Джон и его команда могли беспрепятственно покинуть отель.

3 июля они продолжили гастроли, вылетев на Филиппины, где дали концерт в Маниле, на который собралось более 100.000 зрителей.

Их отлет днем позже был похож на торопливую ретираду. Жена диктатора Маркоса возжелала устроить в своем саду вечеринку с участием «Битлз». Ей хотелось показать их своему мужу и тремстам детям дипломатов и политиков.

Брайан Эпштейн недооценил значение, которое придавала жена президента этому мероприятию, и отклонил приглашение. Тщеславная Мельда Маркос сочла себя оскорбленной и отомстила. Газеты взорвались аршинными заголовками: «„Битлз“ оскорбляют президента!»

Организаторы концертов отказались выплачивать гонорары. В британское посольство понеслись угрозы физической расправы над музыкантами. На манильском аэродроме им пришлось самим, без всякой помощи полиции, пробиваться через возбужденную толпу. Им угрожали, их теснили, дело дошло и до рукоприкладства. Даже когда они, наконец, добрались до самолета, отправлявшегося на Нью-Дели, опасное приключение все еще не закончилось. Представитель налоговой администрации в ультимативной форме потребовал уплатить 7000 фунтов, иначе самолет не взлетит.

События в Маниле посеяли в битлзах сомнение — оправданы ли турне даже по соображениям их элементарной безопасности? Американские гастроли с 12 по 29 августа прошли под плохой звездой. Они стали просто мукой, особенно для Джона.

За несколько дней до того, как битлзы прибыли в США, в американском журнале «Datebook» было перепечатано интервью, которое еще весной Морин Клив взяла у Джона для «Ивнинг стандарт». Мысль о том, что «Битлз» известней, чем Иисус, и что христианство находится в стадии угасания, вызвало в США яростную кампанию против Джона и его группы.

Брайан Эпштейн использовал все свои связи, чтобы добиться перелома в общественном мнении. Он без устали объяснял журналистам, что Джон никакой не враг христианства, а заявление свое он сделал, заботясь «о возрождении духовных ценностей». Он обещал, что Джон сразу же по прибытии в США

принесет публичные извинения.

Для масс-медиа «дело Джона Леннона» было настоящей поживой. Представился удобный случай отвлечь общественное сознание от растущего протеста против агрессии во Вьетнаме и акций движения за гражданские права в собственной стране. Журналисты принялись «свежевать» этот искусственно раздутый скандал.

Для Джона Леннона, который терпеть не мог извиняться, даже когда понимал свою неправоту, это было сродни пытке. В день прибытия в Чикаго на спешно созванной пресс-конференции он с трудом выдавил из себя: «Я сожалею, что так широко разинул рот. Я не против Бога, Христа или религии. Я никогда не стал бы над этим насмехаться. Я вовсе не хотел сказать, что мы лучше, чем он».

Хотя Джон и упал перед прессой на колени, это не остановило кампанию, направленную против него и группы.

Радиостанции бойкотировали их пластинки. В Алабаме, Джорджии и Техасе диски «Битлз» бросали в костры. В Кливленде (Огайо) пастор угрожал прихожанам всеми небесными карами, если те посмеют нарушить запрет и посетят концерты «Битлз». В Мемфисе (Теннеси) Ку-Клукс-Клан организовал демонстрацию против битлзов. Там во время концерта в Колизеуме на сцену обрушился град отбросов, взрывались далеко не безопасные хлопушки. Однако на всех пятнадцати концертах был аншлаг. Как и прежде, восхищенные фаны свистели и вопили.

Когда Джон, Пол, Джордж и Ринго 29 августа 1966 года покинули сцену в Сан-Франциско, это было прощанием навсегда.

Так закончился последний публичный концерт Великого ансамбля. На то были две причины: с одной стороны, их творчество стало сложнее, изощренней и требовало студийной аппаратуры; с другой — они ясно поняли, что их безопасность на концертах уже никто не может гарантировать. Подтверждением тому были инцидент в Маниле и последние американские гастроли.

Столь трудное решение не было единодушным. Взгляды Джона и Джорджа совпадали. Против был Пол, который любил поездки и видел в прямом контакте с публикой важный элемент их успеха. Эпштейн поддерживал его из других соображений. Он не без оснований опасался падения популярности из-за прекращения концертного бизнеса. Другая причина состояла в том, что менеджер всегда старался быть поближе к битлзам, а турне предлагали ему для этого наилучшие возможности. Теперь он всерьез забеспокоился, что дистанция начнет расти, поскольку в студии он никогда не был желанным гостем.

Позицию Ринго, как всегда, определял реализм — без Джона и Джорджа концерты невозможны. К тому же он соглашался с их доводами. Насколько непреклонным было решение, можно судить по одному из высказываний Джона Леннона, когда Эпштейн позвонил ему и сказал, что гастрольный менеджер Артур Хоуз озабочен их отказом отправиться в турне по Англии. «Скажи ему, чтобы он послал вместо нас четыре восковые фигуры, которые кивают головами, когда надо, — и никто не заметит разницы».

Джон оказался вдруг в совершенно новой для себя ситуации. Последние десять лет он работал без передышки: вначале борясь за место под солнцем, затем за успех, потом за его обеспечение. Вечная суматоха на публике, усердная работа в студиях, бесконечные гастрольные гонки… Все это держало его в постоянном напряжении, его потенциал казался безграничным.

Теперь наступил покой. Одно время ему это даже нравилось. Синтия не могла наглядеться, как он днем играет с маленьким Джулианом, а по вечерам читает ему на ночь разные истории. У нее вновь появились надежды на нормальную супружескую жизнь.

Но Джон был не из тех, кто может долго терпеть покой. Его стал мучить вопрос: что делать дальше?

Роль отца и мужа не могла заполнить его жизнь. К тому же в нем постоянно росло желание побыть в одиночестве.

Он покупал книги, читал газеты, часами сидел перед телевизором. Он думал о том, как наполнить свою жизнь новым содержанием — быть не только одной четвертой частью феномена, который назывался «Битлз», но стать, наконец, самим собой. Не пришла ли пора? А что будет дальше с ансамблем? И могло ли вообще что-то быть?

Уже в первые месяцы после расставания со сценой поползли слухи о распаде группы. Казалось, что каждый из них вознамерился идти своим путем. Джордж Харрисон, например, уехал в Индию, чтобы виртуоз игры на ситаре Рави Шанкар посвятил его в тайны этого инструмента.

О Поле и Ринго было слышно мало.

С сыном Джулианом у своего роллс-ройса.

Джон получил предложение, которое пришлось ему по душе: Ричард Лестер пригласил его на главную роль в фильме «Как я выиграл войну». В этой антивоенной картине он должен был играть солдата Грипвида. Джон с удовольствием согласился, поскольку появилась возможность выразить свою антипатию к насилию и войне и попробовать себя в новом амплуа.

Фильм снимался в ФРГ и в Испании.

Более 20.000 фунтов, полученных им за исполнение роли, представляли для него прежде всего моральную ценность — будучи вне «Битлз», он впервые доказал СВОИ творческие потенции.

Во время съемок Джон изменил внешний вид: он коротко подстриг волосы и водрузил на нос «очки-велосипед», которые ребенком терпеть не мог.

У новой моды тут же нашлись последователи, особенно среди студентов. Некоторые даже носили очки с простыми стеклами.

Прежде чем в начале ноября 1966 года битлзы снова встретились в студии, чтобы начать работу над альбомом, ставшим, возможно, вершиной их творчества, произошло одно событие, которое впоследствии до основания изменило жизнь Леннона.

Баллада о Джоне и Йоко

После съемок фильма «Как я выиграл войну» Джон опять оказался в ситуации, требующей размышлений о будущем. Возможностей для него оказалось более чем достаточно. Издательства хотели, чтобы он писал для них книги, производители почтовых открыток осаждали предложениями о сотрудничестве в области графики, режиссерам понравился актерский дебют музыканта, многие были бы непрочь снять его в своих фильмах.

Чем дольше он сидел без дела в своем доме в Уэйбридже, тем беспокойнее становился. Употребляя ЛСД, он пытался найти дорогу к самому себе. Он верил в сказку о том, что благодаря наркотикам можно расширить сознание. Чтобы избежать домашней скуки, Джон много раз на неделе объезжал Лондон на своем сверкающем всеми цветами радуги роллс-ройсе и посещал художественные выставки.

9 ноября, в туманный и мрачный день, Джон посетил «Indica Gallery» на Дюк-стрит. Какая-то японская художница подготовила здесь выставку «Незаконченные картины и объекты». На следующий день должно было состояться ее открытие.

Джон Данбэр, владелец галереи, немало постарался, чтобы заманить Леннона на эту выставку. Великий Битл всегда и всем делал прекрасное паблисити уже одним своим присутствием.

Джон прошел по выставочным помещениям и увидел занятные, как ему показалось, вещи.

«У меня были три тяжелых ночи, я был небрит и бледен от недосыпания. В то время я переживал трипы и был в трансе. У меня как раз был психоделический тур… Я уже слышал об этой удивительной женщине, намеревавшейся провести свою художественную акцию. Она хотела посадить людей в мешки, в черные мешки, и все это должно было обозначать „хэппенинг…“ Там было яблоко за сто фунтов. Я нашел его сногсшибательным. У другого объекта мне самому пришлось поломать голову и подвергнуться своеобразному экзамену — „за“ я или „против“ ее искусства. Там была лестница, которая поднималась к укрепленной под потолком картине. То есть там висел кусок черного полотна и при нем — цепочка с лупой. Я полез по лестнице, посмотрел в лупу и увидел совсем крохотное слово „да“. Итак, все это было позитивно — я почувствовал облегчение. Я был под большим впечатлением. И тогда Джон Данбэр нас познакомил. Он еще прежде ей нашептывал: „Это — меценат! Делайте что-нибудь. Поговорите с ним!“ Он, верно, думал —

скажи-ка разок миллионеру „Добрый день“ и… Ну да, вы уже знаете, что дальше… И она подошла ко мне и дала мне карточку, а на ней было написано: „Дыши!“ Я глотнул воздуха и пошел восвояси. Это была наша первая встреча». (Интервью Веннеру, 1970).

Любовью с первого взгляда эта встреча не стала. На Джона произвели известное впечатление оригинальные произведения японки Йоко Оно, женщины, как ему показалось, занятной и загадочной, хотя он считал, что его просто используют для каких-то целей.

Йоко Оно было тридцать три года, когда состоялось ее знакомство с Джоном. Она родилась 18 февраля 1933 года в Токио в семье, отличавшейся творческой атмосферой. Ее отец был хорошим пианистом, но по настоянию главы семьи ему в свое время пришлось прервать артистическую карьеру ради банковского дела. То, что было запрещено ему, он хотел воплотить в своей дочери. Уже в трехлетнем возрасте она начинает брать уроки игры на пианино, через два года — сочинять маленькие песенки, тексты которых девочка украшала рисунками. Об этом периоде Йоко Оно вспоминает: «Они воспитывали меня так, что я должна была безусловно верить в то, что однажды стану невероятно знаменитой. Я полагаю, они хотели видеть меня первой в Японии женщиной — премьер-министром. Или, по крайней мере, женщиной-дипломатом. Из всего этого вышло лишь то, что я долго чувствовала любовь не к себе, им было дорого „дитя океана“ (так с японского переводится „Оно“ — прим. авт.)».

Война была самым сильным детским воспоминанием Йоко. Когда взорвались бомбы над Хиросимой и Нагасаки, ей было двенадцать лет — возраст достаточный, чтобы воспринять весь ужас этих событий, приобрести опыт, существенно повлиявший на ее будущую жизнь.

В начале пятидесятых семья переехала в Нью-Йорк. Йоко начала учиться музыке в «Sarah Lawrence College», но прервала занятия. Она увлеклась авангардистской живописью, писала стихи, устраивала художественные вечера и занималась теорией искусств. Она страдала, видя, что ее идеи не находят общественного отклика.

В 1966 году, когда произошла встреча с Джоном Ленноном, она была замужем за американским джазменом и кинопродюсером Энтони Коксом. Это был ее второй брак. Йоко воспитывала трехлетнюю дочь.

Йоко Оно в 1966 году, когда она познакомилась с Джоном Ленноном.

По всей видимости, у предприимчивой японки был определенный план, поскольку вся последующая любовная активность исходила только от нее. Можно предположить, что для своих целей она была непрочь использовать деньги Джона и в еще большей степени — его всемирную славу. Ведь до сих пор ее искусство никто всерьез не воспринимал. На фотографии голых человеческих задов, обвязанного веревками трафальгарского льва или на обскурантистские «неоконченные картины и объекты» критики реагировали чаще всего с язвительным весельем.

Вот если бы общественность вдруг узнала, что такой человек, как Джон Леннон, отождествляет свой духовный мир с ее пониманием искусства, всячески ей помогая?!

Смысл творчества она всегда видела только в одном — шокировать. Причем любой ценой.

Все следующие месяцы — по апрель 1967 года включительно — Джон, Пол, Джордж и Ринго работали над новым альбомом, который стал кульминацией их совместного творчества. Он назывался «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» («Оркестр Клуба одиноких сердец под управлением сержанта Пеппера»).

Никогда прежде и никогда позже битлзы не вкладывали столько денег в производство одной пластинки. Расходы составили около 300.000 марок (в пересчете на марки ФРГ — прим. пер.). На каждую песню ушло больше недели.

С самого начала альбом замышлялся по единой концепции. Он должен был стать путешествием в ливерпульское детство. Идея родилась с появлением в феврале 1967 года сингла «Strawberry Fields Forever» / «Penny Lane» («Земляничные поляны навсегда» / «Пенни Лэйн»).

Джордж Мартин позднее объяснял: «Песню придумал Пол. Это была самая обыкновенная вещь, ничем особым не волнующая. Когда были записаны пробы, Пол сказал: „Почему бы нам так не сделать весь альбом — будто бы оркестр Пеппера действительно существует, а сержант выпускает пластинку? Тогда мы могли бы использовать любые эффекты“. С этого момента всё пошло так, словно бы Пеппер действительно жил на свете».

Своими оригинальными идеями Пол и Джон привели продюсера почти на край отчаяния. Джордж Мартин: «„Сержант

Пеппер“ был в основном созданием Пола: Джон пристроил к нему лишь три зонга, а именно „Mr. Kite“, „Lucy“ и „Good Morning“.»

Тем не менее как раз обе сильнейшие вещи — «With A Little Help From My Friends» («С маленькой помощью моих друзей») и «A Day In The Life» («Один день в жизни») — возникли в результате совместной работы.

Особая прелесть исходила от игры Джорджа Харрисона на экзотическом ситаре, который придавал песне «Within You Without You» («Внутри тебя, вне тебя») психоделические нюансы.

Не только гениальная музыка, блестящие аранжировки, такие редкие инструменты, как клавесин, индийские тамбуры, фисгармония, паровой орган, разнообразные скрипичные и духовые, поразительные тексты, объединенные общей идеей, сделали альбом Великим шедевром. Даже конверт пластинки ставил для поп-отрасли новые вехи. Четверо битлзов позировали в шелковых фантастических униформах и в окружении пятидесяти восьми всемирно известных людей над красивой цветочной клумбой и барабаном с надписью «Оркестр Клуба одиноких сердец под управлением сержанта Пеппера». К стратегии успеха относилось и то, что еще за шесть недель до появления альбома в Англии и США различные радиостанции передавали в эфир новые произведения.

250.000 дисков исчезли с прилавков английских магазинов в течение двух недель. В США за неделю было продано свыше миллиона.

Международная критика праздновала выход альбома как событие, ставшее вехой в истории музыки.

Июнь 1967 года: после выхода альбома «Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера».

Многие фанаты были убеждены, что тексты новых песен скрывают зашифрованные наркотические послания. Под особым подозрением оказалось произведение Джона Леннона «Lucy In The Sky With Diamonds» («Люси в небесах с бриллиантами»). Разве не прячется уже в самом названии отчетливый намек на ЛСД? В своих интервью битлзы отрицали, что в альбоме есть наркотические песни.

LUCY IN THE SKY WITH DIAMONDS

Picture yourself in a boat on a river
With tangerine trees and marmalade skies
Somebody calls you, you answer quite slowly
A girl with kaleidoscope eyes
Cellophane flowers of yellow and green
Towering over your head

Look for the girl with the sun in her eyes
And she's gone…

Представь себе, ты — в лодке на большой реке
С мандариновыми деревьями и мармеладовым небом.
Кто-то зовет тебя, ты медленно отвечаешь
Девушке с калейдоскопическими глазами.
Целлофановые цветы, желтые и зеленые,
Высотой с башню над твоей головой.
Ищи девушку с солнцем в глазах —
Она исчезла…

В интервью Яну Веннеру в декабре 1970 года Джон сказал: «Да, я смеялся до смерти, так много суматохи поднялось вокруг Пеппера. Люди проигрывали ее задом наперед и при этом стояли на головах — какая ерунда! Это еще и сегодня не кончилось: я как раз пару дней назад видел по телевизору Мела Тома, и он сказал, что „Люси“ была наркотической песней, как и „С маленькой помощью друзей“, что, конечно, полная чушь…»

Однако остается фактом — и Джон позднее сам дал понять публике — что во время работы над альбомом все члены группы имели дело с наркотиками. Однажды при записи был случай, когда Джона пришлось выносить на крышу студии, так как ему срочно понадобился свежий воздух. В другой раз Пол вынужден был отвезти его домой, ибо после ЛСД-трипа он был не в состоянии работать. Подозрения фанатов не беспочвенны. Но признаться в этом тогда не осмеливались ни Джон, ни его друзья. Это было бы равносильно самооговору и могло иметь судебные последствия.

Однако молодежь улавливала в текстах «Битлз» известные послания. Пресса ежедневно вещала о наркоскандалах среди знаменитых поп-звезд. Число наркоманов в молодежной среде стало расти скачками. В то время произошел массовый переход от гашиша к более сильным ЛСД и героину.

От битлзов, давно ставших образцом для молодежи, ждали высказываний по проблеме наркотиков. Их находили в новых песнях. Казалось, ливерпульская четверка угодила в такое же положение, что и их почитатели.

Но если одних к бегству из грубой действительности приводили отсутствие идеалов, бесперспективность и социальная деклассированность, то, например, у Джона мотивы были иными. Он надеялся расширить возможности своего художественного восприятия, найти новые потенции для творчества.

Ключ к пониманию его состояния в 1967 году дает текст песни «All You Need Is Love» («Все, что вам нужно — это любовь»). В начале года им предложили принять участие в международном телешоу под названием «Our World» («Наш мир»). 25 июня 1967 года новая песня сошла с телеэкранов 24 стран. В музыкальном смысле этот зонг примыкает к двум предыдущим альбомам. Примечательным было введение самых разных инструментов: Джон играл на клавесине, Пол водил смычком по басовым струнам, Джордж играл на скрипке. Полифоничное звучание дополнил оркестр из тринадцати исполнителей. Текст содержал послание, которое в то время нашло горячий отклик у миллионов молодых людей многих стран мира, которые верили, что альтернативными формами жизни с помощью ЛСД, гашиша и героина можно гуманизировать жестокую общественную реальность.

Love, love, love…
All you need is love.

Любовь, любовь, любовь…
Все, что вам нужно — это любовь.

Во Вьетнаме джи-ай сжигали мирные деревни, «US Air Force» бомбили Ханой, Хайфон. Ежедневно в Северной Ирландии от геноцида погибали люди, в гетто американских полисов афроамериканцы боролись за свое равноправие, в странах третьего мира от голода умирали дети…

Love, love, love…
All you need is love.

Джон верил, что любовь — целебное средство против всех преступлений и несправедливостей капиталистического мира. В это верили «Битлз» и многие из тех, кто их боготворил, кто разочаровался в обществе. Они хотели изменить мир дружескими песнями, любовью, наркотиками. Иллюзия, достигшая своей кульминации на легендарном поп-фестивале в Вудстоке и похороненная впоследствии на оргии насилия, разыгравшейся во время фестиваля в Альтамонте.

Тем не менее сингл «All You Need Is Love» / «Baby You're A Rich Man» четырнадцать раз занимал первое место в американских хит-парадах этого года, а главная его песня стала

гимном движения хиппи.

Джон Леннон у своего дома в Вейбридже.

Для Джона текст зонга имел очень личный мотив, он касался его жизни. Великий Битл тосковал по… любви.

Джон был полон беспокойства и неуверенности. Следствием относительного покоя после сверхнапряженной жизни в последние годы стала повышенная нервозность. Должно было что-то произойти.

И Йоко Оно вновь напомнила о себе. Он вдруг оказался под влиянием настойчивой японки даже больше, чем сам себе в этом признавался.

Она прислала ему экземпляр своей книги «Грейпфрут». Там он, в частности, прочел такие фразы: «Прорежь дыру в мешке, наполненном семенами, и повесь его там, где дует ветер. Спрячься, пока все не пришли домой. Спрячься, пока тебя не забыли. Спрячься, пока все не умерли».

Джон признавался: «Иногда я почитывал кое-что из этого и раздражался. Там было, например, такое: „Рисуй, пока не свалишься“. Или — „Цвети“. А иногда я пленялся всем этим, проходя через все стадии, которые вызывают ее стихи».

Оно искала близости с Джоном на свой лад. Однажды словно бы случайно встретила его на вернисаже поп-арта. Позвонила ему и пригласила на свою очередную выставку.

Ее усилия не были безуспешными: в новом издании книги «Грейпфрут» изумленный читатель нашел следующее предисловие: «Привет, меня зовут Джон Леннон. Я хотел бы представить Вам Йоко Оно». Джон стал спонсором ее выставки, состоявшейся под названием «Half-Wind-Show».

Потом она стала ежедневно бомбить Джона почтовыми открытками, на которых писала занятные указания: «Дыши!», «Танцуй!», «Рассматривай фонари, пока не прошел день!».

Чувства Великого Битла колебались между двумя полюсами. С одной стороны, поведение Йоко казалось ему ненормальным, с другой — его все больше опутывали доселе неизвестным образом.

Оно устроила Джону очную ставку с авангардистским художественным миром, к которому он до сих пор не имел отношения. Теперь, находясь в поисках Нового, он оказался особо восприимчивым к направлению, которое исповедовала японка. Вместе с любопытством Леннона одолевали сомнения: «Иногда мне даже приходила мысль стать интеллектуалом или проклятым авангардистом, просто назло всему. Потому что мне это опять нравилось. Это было постоянное туда-сюда», — таким оригинальным способом охарактеризовал он позднее свое состояние. Странная японка все больше вторгалась в его жизнь.

Она появилась в его доме в Уэйбридже. Хозяев не было. Тогда она попросила у экономки разрешения позвонить. Потом пришла опять. День спустя позвонила Джону и объявила о своем следующем визите, поскольку «забыла» свое «ценное» кольцо у телефонного аппарата.

Нет ничего удивительного в том, что и тогда, когда Джон и Синтия по инициативе Джорджа Харрисона вместе с Полом и Ринго слушали доклад Махариши Махеша Йоги в лондонском Хилтоне, Оно была тут как тут.

Джон пришел в восторг от возможностей медитации, о которых распространялся Махариши. Это было как раз тем, в чем он нуждался, — найти самого себя, обрести душевное равновесие и внутренний покой. В отличие от наркотиков это обещало блаженство куда более длительное, чем трипы.

Возможно, идеи Махариши могли бы стать темой хорошей беседы между супругами по дороге домой. Они сели в свой роллс-ройс и вдруг кто-то еще оказался с ними в салоне — Йоко Оно! Синтия нашла это весьма неприличным, а Джон просто растерялся и не знал, как реагировать. Оно тотчас начала говорить о своей книге, выкурила сигарету и попросила высадить ее у ближайшего угла.

В тот вечер в Уэйбридже говорили не о восточной мудрости, а о Йоко Оно.

Обеспокоенная Синтия пыталась узнать у Джона, чего ей ждать в дальнейшем от этой ненормальной связи. Что значат эти постоянные звонки, назойливое поведение, странные открыточные приветы?

Синтия чувствовала, что всё может оказаться куда серьезней, чем в этом признавался Джон. Позднее она сказала: «И все-таки что-то висело в воздухе. Я была озабочена, но реальных доказательств беды не находила. То, что он много пил и принимал наркотики, мешало нашему общению. Джон все время умолял меня делать то же самое, но я хотела сохранить здоровый рассудок. Когда мы поспорили об этом в очередной раз, я сказала ему: „Возможно, Йоко была бы для тебя в самый раз, Джон…“ Помнится, на это он тогда сказал: „Не говори ерунды, Цин. Это просто смешная художница…“».

25 августа 1967 года, в уик-энд, Джон и другие битлзы отправились на семинар к Махариши в Бангор, Северный Уэльс. Леннон надеялся поглубже проникнуть в тайны медитации, искренне желая решить тем самым супружеские и другие проблемы.

Синтия тоже должна была ехать, но опоздала на поезд.

На съемках фильма «Magical Mystery Tour» (1967).

На совместной медитации под руководством Махариши Джон обрел покой, какого давно не испытывал. Он был всерьез уверен, что облетевшее мир учение индийского гуру вернет ему внутреннюю свободу, по которой он так тосковал.

Однако уже через два дня после прибытия в Бангор Джон и его друзья были вырваны из трансцендентальной медитации и водворены в реальную действительность.

27 августа 1967 года внезапно, после приема большой дозы медикаментов, умер Брайан Эпштейн. Видимо, уже никогда не удастся выяснить — было ли это самоубийством, злосчастным

стечением обстоятельств или убийством, как подозревали некоторые газеты.

О надеждах, которые потрясенный Джон тогда возлагал на учение Махариши, он говорил Рэю Кулеману: «Встреча с гуру немного изменила наше мышление, но смерть Брайана повлияла на него еще больше. Идея поехать в Индию окончательно окрепла. Мы хотели досконально изучить это дело с медитацией, чтобы потом пропагандировать и передавать эту идею каждому, кто в ней нуждался. Так мы хотели реализовать свою власть, ведь нас все кругом называли вождями молодежи. И мы верили, что сможем найти дорогу, по которой поведем людей…».

Смерть Эпштейна резко обнажила проблемы. Больше не было уверенной и опытной руки, которая вела все хозяйство. Пол Маккартни попытался взять его на себя. Джон воспринял это с неудовольствием, но собственные проблемы не давали ему возможности встать к штурвалу. Странные отношения с Йоко Оно, смерть Эпштейна… Все стало казаться еще более неопределенным.

В сентябре 1967 года начались съемки фильма «Magical Mystery Tour» («Волшебное таинственное путешествие»). Группа вновь была в сборе. Чтобы реализовать этот проект, она отложила запланированную поездку в Индию на 1968 год.

Джон и Джордж дали интервью «David-Frost-Show». Оно обратило на себя внимание многих, поскольку отличалось и взвешенностью, и веселостью, что нелегко далось Джону, учитывая его внутреннее состояние.

18 октября 1967 года состоялась премьера фильма «Как я выиграл войну», 12 ноября открылась выставка Й. Оно, которую финансировал Джон. Фильм и альбом «Волшебное таинственное путешествие» вышли непосредственно перед публикацией интервью, так что с большой долей уверенности можно предположить, что этот газетный материал был своего рода «предзащитой».

В конце ноября в Англии появился сингл «Hello Goodbye» / «I Am The Walrus» («Здравствуй и прощай» / «Я — морж»). Вопреки или благодаря тому, что критики упрекали песню Джона «Я — морж» в непристойности, сингл нашел быстрый сбыт.

16 декабря Джона и Джорджа в сопровождении Махариши видели на мероприятии ЮНИСЕФ в Париже.

В начале января 1968 года вновь напомнил о себе отец Джона. Фред Леннон ошеломил сына сообщением о том, что хочет жениться на девятнадцатилетней студентке Паулин Джонас. Любящий всё экстравагантное, Джон благословил этот несуразный брак, добавив к поздравлению чек на крупную сумму.

Несбывшиеся надежды

16 февраля 1968 года Джон и Синтия вместе с Джорджем и его подругой Патти вылетели в Индию. Через несколько дней за ними последовали Пол со своей возлюбленной Джейн Эшер и Ринго с женой Морин. Синтия надеялась, что запланированное на три месяца пребывание у Махариши в Ришикеше разорвет связь между Джоном и Йоко.

Леннон ехал в Индию с намерением глубже осмыслить философию Махариши. Он ждал избавления от душевных тягот и обретения нового смысла жизни. Синтия верила, что курс медитации излечит мужа от наркомании.

Оба питали самые большие надежды.

В Ришикеше собралось немало знаменитостей: Майк Лав из «Бич Бойз», английский фолк-зингер Донован, американская актриса Миа Фарроу и битлзы. Все жили в комфортабельных бунгало.

Стало ли это тем самым окружением, которое было необходимо для сосредоточенности и размышлений?

Легче всего удались внешние перемены. Джон и другие сменили свои хипповые одеяния. Женщины облачились в индийские сари, мужчины разгуливали в белых брюках, в развевающихся свободных одеждах и сандалиях. Чтобы состоятельные гости не теряли хорошего настроения, гуру не слишком обременял их монотонным пением молитв и медитацией, заботясь о разнообразии светской жизни. Один за другим следовали выезды на природу, бурные вечеринки.

Однако Джон медитировал долго и серьезно.

Синтия с радостным изумлением обнаружила, что он стал излучать покой и больше не притрагивается к наркотикам. Однако радость была недолгой — жена заметила в поведении мужа подозрительные перемены.

> «Каждое утро он вставал около семи и тотчас исчезал, говоря, что хочет медитировать один. Первые недели в Индии протекали хорошо, но потом он меня полностью заблокировал. Мы всегда почти все делали вместе, и я не могла понять, почему именно в определенное время он меня отталкивал. Я думала: внутренне мы далеки, к тому же со временем его отношение к медитации изменилось. Но в любом случае я была рада, что он больше не прибегал к наркотикам. Медитация нанесла им смертельный удар как раз тогда,

когда дальше уже было опасно. Но Джон становился все более нервным и раздражительным».

«Битлз» со своими подругами у Махариши Йоги в Северном Уэльсе (1967).

Главной причиной было то, что он не мог вытеснить из своего сознания образ японки. Да и не хотел этого. Почти ежедневно, втайне от Синтии, он ходил на почту, где находил письма от Йоко. «Я — облако. Разыщи меня на небе», — писала она. Джон тосковал.

От критического взгляда Леннона не могло укрыться и то, что между речами Махариши и его роскошным, наполненным весьма мирскими утехами образом жизни была заметная разница. Резиденция-люкс с посадочной площадкой для вертолета, алчность и сексуальный интерес к актрисе Миа Фарроу заставили Джона усомниться в честности учителя.

В начале апреля — раньше, чем планировалось, — он вылетел с Синтией в Англию. Слава Богу, в багаже среди прочего лежали около пятнадцати песен, которые он написал между делом в Ришикеше. Среди них была легендарная «Revolution» («Революция»). Вернувшись на родину, Джон заявил жене, что всё

его время в ближайшие недели будут поглощать работа в студии и бизнес. Он предложил ей съездить с друзьями в Грецию.

Синтия так оценила новую ситуацию: «Нам обоим надо было передохнуть. Вряд ли он умышленно хотел от меня избавиться. Просто стремился вновь обрести себя после Индии, и я тоже этого хотела. Он потерял уверенность в себе и не знал, что делать дальше: был разочарован Махариши, и „Битлз“ должны были в самом деле серьезно подумать о своем будущем, ведь Брайан Эпштейн умер. К тому же между нами вновь возникли некоторые разногласия. Мне казалось, что будет лучше, если я предоставлю его работе».

Джон то и дело курсировал между Уэйбриджем и лондонской студией звукозаписи. В период между маем и октябрем битлзы работали над синглом «Hey Jude» / «Revolution» и новым долгоиграющим диском «The Beatles» / «White Album» («Битлз» / «Белый альбом»).

Возникла новая тенденция. До сих пор было обычным явлением, что Джон и Пол работали в творческом союзе. Новая пластинка производила впечатление, что была не единым произведением группы, а соединила сольные вещи ее членов. Общность интересов выразилась лишь в том, что все помогали каждому записать его песни.

На долю Джона в эти месяцы выпали важные решения. За сутки до того, как Синтия вернулась из Греции, он схватил ночью телефонную трубку и набрал номер Йоко.

«Я предложил ей заглянуть ко мне. Это было посреди ночи, Цин дома не было, и я подумал: теперь удобный случай для того, чтобы познакомиться с ней по-настоящему. Она пришла, и я не знал, как себя вести. Мы поднялись в мою студию, и я проиграл ей все мои пленки, частью — комическое, частью — электронные эксперименты. Это произвело на нее впечатление, и она сказала — о'кей, давай сделаем совместную запись, так возникли „Two Virgins“ („Два девственника“). Это было среди ночи, когда мы начали „Двух девственников“, а в предрассветных сумерках все было готово, и мы вместе легли спать. Это было чудесно».

Так Джон описывал события майской ночи 1968 года.

После обеда Синтия приехала в Уэйбридж. То, что она увидела, ошарашило ее: Джон и Йоко в купальных халатах сидели на террасе и пили чай, а перед дверью гостевой комнаты стояли тапочки Оно. Синтия отказывалась признаться самой себе, что это конец ее семейной жизни. А Джон молчал.

«Я поняла это безмолвие так, как если бы он хотел сказать: „Исчезни! Не мешай этому фантастическому мгновению. Убирайся! Ты все портишь“, — так мог бы он, наверное, выпалить,

если бы захотел. По выражению его лица я поняла все без слов». Так говорила потом отвергнутая супруга.

Она покинула дом и пошла к своим лондонским друзьям. Через несколько дней она вернулась в Уэйбридж, чтобы повидать Джулиана, которого опекала экономка. Против ее ожиданий, Джон встретил жену дружелюбно. Он сказал ей, что связь с Йоко носила исключительно интеллектуальный характер, что они всю ночь только и делали, что экспериментировали с приборами звукозаписи.

Из поведения Джона в последующие дни и недели вытекал вывод, что для Синтии не все потеряно и что их брак еще имеет шансы. Синтия отдалась во власть этой иллюзии слишком охотно, поскольку больше всего на свете ей хотелось остаться с Джоном.

Еще до майского потрясения она намеревалась отправиться с матерью и сыном в развлекательное путешествие по Италии. Новые события поколебали эту перспективу, но Джон убедил ее отправиться в круиз.

Его решение о разводе окрепло, ему только не хватало мужества признаться в этом. Он хотел, чтобы первый шаг сделала Синтия. Несмотря на то, что в те дни он упорно работал с Полом, Джорджем и Ринго над «Белым альбомом», каждая свободная минута посвящалась Йоко. Он показывался с ней на публике. В то время как Синтия, догадывавшаяся, очевидно, о происходящем, отдыхала на Апеннинском полуострове, Джон и Йоко поставляли сенсационные заголовки крупнейшим газетам Англии.

15 июня 1968 года Д. Леннон и Й. Оно начали свою первую акцию мира — в Ковентри, перед городским собором, в рамках национальной скульптурной выставки. Они посадили два дубка, символизирующих мир. Желуди были посланы различным государственным деятелям планетарного масштаба. Посадив их, они могли тем самым доказать свою приверженность делу мира.

Йоко свела Джона с авангардистским искусством, открыла ему новый взгляд на бытие, подтолкнула к мыслям о мире без войн. Все это отныне стало играть большую роль в его песнях. Под влиянием японки он стал чувствительнее к общественным проблемам и политическим событиям 1968 года, о которых ежедневно сообщали газеты и телевидение: в Южном Вьетнаме началось наступление освободительных сил; в ФРГ состоялись массовые демонстрации против американской авантюры, закона о чрезвычайном положении и манипуляций шпрингеровской прессы; в Лондоне молодые манифестанты пытались штурмовать посольство США; в Париже бунтовали студенты, состоялась грандиозная забастовка, организованная левыми профсоюзами. В самой Америке стремительно росло сопротивление вьетнамской

войне.

Казалось, мировая революция уже стучится в дверь.

И тут Джон Леннон ошеломил фанатов из левомаоистского движения, давно носивших его имя на своих флагах, считавших его образцом для бунтарей и ниспровергателей авторитетов.

В своей «Революции» Леннон дал концепцию ненасильственного изменения мира, противопоставляя ее левым экстремистам, делавшим ставку на стихийность и террор. И то, о чем Джон честно сказал им, они потом направили против него же.

You say wanna revolution
Weil, you know we all wanna change the world…
But when you talk about destruction
Don't you know that you can count me out…
You say you got a real solution
Well, you know we'd all love to see the plan…
But if you want money for people with minds that hate
All I can tell you is brother, you have to wait.
You say you'li change the constitution…
Well, you know you better free your mind instead…

Ты говоришь, ты хочешь революции.
Ну что ж, ты знаешь, мы все хотим изменить мир…
Однако если вы толкуете о разрушении,
То знайте — на меня можете не рассчитывать…
Ты говоришь, у вас есть реальное решение,
ну что ж, давайте посмотрим ваш план…
Но если вы хотите дать денег людям, которые ненавидят,
Тогда я должен сказать: брат, вам придется долго ждать…
Вы говорите, что вы против любой структуры.
Ну что ж, тогда освободите-ка лучше сперва ваши головы…

Встречная реакция была столь же острой. В своем эссе «Власть рока или насколько музыкальна революция» Хельмут Зальцингер писал: «В „Революции“ весьма беспокоит то, что подтверждает интеллектуально-склеротический процесс, идущий в „Битлз“. Времена давно изменились, но они остались прежними и поют самодовольную песенку под названием „Революция“, которая не проповедует ничего другого, кроме контрреволюции…

На фоне последних событий уже не приходится верить, что это сделано как имитация жизнерадостного оптимизма „Битлз“

или их образа жизни. Речь больше не идет о музыке, скорее — о предательстве…»

Позиция, которую Джон Леннон занял в «Революции» под влиянием идей Махариши, вовсе не была конечным пунктом его политического развития. Она стала скорее отправной точкой для новых мыслей и новых взглядов.

Дальнейшее поведение Джона по отношению к Синтии было каким угодно, только не благородным. Он поручил частному детективу наблюдать за ней в Италии. И не успела она вернуться домой, как он тут же выставил ей обвинения для развода. Основание: в Италии у нее была связь с владельцем отеля Роберто Бассанини. 22 августа 1968 года Синтия предъявила Джону встречную жалобу. В качестве повода для развода она назвала развал брака, начатого связью Леннона и Оно.

По-настоящему фронты обозначились, когда в октябре Джон и Йоко публично объявили, что ждут ребенка.

В начале ноября 1968 года Синтия и Джон развелись.

Суд отдал ей право на заботу о Джулиане и потребовал от Джона уплаты ста тысяч фунтов. Кроме того, он был обязан ежегодно платить «школьные» деньги — две тысячи четыреста фунтов.

Со своей стороны он распорядился, чтобы Джулиану по достижении двадцати пяти лет были выплачены еще сто тысяч фунтов.

До продажи дома в Уэйбридже Синтия могла в нем жить.

То, что стороннему наблюдателю казалось проявлением широкой натуры, имело, очевидно, совсем другую причину — Джон хотел деньгами успокоить свою потревоженную совесть.

Начало конца

Есть много легенд о конце «Битлз». Многие упрекают Йоко Оно в том, что она посеяла лицемерие среди Великих ливерпульцев и потому-де виновна в распаде.

Джон: «Нет, не она развалила „Битлз“… Она женщина, и она — японка, а у людей еще много расистских предрассудков. Кроме того, ее подозревают просто как женщину. Все это элементарно…» (Интервью Веннеру, 1970).

Но с дистанции в 10 лет он сказал Энди Пиблсу несколько иное (декабрь 1980): «Когда я вглядываюсь в прошлое, то начинаю понимать, что вся проблема заключалась в следующем: жены или подруги этих тесно сдружившихся парней принадлежали к тому старомодному сорту женщин, которых мы все знаем и любим. Они все свое время проводят на кухне или с ребенком и никогда не появляются на сейшнах. Женщин теперь вообще видят редко, только по особым поводам. И вдруг мы вдвоем — Йоко и я — сидим себе в углу, шепчем и хихикаем, делаем „Двух девственников“ и исчезаем в мешках. На другом фланге стояли Пол, Джордж и Ринго, которые спрашивали себя — что же делают эти двое? И что это с Джоном? Я почти полностью от них „закапсулировался“.

Это происходило совершенно неосознанно, просто я был настолько напряжен и воткан в дела, которыми мы оба занимались, что лишь позднее заметил, что остальные не питают к нам ответной любви. Теперь-то я понимаю, как они должны были себя чувствовать. Если бы Пол, Джордж или Ринго выкинули бы нечто подобное, я не знаю, как бы реагировал сам…»

Факт остается фактом — путь, который под влиянием Йоко торил Джон Леннон, все дальше уводил его от «Битлз». Но окончательному распаду группы мешал ряд причин, которые возникли еще тогда, когда Йоко не значила столь много в жизни Леннона. После прекращения гастролей каждый битл все решительнее стал заявлять о себе как о личности.

Джордж Харрисон уже в декабре 1967 и в январе 1968 года выпустил свою первую сольную пластинку «Wonderwall Music» («Потрясающая музыка»), в которой угадывалось сильное влияние индийской традиции. После сольного прохода Джона и Йоко с «Двумя девственниками — Неоконченным сочинением номер 1», все вещи которого появились за одну единственную ночь, последовал Ринго со своей первой сольной пластинкой «Sentimental Journey» («Сентиментальное путешествие»), которая

объединила в себе двенадцать наиболее известных американских композиций последних лет.

После смерти Эпштейна усилились стычки между Джоном и Полом, поводом для которых послужили разногласия по вопросам менеджмента и бизнеса ансамбля.

Дела группы оказались весьма запутанными, даже несмотря на уверенную хозяйскую руку Эпштейна и ассистирование компетентных финансовых советников.

Теперь, когда не было направляющей руки Эпштейна, очень быстро стало ясно, что Джон и Пол оказались не готовы к управлению таким сложным хозяйством и не могли справиться с подступающими проблемами.

Они касались и «Nems Enterprises» — фирмы, которая опекала группу и продавала ее продукцию. В этом предприятии «Битлз» участвовали с 10 процентами, а 20—25 процентов прибыли от произведений битлзов присваивались «Nems». Однако музыканты получали часть этих доходов, поскольку участвовали в делах фирмы. Кроме того, было еще музыкальное издательство «Northern Songs» («Северные песни»), основанное еще в 1963 году. На долю Джона и Пола приходилось по 20 процентов, а 10 процентов принадлежали «Nems Enterprises».

К началу 1968 года Джон и Пол держали каждый по 744.000 акций. Помимо этого, они были компаньонами целого ряда других фирм. И среди них — два оригинальных общества: «Lenmac Enterprises» (Леннон—Маккартни) и «Maclen Music» (Маккартни—Леннон).

Степень переплетенности отдельных предприятий была столь велика, что ни Джон, ни Пол не могли в этом досконально разобраться. В джунглях финансового и налогового законодательства они были, как неопытные путешественники без карты и компаса.

Трясина бизнеса все глубже засасывала «Битлз».

В большей степени филантропией, чем знанием рыночных законов, было продиктовано открытие на лондонской Бейкер-стрит «Apple Boutigue» и фирмы «Битлз ЛТД», которая в январе 1968 года была переименована в «Эппл Корпз ЛТД».

Помимо всего остального, новой фирмой, единственными владельцами которой они были, битлзы хотели дать шанс молодым талантам.

Джон заявил об этих намерениях на пресс-конференции: «Наша цель — это не только куча золота в банке. Это все и так остается за нами. Мы хотим понять, можно ли достигнуть художественной свободы без предпринимательских структур и не можем ли мы создать что-либо, не неся при этом впятеро больших

расходов, чем наши нынешние издержки».

Пол объяснял это так: «Мы хотим помогать людям, но не милостыней. Раньше мы, например, всегда валились перед этими животными на колени и смиренно просили: можно нам сделать то или это? Теперь мы оказались в счастливом положении, когда деньги больше не нужны. Впервые какие-то там боссы не имеют доли в нашей прибыли. Если кто-нибудь к нам придет и скажет: у меня есть идея, ответ будет таким — иди сюда и делай, что задумал».

В «Эппл-бутик» на Бейкер-стрит было не протолкнуться. «Битлз-шоп» предлагал товары, которые разбирались моментально. Но прибыли магазинчик не давал, поскольку большая часть посетителей, описывая дугу вокруг кассы и не платя, покидала престижную лавочку. Из-за повального воровства бутик был на пути к банкротству.

30 июля, после семимесячного существования, он закрылся. Оставшиеся товары были просто раздарены.

Казалось, что новая фирма «Эппл» превратится в империю.

Вместе с «Эппл Корпз ЛТД» возникли «Apple Films LTD», «Apple Publishing Company», «Apple Electronic» и «Apple Records».

Штат сотрудников все разрастался, конторы на Вэймор-стрит становились слишком тесными. Пришлось занять новый пятиэтажный офис на престижной Сэйвил-роуд.

На втором этаже нового офиса свое бюро имел Пит Шоттон, старый ливерпульский друг Джона. Леннон сделал его шефом персонала всех предприятий «Эппл» и передал ему руководство целым кустом розничных предприятий этой фирмы.

Все больше раздувались штаты — директора, руководители отделов, машинистки, секретарши…

При этом далеко не все служили «Эппл» так же верно и честно, как Пит Шоттон. Многие из служащих были неспособны к работе, поскольку их квалификация состояла исключительно в том, чтобы считаться друзьями Джона и Пола; многие из них приносили прибыль только для собственных карманов. Расточительство и бесхозяйственность господствовали на всех этажах.

Очень скоро Великие Битлы поняли, что не доросли до руководства таким сложным хозяйством. Финансовое положение фирмы было расшатано, убытки росли с каждой неделей. Они были едины в том, что коммерческое руководство их предприятием должно быть компетентным.

Но прежде, чем вспыхнул яростный спор о персоналиях — у каждого на примете был свой кандидат, — они вместе с Джорджем и Ринго вновь пришли в студию. Вопреки

лихорадочной деловой активности между маем и октябрем 1968 года была создана двойная пластинка, которая так и называлась — «Битлз» — или по цвету конверта — «Белый альбом».

Диск произвел фурор.

Большинство из тридцати собранных на нем песен было написано в Индии.

Примечательным для альбома было то, что тяга к сольным произведениям проявилась здесь еще сильнее, чем в «Сержанте». Каждый обозначил свое направление.

Джон прокладывал свой будущий курс, поворачивая к политическому содержанию в песне «Революция» и в звуковом коллаже «Революция 9»; «Об-Ла-Ди, Об-Ла-Да» Пола проложила магистраль, по которой он впоследствии стал маршировать с новой группой «Уингз» («Крылья»); Джордж выступил с четырьмя зонгами, которые доказали, что как композитор он мог бы с успехом побороться с первыми двумя; сам Ринго спел собственную песенку «Don't Pass Me By» («Не проходи мимо меня»), которая напомнила о его старой любви к кантри и вестерн-музыке. Им, кстати, он остался верен на всем протяжении своей сольной карьеры.

Пол нашел песню Джона «Революция» плохой, потому что она была политической. Джон отверг «Об-Ла-Ди, Об-Ла-Да», посчитав ее текст малоинтересным.

И если раньше такого рода дискуссии всегда приводили к общему и весьма плодотворному знаменателю, то теперь они спорили без желания понять друг друга. Каждый оставался при своем мнении и делал только то, что хотел сам.

Когда записи были завершены, битлзы на общем совете установили их очередность, договорились о названиях, обсудили оформление конверта.

У Джона на этом совещании возникло чувство, что Пол невзлюбил двойную пластинку уже за то, что она в слишком малой степени была делом всей группы. Но Леннон не мог не признать при этом, что Пол делает все, что может, чтобы сплотить ансамбль.

«Белый альбом» имел выдающийся успех. И на него не могло повлиять даже мнение тех критиков, которые посчитали, что при более взыскательном отборе материала из этого двойного альбома могла бы получиться одна великолепная пластинка.

Наряду с требующим времени распутыванием хозяйственных дел «Эппл» и работой над «Белым альбомом» Джон и Йоко не уставали шокировать общественность.

Как уже говорилось, в июне состоялась высмеянная прессой «Дубковая» акция мира в Ковентри.

18 октября полиция произвела обыск на их квартире на «Montaqu Square» и конфисковала одиннадцать граммов наркотиков. Оба были арестованы. Днем позже их освободили под залог.

25 октября газеты известили о том, что Йоко и Джон ожидают ребенка.

Через четыре недели, 27 ноября, Йоко отвезли в больницу, у нее случился выкидыш. Джон улегся на соседнюю койку, а когда та понадобилась другой пациентке, он принес в палату надувной матрас и спал на нем. Сообщения и фото на эту тему появились во всех газетах.

Уже на другой день имя Леннона вновь замелькало в прессе: суд признал Джона виновным в том, что он злоупотребляет наркотиками и осудил его к уплате штрафа в 150 фунтов.

29 ноября газеты со сладострастием сообщили о новом скандале. В продажу поступила пластинка «Неоконченное сочинение номер 1». Но всеобщее волнение возбудило не то, что можно было услышать на пластинке, а то, что увидели на конверте. Джон и Йоко сфотографировались, в чем мать родила: на лицевой стороне — вид спереди, на обратной — вид сзади. Пластинку допустили к продаже лишь тогда, когда вся она вместе с конвертом была спрятана в коричневый бумажный пакет.

Неделей позже они появились на сцене «Royal Albert Hall», торчащие из мешков.

Неудивительно, что все эти эскапады принесли Джону славу мирового клоуна. Но он не понимал, что своей эксцентричностью ставит под сомнение искренность собственных песен. Ну как можно всерьез воспринимать человека, который пытается своим творчеством повлиять на общественные обстоятельства, поставляя в то же время скандалы бульварной прессе!

Всё это было, конечно, не только следствием гипертрофированной потребности все время «выставляться напоказ», что, в общем-то, и определяло обыкновенно поведение Джона. А главное — он мог наконец-то делать то, что хотел, — без оглядки на имидж «Битлз». Очевидно, это была также своеобразная реакция на то неприятие Йоко, которое демонстрировали битлзы и большая часть общественности. Джон не пропускал ни одного удобного случая, чтобы публично не признать себя сторонником ее идей. Чем жарче разгорался газетный скандал, тем приятнее было ему.

В феврале 1969 года напряжение в отношениях между Джоном и Полом достигло апогея. Главным поводом для затяжного скандала было различие во мнениях о личности, которая должна возглавить империю «Эппл». Джон боролся за

Аллена Клейна, который до этого успешно вел дела «Роллинг Стоунз». Пол намеревался доверить бизнес двум известным в американской поп-отрасли адвокатам Ли и Джону Истмэнам. Подспудной причиной для этого выбора было то обстоятельство, что Пол находился в интимной связи с Линдой Истмэн. И в случае успеха дела группы повели бы его предполагаемые тесть и шурин.

Джон Леннон не без оснований опасался, что в этом случае «Эппл» превратится в гешефт Маккартни — Истмэн. К тому же Джон питал к Ли Истмэну антипатию, которую обосновывал следующим образом:

«Вряд ли поначалу это выглядело так, что мы хотим объединиться с Алленом, но Истмэны впали в панику, хотя вопрос был еще открыт. Я желал Аллена, но мог бы принять и Истмэна, если бы он не оказался тем, кем оказался. Была договоренность, что мы встретимся с обоими претендентами в отеле. Четыре битла и Йоко должны были познакомиться с ними поближе. Мы не провели там и пяти минут, как у Истмэна случилось что-то вроде эпилептического припадка: он наорал на Аллена, мол, тот, — самая гнусная крыса в мире, а потом еще громче стал вопить не менее распрекрасные вещи в том же духе. Аллен не стал с ним пикироваться. А Истмэн оскорблял его со всем своим мерзким классовым снобизмом… Но Пол влип в это дерьмо, потому что Истмэн повесил на стену Пикассо и носил костюмы с Западного побережья — яркая оболочка и ничего за ней…»

На переломе 1968 и 1969 годов для поезда «Битлз» были расставлены последние вехи — безостановочно он понесся к тому пункту, который называется «конечная станция». Джон меньше всех был заинтересован в том, чтобы затормозить этот поезд. Внутренне он уже распрощался с ансамблем.

Пол Маккартни тоже решил идти своим путем. Времена, когда их соперничество приводило к фантастическим результатам, отныне принадлежали истории.

Влияние Йоко Оно на этот процесс, который закончился в 1970 году необратимым распадом, не было решающим, хотя и ускорило события.

На взгляд Джона, главными причинами конца Великого ансамбля были следующие: «Мы развалились после того, как умер Брайан Эпштейн. Пол оседлал вершину, полагая, что дальше нас всех поведет он. Но что значит „вести“, когда двигаются по кругу? Тогда-то мы и развалились. Именно тогда и начался распад». (Интервью Веннеру, 1970).

На вопрос журналиста о том, когда Леннон в первый раз почувствовал неминуемость распада, Джон ответил: «Этого я не

знаю. Я занимался своими собственными бедами. В конце концов я с этого ничего не поимел. „Битлз“ распались после смерти Брайана. Мы делали двойной альбом… Это было, как если бы каждую вещь записывали отдельно: одно сделал я, а другое — Джордж… Я уже об этом как-то говорил: казалось, один раз я играю с группой сопровождения, другой раз — Пол. И хотя мне это доставляло удовольствие, уже тогда мы в принципе распались…».

То, что Джон ответил на вопрос о влиянии «Битлз» на историю Англии, возможно, разочаровало многих, но показало одновременно, что он стал мыслить, как политик: «Я не имею понятия об истории. Люди, которые держат в руках нити, находясь у власти, и классовая система, и все это буржуазное дерьмо — это все осталось прежним. Изменилось только то, что сегодня толпа типов из среднего слоя с длинными волосами и в модном тряпье бродит по Лондону, а Кеннет Тинэн (авангардистский английский писатель — прим. авт.) словом „Fuck“ делает состояние. Абстрагируясь от всего этого, можно сказать, что не происходит ничего, кроме того, что мы все вместе немного почистились. Те же задницы сидят у рычагов, те же люди удерживают прочные позиции, всё то же самое — до волоска… Мы все стали лишь немного взрослей — отсюда и перемены. Мы на один шаг стали свободнее, но в основе, как и прежде, — старая игра, ничего не изменилось. Они творят всё те же чудовищные вещи, они продают оружие в Южную Африку, отстреливают черных на улицах… Люди живут в невероятной нищете — как крысы, которые по ним ползают… Всё — как было.

Ничего, кроме отвращения, не осталось. И однажды всё это до меня дошло. Мечта вымечтана. Всё так, как было, только мне уже тридцать, а люди носят длинные волосы. И это всё».

Потом Джон сделал по сути программное заявление. Он сказал: «Я больше не верю в мифы, а „Битлз“ стали мифом. Я больше не верю в него, иллюзия рассеялась. И я думаю, что это — проблема поколения. Мечты прошли, и мы должны, — это, во всяком случае, касается лично меня — вновь вернуться к так называемой реальности».

Здесь о себе заявил новый Джон Леннон, осознанно стремящийся к политической деятельности, не чувствовавший себя при этом обязанным какой-либо идеологии, которая могла бы служить ему компасом. Но он был готов к тому, чтобы посвятить свои признание, известность и влияние тому, что считал правильным и важным.

«Новый» Джон

Под влиянием Йоко Джон свернул на путь, который все дальше уводил его от «Битлз». Хотя внешне — для фанатов и общественности — все казалось по-прежнему в полном порядке.

В январе 1969 года в Twickenham-Filmstudios они записали все песни для пластинки «Let It Be» («Пусть будет так»), которая вышла лишь в мае 1970 года, поскольку из-за внутренних распрей срок выпуска несколько раз откладывался. Параллельно с записью диска был снят одноименный фильм.

«Битлз» (1969).

На второй неделе января они создали сингл «Get Back» / «Don't Let Me Down» («Вернись» / «Не расстраивай меня»). Здесь появилось новшество — впервые со времени существования «Битлз» на конверте стояло имя приглашенного музыканта —

Билли Престона.

«Цветной» Билли, который познакомился с битлзами еще в 1962 году в гамбургском «Стар-клабе», взял на себя органные партии.

В апреле в совместной работе Джон и Пол сочинили композицию «The Ballad Of John And Yoko» («Баллада о Джоне и Йоко»), которая вместе с песней Харрисона «Old Brown Shoe» («Старый коричневый ботинок») появилась на одном сингле.

С 1 июля до 3 августа 1969 года четверо музыкантов последний раз работали вместе. Результатом стала долгоиграющая пластинка «ABBEY ROAD» («ЭББИ РОУД» — улица, на которой находилась студия звукозаписи — прим. пер.). Такая интенсивная работа создавала впечатление, что у битлзов все по-прежнему в порядке. Но за кулисами было по-другому.

Пол Маккартни пытался вдохновить Джона на производство нового фильма об ансамбле и на гастрольные поездки. Джон отверг оба проекта, хотя и участвовал — без настроения — в работе над фильмом. Свою позицию он объяснил позже: «Пол всё отлично наладил, и мы даже дискутировали о том, что можно сделать в этом фильме. Но я оставался равнодушен. У меня была Йоко, и все остальное не имело значения. Да и потом я просто устал».

К тому же Пол, Джордж, Ринго и их жены недвусмысленно дали понять, что Йоко им не нравится. Свое тогдашнее настроение Джон описал так: «Пол хотел организовать генеральную репетицию со всеми нами. Он был человеком, который всё всегда совершенствует. Мы записали пару вещей, но никто не был хорош в деле. У меня, например, в Twickenham-Studio было просто ужасное состояние. К тому же нас там постоянно снимали. Мне все это действовало на нервы. И мы с восьми утра уже были в студии. Но в такую рань просто нельзя делать музыку, со всеми этими юпитерами и съемочными камерами вокруг каждого». (Интервью Веннеру, 1970).

Тот факт, что Аллен Клейн против воли Пола начал с февраля представлять финансовые интересы «Битлз», еще более отяготило и без того напряженные отношения между Ленноном и Маккартни.

2 марта 1969 года Джон и Йоко вновь заставили говорить о себе, проведя сенсационный номер. На авангардистском «Free Jazz Festival» в Леди-Митчелл-Холле в Кембридже они вышли на сцену вместе с Мэем Ивэнсом, Джоном Чикаем и Джоном Стивенсом. Публика в зале была другой, нежели та, что толпилась прежде на концертах битлзов, — она состояла из студентов и молодых интеллектуалов. Джон и Йоко были

заявлены в программе с попурри из произведений Й. Оно.

Одна из кембриджских газет писала после шоу:

> «Мисс Оно начала с душераздирающего воя, который был столь же японским, сколько пение в „Но-Театре“. Она выла так долго, насколько ей позволяло дыхание. Джон сел на корточки к ее ногам, спиной к публике, в экстатических движениях двигал свою гитару к микрофону и бил ее так, что оглушил всех вокруг. Концерт получился жутко-прекрасным. Не в негативном смысле, поскольку необычная звуковая картина и суровая мелодия действительно очаровывали.
>
> Просто в нем не оказалось ни одного спокойного места. Что и говорить, чрезвычайное событие».

Однако массового психоза, которым славились битлзы, эдакой «музыкой» было не достичь.

Джон переживал состояние душевного разлада. С одной стороны, он находил волнующим и увлекательным авангардистское направление, в которое его тянула Йоко, — здесь, по его мнению, открывались новые возможности для слияния инновационных элементов из всех сфер музыки, особенно джаза. С другой — он сознавал, что авангард не даст того массового воздействия, как это случилось с музыкой битлзов, ориентированной на вкусы молодых.

Под влиянием Йоко с Джоном стало твориться кое-что другое, что имело большое значение для его жизни и художнического развития. Развалился прочный панцирь, под которым он прятал свои истинные чувства. Теперь он хотел и мог признаться себе в них. Это не стало результатом внезапной метаморфозы, а пришло как завершение долгого процесса, включающего в себя и заблуждения, и неверный выбор пути.

В конце марта Джон и Йоко отправились в Париж. Там их настигло известие, что Пол без всякого газетного спектакля женился 12 марта на Линде Истмэн.

Через восемь дней, 20 марта, Джон зафрахтовал самолет, чтобы вылететь с Йоко из Парижа на Гибралтар. За семь недель до этого Оно развелась с Тони Коксом на Виргинских островах.

Без какой-либо свиты, почти незамеченные сворой охочих до сенсаций журналистов, Джон и Йоко были обвенчаны служащим британского консульства.

Оба с ног до головы одетые в белое, они сделали шаг, который многие их друзья и сторонники восприняли как выражение махрового консерватизма. Конфронтируя с такими взглядами, Джон сказал: «Мы — неразрывны. Интеллектуально

мы не верим в брак. Для двоих людей брак — это всегда нечто иное, чем просто совместная жизнь».

Их пребывание на Гибралтаре продолжалось ровно семьдесят минут, потом они улетели назад, в Париж. До газетных репортеров французской метрополии между тем донеслось эхо события. Они осадили свежеиспеченных супругов.

«Свадьба так меня эмоционально захватила, что я совсем разбита, подобное же состояние у Джона», — сказала Йоко. Одновременно она заявила, что не собирается становиться заурядной домохозяйкой, которая согревает своему мужу домашние тапочки. Брак для нее — это своего рода хэппенинг, представляющий большое значение для будущего. «Но самый ближайший хэппенинг мы планируем уже на следующей неделе. Посмотрим, что из этого выйдет». Этими словами репортеры были заинтригованы до такой степени, что теперь больше не упускали обоих из поля зрения.

24 марта Джона и Йоко видели обедающими вместе с Сальвадором Дали в парижском ресторане Нобеля.

Днем позже в Амстердаме начался объявленный Йоко небывалый хэппенинг…

С некоторых пор Джон стал внимательнее к политическим событиям и процессам, происходящим в мире. Он не только принимал их такими, какие они есть; чувство справедливости заставляло его всякий раз занимать определенную позицию. Теперь, когда ему уже не приходилось считаться с имиджем «Битлз» и избегать политических оценок, он хотел сделать хоть что-нибудь для того, что считал правильным.

Жизнь капиталистических стран конца шестидесятых годов была отмечена стихийными акциями молодежи, которая протестовала против империалистической великодержавной политики, против расизма, против агрессии США во Вьетнаме, требовала социальной справедливости. В противоположность так называемой «рок-н-ролльной революции» пятидесятых годов, которая со слепой яростью обрушилась на буржуазные формы жизни, представления о морали и индифферентно-эмоционально угрожала старшему поколению, движение протеста конца шестидесятых было политическим. Прогрессивные студенческие организации нацеливали молодежь на борьбу за политические и социальные перемены. Джон Леннон никогда не был ни инспиратором, ни интеллектуальным вождем этого движения. Но под влиянием масштабов и лозунгов манифестаций развилось его политическое сознание.

В своих акциях, продолжавшихся вплоть до 1973 года, и еще более в своих песнях он безоговорочно выступал за социальную

справедливость, за ненасильственные действия, за мир, против войны и расовой дискриминации. Тем самым он выделялся среди множества прочих поп-звезд как единственный в своем роде.

Джон осознал, что популярность навязала битлзам несвойственные им качества лидеров общественных сил, к чему они никогда и не стремились. Фанаты следовали за ними по наркотическим джунглям, искали смысл бытия в трансцендентальной медитации. И то, что всё происходило именно так, никогда не было ясной целью Джона Леннона и «Битлз».

Отныне Великий Битл решил использовать свою популярность для создания лучшего мира.

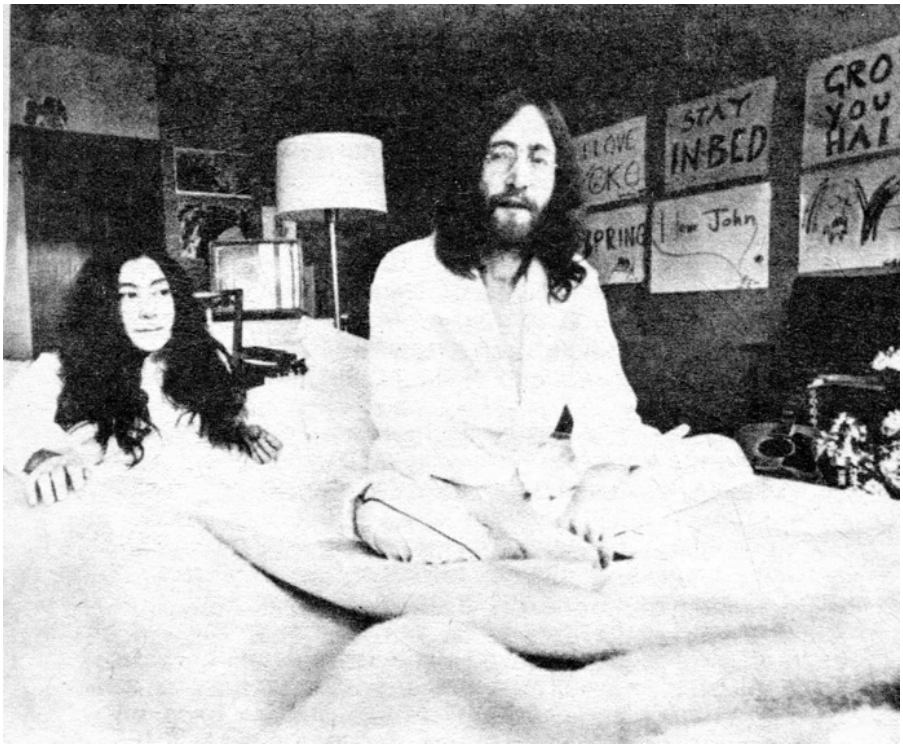
«Bed-In» («В постели») в номере 902 «Хилтона» было зачином кампании борьбы за мир, начатой Джоном и Йоко. «Идея публичной акции родилась у Йоко. За всем, что она делала, прятался специфический мотив. Имя ему — мир. Я пел о любви, что было всего лишь другим обозначением мира. Наша акция была акцией в стиле Йоко». (Джон Леннон, 1975 год).

Они пролежали в постели семь дней — с 25 по 31 марта. В отеле перебывали журналисты со всего мира. Некоторые из них были разочарованы, поскольку ожидали от оригинальной выходки чего-то более пикантного, чем борьба за мир. Это не подпадало под известные концепции, но в своих материалах они изрядно повеселились над выдумкой «этого непредсказуемого битла».

В одном из интервью того периода Джон сказал: «Йоко и я ничего не имеем против того, чтобы играть клоунов, если это принесет что-то хорошее. Знаю, что я — одна из этих самых „известных личностей“. Люди пишут обо мне по причинам, которые известны только им самим. Они пишут о том, что я говорю, а я говорю — мир…»

На упрек в экстравагантной расточительности (для своей акции супруги сняли самую дорогую «люкс-сюиту» в амстердамском «Хилтоне») Джон ответил:

«Людей волнует то, что мы выложили деньги для всего этого, демонстрируя за Биафру и прочее, куда, по идее, лучше было бы эти деньги послать. Но я это уже сделал. И впредь буду уважать этот вид человеческой взаимопомощи. Но это не решает проблему. В таком капиталистическом обществе, как наше, люди с деньгами могут сделать очень многое. А у нас есть деньги. Мы известны, и поэтому мы используем нашу славу и деньги для того, чтобы воспитать всё больше сторонников борьбы за мир».



Март 1969: первая акция за мир «Bed-In» в амстердамском «Хилтоне».

Это признание честно, в том нет сомнений. В то же время амстердамская акция служила вполне прагматической цели — отполировать поврежденный скандальными историями имидж Джона и Йоко.

31 марта оба покинули Амстердам и вылетели в Вену, где вечером по телевидению должна была состояться всемирная премьера их фильма «Rape» («Насилие»). После постельной акции внимание австрийской общественности было им обеспечено. На публике они появились, скрываясь в белом мешке. И только по их голосам можно было понять, что они сидят внутри.

На следующий день они вылетели в Лондон.

Все последующие недели также были отмечены лихорадочной активностью. Следующую авантюру «в постели» они собирались провести в Нью-Йорке. Приготовления к этому шли полным ходом.

22 апреля Джон и Йоко в сопровождении государственного

служащего поднялись на крышу здания «Эппл». Следуя всем правилам официальной церемонии, Джон переменил свое второе имя Уинстон на Оно.

8 мая Джон, Джордж и Ринго подписали договор с Алленом Клейном. Пол Маккартни отказался его подписывать.

16 мая стало известно о другом факте — акция «в кровати» не могла быть проведена в Нью-Йорке, поскольку американские власти отказали Джону в праве въехать в страну. Повод: имел судимость за нарушение закона о наркотиках. Пусть это и соответствовало правде, решающим здесь было намерение запретить Джону и Йоко их пацифистскую деятельность на территории Соединенных Штатов.

Провозгласив десятимесячную кампанию борьбы за мир (с конца марта по начало декабря 1969 года), Джон и Йоко провели в монреальском отеле «Королева Елизавета» свою вторую акцию «бед-ин».

В номере 1742 царила оживленная деятельность. Они давали интервью — для шестидесяти газет и радиостанций мира. В одном из них Джон сказал: «После нашей акции люди стали говорить о мире. Мы и хотели, чтобы молодые люди стали говорить об этом. Однако о насилии не может быть и речи, иначе это приведет к хаосу. Мы хотели подвигнуть их к тому, чтобы выйти на улицы и площади».

Джон и Йоко беспрерывно звонили по телефону со своей кровати, обрамленной белыми и розовыми гвоздиками. Им позвонили студенты из Беркли, которые собрались в парке на демонстрацию протеста против вьетнамской войны. Они хотели, чтобы Джон сказал им, как следует себя вести, если полиция начнет их атаковать.

Джон объявил о своей солидарности с ними и посоветовал не поддаваться на провокации.

По сравнению с амстердамской акцией Монреаль принес им полный успех. Им удалось с помощью средств массовой информации распространить свое мирное послание по всем свободным странам мира. Они перехитрили американские власти, ибо их голоса неслись из радиоприемников, их самих видели на телеэкранах и читали о них в газетах «избранной Богом страны».

Но Джону этого было мало. Не только сенсационными акциями он хотел умножить ряды борцов за мир. Он оставался Великим композитором, поэтом и певцом. Он не мог упустить шанс, который давал ему Талант, чтобы сказать людям о том, что считал себя обязанным сказать.

Он уже давно хотел сочинить песню, которая стала бы такой

же знаменитой, как, например, «We Shall Overcome» («Мы преодолеем»). Новая песня должна была стать еще более актуальной, чем вещь Пита Сигера.

22 мая он написал эту песню и впервые сыграл ее в предпоследний вечер монреальской акции собравшимся в комнате отеля друзьям. Уже в следующую ночь комната была переоборудована в студию звукозаписи восьмидорожечным записывающим аппаратом. Премьера состоялась.

Это была простая, но необыкновенно завораживающая мелодия. Ритм соответствовал маршу демонстрантов, текст выражал страстное стремление целого поколения к миру. Стихийность события — все, кто был в комнате в момент записи, образовали импровизированный хор, — лишила песню коммерческого оттенка.

Гости отеля из соседней комнаты были первыми, кому в уши ввинтился энергичный рефрен:

«All we are saying is give peace a chance…»

Песня «Give Peace A Chance» («Дайте миру шанс»), которая 4 июля вместе с композицией «Remember Love» («Вспомни о любви») увидела свет на новом сингле, достигла в Англии второго, а в США — лишь 14-го места в национальных хит-парадах.

И все же эта новинка обошла земной шар не как «вторая». Где бы ни собирались в те дни демонстранты — в Вашингтоне, Беркли, Западном Берлине, Лондоне или Токио, — всюду, где выступали за мир и уважение к правам человека, их сопровождала песня Леннона «Дайте миру шанс». Гениальное произведение стало гимном антивоенного движения.

15 ноября в Вашингтоне на улицы вышли полмиллиона демонстрантов, не желающих, чтобы их соотечественники проливали кровь во Вьетнаме и убивали людей только за то, что они пожелали стать свободными. Без конца над колоннами грохотало: «Дайте миру шанс!»

Во время концерта Боба Дилана под открытым небом на острове Уайт (1969).

Джон, который увидел все это по телевизору, тихо сказал: «Это был один из самых великих моментов моей жизни…»

Пытаться осмыслить действия Джона в период сольной карьеры только как стремление к миру значило бы пройти мимо реального положения вещей и не отдать должного противоречивости его натуры.

Джон чувствовал себя обязанным пацифизму и выступал за принцип ненасилия. Его вдохновляла жизнь таких борцов духа, как Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг. Леннон не был искушен в политике и слабо разбирался в глубинных причинах войн и социальной несправедливости. Он оставался поп-звездой, но уже пришел к убеждению, что мир должен быть изменен к лучшему. И он хотел сделать для этого всё, что мог. Его талант определял выбор средств.

При этом сугубо личные проблемы тесно переплетались с политической деятельностью. Иногда они даже сталкивались. Его жизнь и творчество дают тому немало примеров.

Джон все еще был под властью наркотиков, хотя пытался в одиночку освободиться от этого. Он дал привязать себя к стулу, получал еду и напитки — все, что хотел, только не наркотики. Но выдержал лишь тридцать шесть часов отчаянных мучений. Насильственный курс не решил проблему.

С большой надеждой он и Йоко ждали декабря — там, наконец, должно было осуществиться их самое страстное желание — рождение Их ребенка. Но в начале октября у Йоко опять произошел выкидыш. Это был удар, глубоко поразивший обоих.

Осень принесла с собой очередное крушение: вопреки стараниям Аллена Клейна «Северные песни» не дали прибыли.

Все, что делали Джон и Йоко независимо от «Битлз», неотвратимо углубляло пропасть между ними. Она становилась непреодолимой.

Следующий сингл, поступивший на рынок после «Дайте миру шанс», подарил миру песни «Cold Turkey» («Холодная Турция») и «Don't Worry Kyoko» («Не тревожься, Кьоко»).

Джон Леннон и Йоко Оно с ее пятилетней дочерью Кьоко (1969).

В «Холодной Турции» Джон описал свои мучения в момент «очищения» от наркотиков; в песне «Не тревожься, Кьоко» Оно пронзительными воплями жаловалась на то, что при разводе с Тони Коксом вопрос о ее дочери решился не в пользу матери.

«Холодная Турция» была энергичной песней-протестом против наркотического зелья. Она возникла на основе собственного печального опыта. Джон, которого часто критиковали за то, что он безответственным образом распевал о разноцветных чудесах наркотических джунглей, завоевал новой песней симпатии не только старшего поколения.

Thirty — six hours / Growing in pain
Praying to someone / Free me again
O I'll be a good boy / Please make me well
I'll promise you anything / Get me out of this hell…

Тридцать шесть часов / Извиваться в боли
Я молю хоть кого-нибудь / Освободи меня снова
Я хочу быть хорошим парнем / Пожалуйста, сделай меня здоровым
Я обещаю тебе всё / Вытащи меня из этой пропасти…

Самым высоким местом, которого достиг этот сингл, было 13-е.

Вскоре Джон попросил тетю Мэри вернуть ему орден, который по королевскому указу сделал его «Членом Британской империи».

Если бы она хоть отчасти предугадала скандальные намерения Джона, орден ни за что бы не очутился в его руках.

Но прежде чем мир узнал, что Леннон задумал сделать с королевской наградой, в свет вышел «Wedding Album» («Свадебный альбом»), который появился вскоре после их экстравагантной прогулки на Гибралтар. На стороне А только и слышно было, что бесконечное повторение имен Йоко и Джона. Сторона Б почти ничем не отличалась: странные шорохи, которые Джон записал в постели амстердамского отеля, интервью, объясняющее смысл их мирной акции. И на самом конверте, и внутри его фанаты нашли свадебные фотографии, факсимиле брачного свидетельства, вырезки из газет и на одном из снимков — кусок свадебного торта. Если не брать в расчет интервью, приложения и оригинальная упаковка были куда интереснее, чем пластинка.

26 ноября Джон написал письмо королеве Великобритании, которое на следующий день было опубликовано во всех газетах:

«Ваше величество,

в знак протеста против английского вмешательства в дела Нигерии-Биафры, против поддержки Америки во Вьетнаме и против недооценки „Холодной Турции“ в хит-парадах я возвращаю Вам эту MBE-медаль.

С любовью, Джон Леннон».

После акции «Bed-in» в Монреале интерес средств массовой информации к экстравагантным выходкам Леннонов ослаб. Джон

решился на возврат награды, чтобы вновь заставить о себе заговорить. И этот шаг принес ожидаемый эффект.

Журналисты повалили к нему толпами.

Дерек Тейлор, ответственный за рекламно-информационную службу, должен был употребить весь свой организаторский дар, чтобы внести в хаотичную толпу хотя бы видимость порядка.

Джон еще раз зачитал свое письмо к королеве перед телевизионными камерами. В заключение он использовал удобный случай для следующего заявления: «Этой акцией мне хотелось добиться паблисити для идеи мира. Я корчился от смеха всякий раз, когда видел „MBE“ на своей почтовой бумаге, поскольку не принадлежу этому миру. Полагаю, что истэблишмент хотел тогда купить „Битлз“. Праздничные награждения — чистая потеря времени и большей частью лицемерный снобизм, являющийся составной частью нашей классовой системы. Я принял награду лишь для того, чтобы сделать большое дело для „Битлз“, хотя из-за этого продал свою душу, но идея мира вновь выкупила ее. А то, что „Холодную Турцию“ я назвал на одном дыхании с Биафрой и Вьетнамом, то — о, боже мой! — „Keep smiling!“»

О том, какой эффект вызвала эта необычная демонстрация, дает понять письмо, посланное Джону английским философом и математиком Бертраном Расселом. В нем среди прочего были такие строки: «То, что пресса породила своей негативной реакцией, привело, я уверен, к главному: люди опять задумались о войне». В декабре Джон и Йоко продолжили свои акции с еще большими силами.

15 декабря вместе с «Пластик-Оно-Супергруп» (в ней участвовали Джордж Харрисон, Клаус Форманн, Билли Престон и Кит Мун) они дали лайф-концерт под эгидой ЮНИСЕФ — в помощь детям.

Через день после концерта они вылетели в Торонто (Канада), где стартовала масштабная «плакатная» акция. Во всех больших городах появились гигантские транспаранты с надписью:

«War Is Over! If You Want It. Happy Christmas From John And Yoko!» («Война миновала! Если ты этого хочешь. Пожелание счастливого рождества от Джона и Йоко!»).

Во время мероприятия «War is over» (рождественские праздники 1969 года).

Кроме того, у Леннона была идея, которую он развил на пресс-конференции в Центре науки в Онтарио: «Мы прибыли в Канаду, чтобы начать агитацию в пользу большого концерта за мир, который должен состояться с третьего по пятое июля следующего года в Моуспорт-парке, в Торонто. Это будет самый грандиозный музыкальный фестиваль в истории. Мы представим на сцене лучших…».

Этим концертом, который должен был затмить Вудсток, Леннон намеревался осуществить еще одну акцию в защиту мира. Во время выступлений музыкантов зрителям предполагалось раздать записки с вопросом: «Ты за войну или нет?». Джон надеялся таким образом, а также с помощью музыкальных журналов и других средств массовой информации собрать и послать в Вашингтон двадцать миллионов призывов за мир — записки, помеченные именами и адресами.

Эта идея, которой он посвятил не один месяц, так и не была реализована. По представлениям Джона, такой фестиваль должен был быть бесплатным, однако менеджеры думали иначе.

Все приготовления закончились телеграммой, отправленной организаторам фестиваля в марте 1970 года: «Прочтите еще раз Ваше сообщение. Вы сделали именно то, чего не должны были делать. Мы говорили, что это должен быть бесплатный концерт. С Вами и Вашим фестивалем нам теперь делать нечего. Не используйте, пожалуйста, для этого мероприятия ни наши имена, ни наши идеи и символы.

Джон и Йоко Леннон».

Кульминацией их пребывания в Канаде была почти часовая беседа 22 декабря с премьер-министром страны Пьером Трюдо, который проявил интерес к их акциям за мир и одобрительно высказался по этому поводу.

В Кенте перед Рочестерским собором 24 декабря состоялась акция «Set-in» за мир, против голода на планете. Джон и Йоко решили принять в ней участие, приехав на место встречи в собственном роллс-ройсе.

В тот день Джон вновь столкнулся с враждебным противодействием своей деятельности. Когда он выступал перед демонстрантами и говорил о голоде, его упрекнули в том, что об этом легко вещать, когда приезжаешь на митинг в роллс-ройсе.

Джон ответил: «А разве я должен обязательно приходить пешком? Люди, которые нас критикуют, тоже имеют автомобили. Если для дела мира они пожертвуют ими, я тоже отдам мой роллс-ройс».

А Мик Джеггер из «Роллинг Стоунз» публично высказался в

том смысле, что Джон неплохо зарабатывает на своих мирных акциях. Леннон отверг измышления — он не получает за это ни цента. Впрочем, нельзя спорить с тем фактом, что интенсивная работа прессы сослужила его имиджу хорошую службу, что отразилось на сбыте его пластинок. Приписывать же ему, что борьба за мир велась лишь с целью агитации за самого себя, было бы несправедливо.

Джон Леннон во время концерта в лондонском «Лайцеуме» (декабрь 1969), под белым покрывалом у его ног Йоко Оно.

Ленноны основали «Spirit-Foundation» — организацию, которая поддерживала деньгами различные гуманитарные акции. На счет этой организации они регулярно переводили часть своих доходов.

Фанаты по-своему определили эффективность их деятельности на благо мира. Это стало ясно после опроса, проведенного английским журналом «Диск энд Мьюзик Эхо»:

«Некоторые находят поведение Джона Леннона эксцентричным. Особенно с тех пор, как он познакомился со своей нынешней женой Йоко. Что Вы думаете по этому поводу?» — Такой вопрос адресовала редакция читателям.

Одна пятнадцатилетняя девушка ответила на это:

«Я считала его весьма эксцентричным, когда он женился на Йоко, но теперь мое мнение о нем изменилось. То, к чему он стремится, кажется мне наполненным смыслом».

Молодой шотландец написал в редакцию:

«Нельзя отрицать, что формы поведения Джона Леннона склоняются к неортодоксальным, но он-то как раз и не является ортодоксом. Это — честный, открытый христианин, в котором через край бьет страсть к миру, хотя многие непрочь распять его».

Девушка из Уэльса призналась:

«Он делает куда больше полезного, чем большинство политиков. По крайней мере, для того, чтобы добиться мира. А это лучше, чем просто сидеть и говорить о нем».

Впрочем, были и сомневающиеся. Шестнадцатилетняя девушка написала: «Мне бы очень хотелось понять, действительно ли серьезны его усилия в борьбе за мир, или это самодовольные причуды очень богатого и эгоистичного молодого человека».

Читатели журнала избрали Джона «Самым любимым Битлом», оказав ему честь, которой до сих пор удостаивался Пол Маккартни. Однако Леннон не был этому рад в полной мере. Слишком многое произошло в последние месяцы, что привело его к депрессии.

Во время пребывания Джона и Йоко в Дании у ее бывшего мужа Тони Кокса (конец декабря 1969 — начало января 1970), в «London Arts Gallery» были выставлены четырнадцать литографий Леннона. Через день после открытия выставки служащие Скотланд Ярда изъяли восемь произведений под тем предлогом, что они эротичны и безнравственны. Экспоненту была предъявлена судебная повестка, поскольку выставка не соответствовала закону 1839 года. Адвокаты Джона выступили в его защиту, утверждая, что эти литографии могут быть сравнимы

с такими же работами Пикассо.

Джон Леннон в 1970 году, на заднем плане с

завязанными глазами — Йоко Оно.

Опять назад, в Англию. В один из дней Джон сочиняет песню «Instant Karma» («Мгновенная карма») и записывает ее с Филом Спектором, который в то время взял на себя роль, подобную той, что у битлзов играл Джордж Мартин.

Весной обострились экономические противоречия между Джоном и Полом. Аллен Клейн, которому доверились Джон, Джордж и Ринго, то и дело сталкивался с Ли Истмэном, представлявшим интересы Пола. И хотя Клейну удалось договориться с «ЭМИ» о выгодном для «Битлз» договоре, проблема империи «Эппл» оставалась нерешенной. Неготовность к кооперации между двумя менеджерами затрудняла нормальные деловые отношения. Столь необходимые решения о декартелизации концерна «Эппл» и его финансовая санация не были осуществлены.

В творческом отношении у Пола и Джона больше уже не было ничего общего. Это видно по сольной пластинке «Маккартни», в процессе создания которой Пол использовал все стили (появилась 17 апреля 1970 года). Альбом содержал собрание любовных песен в старом битловском звучании.

Отход Джона от группы в результате его новых представлений, позиций и действий стал столь очевидным, что возвращение к старому было уже попросту невозможно. Он это ясно понимал. И Джоном овладела мысль сформировать под своим руководством новую группу — вместо «Битлз». Но это скорее был сентиментальный порыв, ибо уже несколько месяцев назад он публично заявил, что хочет окончательно покинуть ансамбль.

Последнюю черту подвел Пол Маккартни. Он позвонил Джону и сообщил: «Я делаю теперь то же самое, что ты и Йоко, — издаю альбом и покидаю группу». Ошеломить Джона это решение не могло, но он чувствовал себя глубоко уязвленным.

Леннон уединился. Даже Йоко не могла пробить эту самоизоляцию. Депрессия и пассивность осложнили их отношения. До сих пор их союз прибавлял ему сил и оживлял творческие потенции, теперь, казалось, он привел к стагнации. «Мы по двадцать четыре часа были вместе, мы начали подавлять друг друга», — говорил Джон об этой жизненной ситуации весной 1970 года.

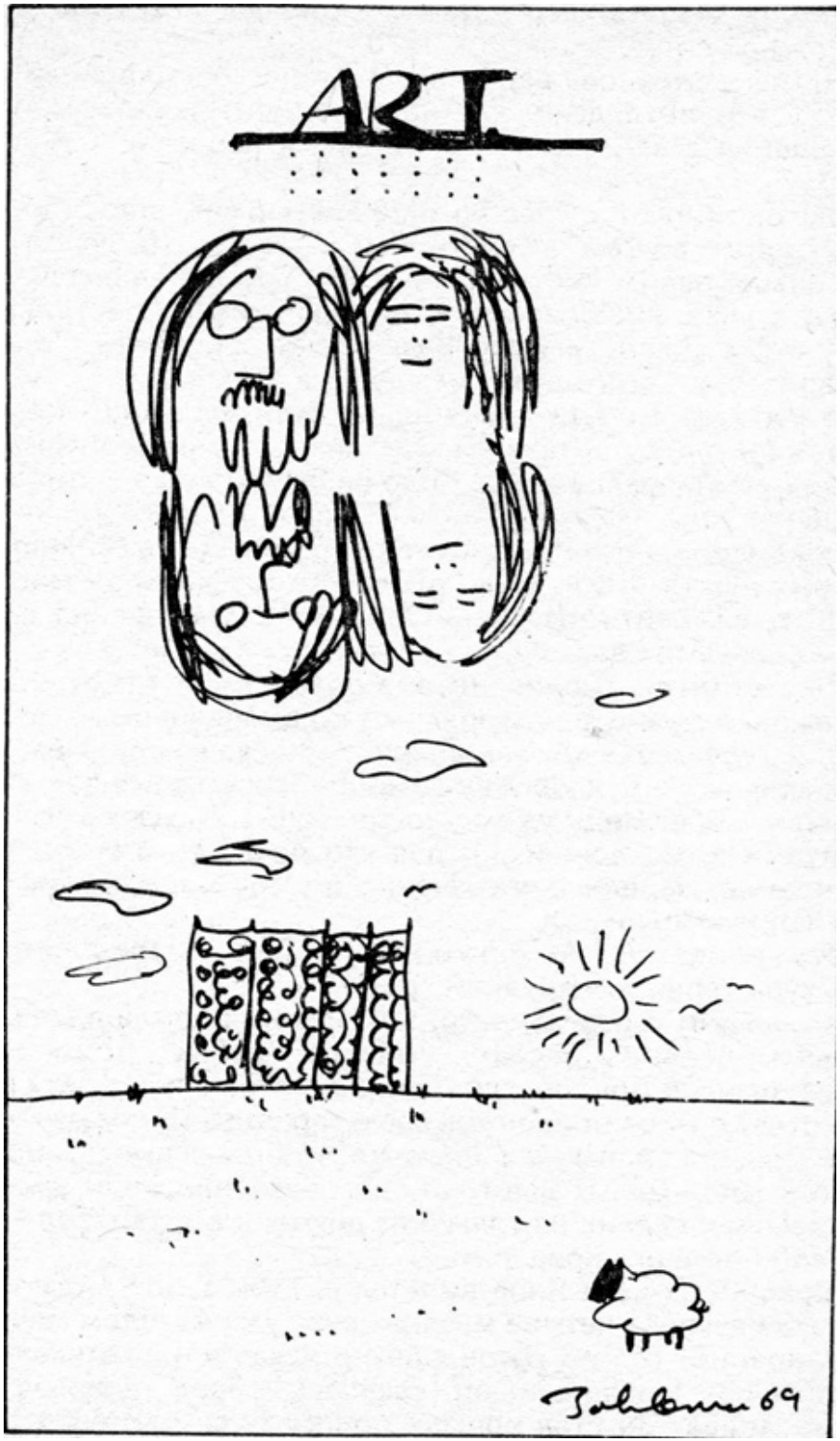

ART
69

Рисунок Джона Леннона для журнала «Disc and Music Echo», датируемый 1969 годом.

Активность вновь вернулась к Джону — по крайней мере так все выглядело. Он начал ремонтировать многие помещения в своем доме, и на время переехал с Йоко в отель.

Энтони Фосет, с 1968 по 1970 личный секретарь Леннонов, был их другом и советником в творческих делах. Он организовывал их выступления, сопровождал в поездках, а иногда даже вмешивался в личную жизнь. Постоянная близость к Джону и Йоко давала ему основания считать себя знатоком этого дуэта между 68 и 70 годами.

В своей книге «Джон Леннон — битл, художник, провокатор» он пишет: «Назад, в Титтенхерст они вернулись в полной самоизоляции. Это было реакцией на события прошедшего года, на постоянный диалог с прессой, на их мирные акции, поездки. Джон в то время еще не осознавал, что ему нужен кто-то еще, кроме Йоко, к кому он мог бы обратиться, найти отдушину. Мне было совершенно ясно, что их связь так дальше продолжаться не может».

Может быть, именно Энтони позаботился о том, чтобы однажды в руки Джона попала книга американского психолога Артура Янова «Древний крик». «Когда я ее прочел, она стала для меня, как колумбово яйцо. Это надо осуществить, сказал я себе. Ведь уже было так много ошибок — с наркотиками и Махариши… Я дал это почитать и Йоко. Она полностью разделила мое мнение, и тогда мы схватились за телефонную трубку…».

Янов приехал в Англию и начал с Леннонами собственный курс терапии «Древний крик».

С каждым в отдельности, в различных помещениях, он провел первые беседы. Вскоре после этого они отправились в Лондон, где Ленноны устроились в двух разных отелях. Янов продолжил свою терапию. Путем раздельного лечения он пытался добиться, чтобы каждый осмыслил самого себя. Целых два года они постоянно были вместе, что изолировало их не только от других, но и каждого — от его собственного прошлого.

В конце апреля Янов вылетел с ними в Лос-Анджелес, где в следующие четыре месяца лечил уже методом групповой терапии. То, что Джон тщетно искал в наркотиках и в медитациях Махариши, он, казалось, обрел теперь в лечении Янова. Он стал

больше понимать самого себя и не считал необходимым стыдливо скрывать чувства за маской цинизма и клоунады. «Я полагаю, что в начале этой терапии люди очень удивляются, что узнают о себе всё. В этой фазе думают: дружище, об этом определенно еще никто ничего не слышал. Это — гарантированное безумие, потому что ты переживаешь то, чего никто и не переживал… Я, как и прежде, нахожу терапию великолепной и очень не хочу, чтобы из нее опять получилось что-то вроде большого дела Махариши…» (Интервью Веннера). Сарказм последних слов не скрывает сомнений Джона и, возможно, желания сделать антирекламу «Древнему крику» мистера Янова.

Однако об эффекте терапии говорит следующий альбом Леннона.

Пластинка «Джон Леннон/Пластик Оно Бэнд», записанная в октябре, может быть, самая личная из всего, что он до сих пор делал. В этих песнях он воскрешает свое детство.

«Смерть моей мамы» — песня-траур по Джулии, кончину которой он так и не может постичь. Он открыто поет о сиюминутных жизненных обстоятельствах в зонге «Изоляция».

People say we got it made
Don't they know we've so afraid?
Isolation…
The world is just a little town
Everybody trying to put us down
Isolation…
We've afraid of everyone
Afraid of the sun
Isolation…

Люди говорят, что мы всего достигли,
Однако они не знают, сколько в нас страха.
Изоляция…
Мир — это маленький город,
где каждый пытается нас обворовать.
Изоляция…
Мы боимся всего,
мы боимся даже солнца…
Изоляция…

В «Working Class Него» («Герой рабочего класса»), которую Джон писал как революционный зонг, он на свой лад выражает собственную причастность к рабочему классу. Журналисту

Веннеру он сказал: «Я считаю концепцию этой вещи революционной. Надеюсь, она стала песней для рабочих, а не для шлюх и гомиков.

Также надеюсь, что она служит тому же делу, которому служит „Дайте миру шанс“… Я полагаю, что она — для людей из рабочего класса, будь он верхним или нижним. Все они должны быть включены в средний слой, или уже автоматически — через аппарат — в него втянуты. И это все, что я хотел сказать. Это мой опыт, который, надеюсь, станет предупреждением для людей».

Если не учитывать «Героя рабочего класса», альбом производил впечатление, что фаза активного включения в борьбу за мир была лишь коротким озарением, которое отныне погасло. Другие песни альбома наводили на мысль, что Леннон хотел бы отныне петь только о себе самом и своих проблемах, пусть и с небывалой до этого честностью.

Интервью Веннера устранило все сомнения. В нем Джон подвел решительную черту под отрезком жизни, который был озаглавлен как «Время „Битлз“». Одновременно он дал понять, что передумал о многом. Леннон заявил, что чувствует себя причастным к идеалам, которые все на этой планете называют миром и справедливостью. И, казалось, он готов немедленно присоединиться к борцам за эти идеалы.

Беседа не лишена противоречий, что не удивительно для импульсивного характера Джона. С одной стороны, будучи знаменитой поп-звездой, он хочет использовать все свое влияние, дабы привлечь под знамена борьбы с насилием как можно больше людей, с другой, утверждает, что никогда не передавал никаких посланий.

Текст предпоследнего зонга в этом альбоме звучит как кредо:

Бог — это мера,
которой мы измеряем нашу боль.
Это-то я и хочу вам сказать…
Я не верю в волшебство…
Я не верю в библию…
Я не верю в Гитлера.
Я не верю в Иисуса.
Я не верю в Кеннеди.
Я не верю в Будду.
Я не верю в «Битлз».
Я верю в себя.
В Йоко и себя.
Это — правда.
Мечта кончилась.

Я был моржом.
Теперь я — Джон.

Все, что Леннон говорил журналистам до того, было произнесено под влиянием внезапных мыслей, спонтанного, сиюминутного чувства. А нередко он утверждал что-то, чтобы достичь сенсационного эффекта.

В беседе с Веннером он был очень открыт, и от души говорил обо всем, что его волновало. Ему тридцать. Эпоха «Битлз» закончилась. Подводился итог.

Достигли ли они того, чего хотели? Изменили ли своими песнями мир к лучшему? Или все осталось по-прежнему?

Да, теперь ему было тридцать. А разве не он еще совсем недавно ревел на всю страну известный клич: «Не верь никому, кому за тридцать»?

Ему еще оставалось десять лет…

В стране неограниченной свободы

Джон объявил 1970-й «годом номер один» своей новой жизни. Этим он еще раз возвестил о завершении главы под названием «Битлз». Неудивительно, что интервью Веннеру, наряду со многими горькими истинами, содержало и преувеличения, и несправедливые оценки. Например, пассаж о том, что Брайан Эпштейн запихнул битлзов в костюмы и из четырех бунтарей-музыкантов сделал беззубый ансамбль.

«Прежде, чем мы в 1963 году поехали в большое турне по Англии, музыка уже умерла. Мы чувствовали себя обо….ными уже потому, что принуждены были сократить концерты с одного или двух часов до двадцати минут… И битлзы, как музыканты, умерли уже тогда. Поэтому в том качестве мы больше не прогрессировали…».

И это говорится так, как если бы не было таких великолепных дисков, как «Сержант Пеппер» или «Битлз (Белый альбом)»!

«Мой личный вкус отличен от того, что я принужден был иногда играть. Я хотел бы назвать это „проституированием“ — то, на чем мы делали деньги…».

Это звучит почти как самооговор и должно остаться без комментария. Чтобы легче оторваться от недалекого прошлого, Джон не оставил камня на камне от группы, Пола, Джорджа и Ринго, а также от себя самого.

2 марта 1971 года Пол Маккартни добился победы над своими бывшими партнерами по группе. В результате почти трехмесячного слушания дела лондонский суд вынес решение отстранить Аллена Клейна от дел. Ведение всех операций предприятия «Эппл» было поручено Джеймсу Дугласу Спунеру.

Поступил в продажу записанный в феврале и дополненный в начале марта вокальными партиями сингл «Power To The People» / «Open Your Box» («Власть — народу» / «Открой свою коробку»).

Уже само оформление конверта броско провозглашает изменение позиции Джона. Он и Йоко красовались на обложке в военной форме с поднятыми кулаками. Если сравнить, например, тексты песен «Дайте миру шанс» с «Власть — народу», то перемена ленноновских взглядов станет видна более отчетливо. «Власть — народу» — это почти агитационно-пропагандистский зонг, которым автор встал на сторону леваков анархо-маоистского толка — тех, что прежде атаковали его за «контрреволюционное» содержание «Революции».

В первых же фразах, после восьмикратного повторения звучащей, как лозунг, строки «Власть — народу!» Леннон

декларирует:

> Вы говорите, что хотите революции.
> Так с этого и надо было начинать.
> Ну же, вставайте, выходите на улицы!

И если в «Дайте миру шанс» Леннон причисляет себя к массовому пацифистскому движению и обращается ко всему обществу, то текстом новой песни открыто солидаризуется с рабочим классом.

Его пацифистские позиции, казавшиеся такими принципиальными, поколеблены. Он не мог не реагировать адекватно на то, что справедливые социальные требования рабочих, протесты студентов против военных действий во Вьетнаме и акции цветного населения в защиту своих прав вызывали у власть предержащих приступы необузданного насилия.

Напрашивался вопрос: позволит ли себе это общество измениться с помощью воззваний к миру и призывов любить друг друга? Ответ, который отчеканил смысл песни «Власть — народу», гласил: «Без борьбы не приходят к власти. Потому что они, если дело дойдет до настоящего „хик-хака“, никогда не допустят к власти народ. Он только и получит, что право плясать под их дудку. Другого ответа я не знаю».

Power To The People (1971) — Джон Леннон и Йоко Оно в военной униформе.

Левой газете «Red Mole» Джон сказал:

> «Я вижу, что мы все угнетены, и поэтому хочу что-то сделать против этого. Хотя мне не совсем понятно, где при этом должен находиться я сам».

Английская пресса провозгласила, что отныне Джон Леннон перешел на левоэкстремистские позиции. Реакция Великого Битла дает понять, что при всем признании дела мира и солидарности с различными группировками его личная позиция была довольно путаной:

> «Они нападают на меня за то, что я требую власти

для народа и говорю, что никакая группа не должна обладать ею. Бессмыслица! Народ — это не группа. Народ — это каждый. Я придерживаюсь взгляда, что каждый человек имеет равные права на владение и что сам народ должен иметь долю в предприятиях, должен решать, кому быть боссом и кто что должен делать. Ученики должны иметь возможность сами выбирать своих учителей. Это было бы что-то вроде коммунизма, но я не знаю точно, что такое настоящий коммунизм. В мире нет подлинного коммунизме. В России, например, его точно нет. Социализм, о котором говорю я, возможен в Англии, но не там, где его практикуют несколько повернутых русских. Мы хотели бы иметь здесь хороший социализм. Британский социализм».

Песня «Открой свою коробку», которую сочинила Оно, не могла появиться в США, ибо с полным правом была бы воспринята там как призыв к безудержной половой вакханалии. В Америке на стороне «Б» нового сингла была отпечатана песня «Touch Me».

Почему Джон состыковал политически веский зонг «Власть — народу» с безответственной и спорной «Открой свою коробку», необъяснимо. Многие полагают, что скандалом вокруг последней Леннон хотел привлечь внимание к первой.

6 июня обоих видели на сцене «Fillmore East» в Нью-Йорке, где они без всякой рекламы выступили после концерта группы «Mothers of Invention». Они исполнили песни «Well», «Baby, Please Don't Go», «Aii», «Jamrag» и «Scumbag».

К этому времени полностью окрепло их желание переехать на некоторое время в Нью-Йорк. Манили возможности сотрудничества с первоклассными студийными музыкантами, которые обитали там. Привлекала и перспектива анонимно и спокойно пожить в бурлящем многомиллионном городе.

Но прежде Джон вернулся в Титтенхерст-Парк, чтобы начать работу над новым альбомом, который стал важной вехой на пути его сольной карьеры. Восемьдесят процентов песен на диске «Imagine» («Представь себе») Джон записал в течение семи дней в своей студии.

На завершающем этапе работы он вылетел в США, чтобы перетасовать пленки вместе с Филом Спектором. Незадолго до выхода диска Леннон представил его журналистам на пресс-конференции. То, что он сказал, многим показалось хвастовством:

«Это действительно лучшее из того, что я до сих пор сделал. Это фантастично. Альбом вам докажет. В нем, в

отличие от предыдущей пластинки, не так много личных вещей. Я многому научился, и мой новый альбом лучше во всех отношениях. Я счастлив по-настоящему…».

«Представь себе» появился в октябре 1971 года. В одноименной титульной песне Джон пел о своем видении справедливого мира без насилия. Музыка была мелодичной, тихой, ласкающей слух. Общее впечатление, которое создавал альбом, как раз и можно было выразить словом «мягче». Этому помогали любовные песни, такие, как «Oh, My Love» («О, моя любовь»), «Oh, Yoko» («О, Йоко») и песня «Jealous Guy» («Ревнивый парень»), в которой он просит прощения у всех, к кому бывал несправедлив. В других вещах звучат общественно-критические ноты. В «I Don't Want To Be A Soldier» («Я не хочу быть солдатом») он выступает с открытым забралом против мещан и приспособленцев; в «Give Me Some Truth» («Скажи мне правду») нападает — впрочем, без особой агрессивности — на политику президента Никсона. Но на этой пластинке можно было услышать и злобные нотки.

Песней «How Do You Sleep» («Как тебе спится») он язвительно посмеивается над Полом Маккартни. С намеком на слухи, согласно которым Пол умер, Джон пел: «Сплетники правы, когда они говорят, что ты мертв…».

Все это, впрочем, не противоречит главному: Джон периода «Представь себе» нежнее и мягче, чем когда-либо прежде. Но значило ли это, что он отказался от политики?

Представь себе: нет больше стран.
Это не так уж и трудно.
Нет ничего, за что надо убивать или умирать.
И никакой религии.
Представь себе: все люди
Живут в мире своей жизнью.
Представь себе: нет собственности.
Я не хотел бы удивляться, если ты можешь это представить.
Нет причины для жадности или голода.
Все люди — братья…

Мягкость, которая «пронизывала» альбом, была точно выверенным шагом Джона, что и подтверждается следующими его словами:

«„Представь себе“ — как песня, так и весь альбом — это то же самое, что „Герой рабочего класса“, „Мать“ и „Бог“ на первой пластинке. Но та была слишком реалистичной для людей, и они ее не покупали. „Представь себе“ исповедует то же самое, но с сахарной глазурью. „Представь себе“ стала хитом почти везде — антирелигиозным, антинационалистическим, антибанальным, антикапиталистическим — но сахарная глазурь сделала его приемлемым. Теперь мне ясно, что надо делать. Надо сдабривать политические послания ложкой меда».

О том, что его догадка попала в точку, говорят высокие доходы и лучшие места в хит-парадах. По меньшей мере за месяц в США было продано свыше 1,2 миллиона экземпляров альбома. В конце октября «Представь себе» достигла первого места и держалась в списках хит-парадов тридцать недель.

В Англии диск был среди лучших десяти альбомов восемнадцать недель и пятьдесят семь недель утверждал себя в других хит-парадах. В общей сложности за три месяца Джон получил за него три «Золотых диска». Ряд специальных журналов провозгласил «Представь себе» альбомом года и подтвердил реноме Джона как БЫВШЕГО битла.

Многие фанаты восприняли его решение жить в США как противоречие, заключенное в себе самом.

Правительство Никсона всей своей мощью поддерживало кровавые диктатуры в Латинской Америке и других частях света, вело войну против народа Вьетнама, подавляло движение за гражданские права в собственной стране.

Что же так тянуло туда Джона Леннона? Чего ждали муж и жена, покинувшие Англию в сентябре 1971 года?

Когда Веннер спрашивал Леннона о его отношении к Америке в декабре 1970 года, тот сказал: «Я люблю и ненавижу ее. Америка — это абсолютная кульминация. Я бы охотно родился в Нью-Йорке, я бы охотно родился в Виледже (квартал искусств в Нью-Йорке, Р.Б.). Почему я там не родился? В XVIII веке это могло быть Парижем. Лондона же, я полагаю, никогда и не было, кроме как в литературе, а была дикая пустошь и трущобы или как там еще, и там кто-то жил.

Нью-Йорк — вот это дело!

Я очень глубоко сожалею, что я — не американец и не родился в Гринвич Вилледже. Там я мог бы жить… Все люди стремятся к центру, поэтому я здесь. Я здесь, чтобы дышать воздухом этого города».

Но тут же он признался Веннеру: «…Это пугает меня. Люди так агрессивны, а я это не выношу. Мне надо домой, я должен видеть зеленую траву…»

В основе решения ехать в Нью-Йорк лежали и другие мотивы. Йоко, которая прожила пятнадцать лет в Нью-Йорке, прежде чем переехала в Лондон, к городу на Гудзоне испытывала больше симпатий, чем к городу на Темзе. К тому же она надеялась, что за родительские права по отношению к дочери ей легче будет бороться в Америке.

Джону же хотелось даже географически отдалиться от своего битловского прошлого. Он чувствовал, что Нью-Йорк теперь более благоприятен для его творчества. Обоих манила перспектива свободного, почти необременительного передвижения на глазах людей в миллионной метрополии. Здесь они могли спокойно, не обнаруживая себя, посещать парки, кино, кафе и театры.

Прощание Джона со «старой доброй Англией» облегчалось политикой британского правительства по отношению к Северной Ирландии. Он понимал, что усиление там английских войск и создание лагерей для интернированных сторонников «Ирландской республиканской армии» ведет к дальнейшей эскалации насилия.

Через несколько дней после прибытия в Нью-Йорк Джон сказал Рэю Кулеману: «Этот город — Рим сегодня. И в нем есть что-то от Ливерпуля. Если бы я жил в прежние времена, то выбрал бы Рим или Париж или жил бы где-нибудь на Востоке. Я всегда с удовольствием там, где есть „экшн“. Семидесятые годы принадлежат Америке».

В доме номер 105 по Бэнк-стрит, в квартале искусств Гринвич Вилледж, они сняли очень простую квартиру из двух комнат, скромно обставили их. В качестве брачного ложа им служили два матраца, лежавшие прямо на полу и укрытые американскими флагами. Пианино в доме было. Они купили велосипеды и разъезжали по улицам без страха быть узнанными фанатами — удовольствие, которое в Англии они себе позволить не могли.

В Нью-Йорке, на Бродвее, 1700, находилась контора «Эппл». Здесь Джон в первые недели часто встречался с Алленом Клейном. Тот хоть и был усилиями Пола Маккартни отстранен от руководства, но все еще располагал местом и голосом в качестве менеджера Леннона, пользуясь его неограниченным доверием. Клейн воспринимал политические амбиции патрона как ущерб для прибыли, но это не мешало им вместе строить планы и разрабатывать стратегию работы в США.

Во время раздачи автографов на презентации книги Йоко Оно «Grapefruit».

Вскоре Джон и Йоко познакомились с Дэвидом Пилом, который в художественных кругах Нью-Йорка считался уникумом. Целый год, каждое воскресенье, он давал на площади Вашингтона в Гринвич Вилледже бесплатные концерты вместе с группой «David Peel And The Lower East Side».

Пил исполнял песни, в которых на все лады расхваливал марихуану, проповедовал свободную любовь и призывал к уклонению от службы в армии США путем дезертирства. В 1969 и 1970 годах он сочинил несколько известных хитов, но всегда был верен принципу — концерты давать только беззозмездно. Пил говаривал: «Ни один рок-музыкант не заплатил ни цента за то, чтобы видеть публику; почему же публика должна платить за желание видеть рок-музыканта?».

Джон чувствовал духовное родство с Пилом. Он тут же постарался, чтобы «провокационная» песня «The Pope Smokes Dope» («Римский папа курит марихуану») была издана в «Эппл». Конечно, зонг был немедленно запрещен в США как оскорбительный для его святейшества.

Согласие Леннона и Пила зашло так далеко, что они вместе создали «Rock Liberation Front». Они поставили, как скоро убедились сами, утопическую цель — противостоять распродаже рок-культуры.

В начале декабря 1971 года на глаза Джону попалось письмо читателя, направленное ему и Йоко и опубликованное в «Мелоди Мейкер»:

> «Мы тебя любим, и если завтра всех рок-звезд до единого поставят к стенке, ты будешь тем, кого мы спасем.
>
> Аллен Клейн, может быть, и чудесный человек, но когда речь идет о продаже пластинок, он тоже чистой воды капиталист, который зашибает на этом, сколько может. „Эппл“ могла бы стать прекрасной фирмой, но единственное, что нам нравится, — ее пластинки становятся все короче…
>
> Вспоминаешь ли ты о днях, когда радовался, если сделаешь пластинку за месяц? Для нас это — высшее достижение. „Власть — народу“ — это прекрасно, но только каким именно людям? Мы были Фанатами „Битлз“, это все так, вот только не знаем — твои ли мы фанаты? Пожалуйста, дорогой Джон, избавь нас хотя бы на некоторое время от публичных придирок к Полу и лучше объясни нам, что означает „Rock Liberation“ в

мире, где искусство и деньги повязаны друг с дружкой…»

В ответном письме Джон соглашался, что «Эппл» — действительно капиталистический концерн, но нет другого пути «обеспечить людей нашей продукцией», и мужчины вроде шефа рекламного отдела «Эппл» и Аллена Клейна должны вносить в «это дело» свой вклад. Леннон заявил, что он и Йоко неустанно борются за освобождение политических заключенных, причем не только словами, но и финансами.

Атмосфера Нью-Йорка побуждала Джона к творчеству. Все, что его окружало, стимулировало работу мысли, требовало участия в политических акциях.

В конце октября Ленноны вместе с Гарлемским хором записали песню «Happy Xmas / War Is Over» («Счастливое Рождество / Война кончилась»), которая с опусом Йоко «Listen, The Snow Is Falling» («Слушай, как падает снег») появилась на сингле в США незадолго до рождества 1971 года. Это был явный протест против войны во Вьетнаме.

Новым поводом для участия в политической манифестации стало для Леннонов кровавое подавление мятежа заключенных тюрьмы в Аттике.

Еще через четыре недели они выступили в Энн Або (Мичиган) — на бенефисе в честь писателя Джона Синклера, который был осужден к десяти годам тюремного заключения, как утверждалось, за нарушение закона о наркотиках (у него обнаружили сигареты с марихуаной).

К тому времени Джон временно подпал под влияние Джерри Рубина и Эбби Хофмана, которые хотели радикальными средствами дать толчок выдохшемуся движению хиппи, для чего основали «Youth International Party».

Леваки полагали, что сумеют перевернуть вверх дном «тухлую» среднесословную Америку, едва лишь все начнут без передышки смолить марихуану, спать с кем попало да слушать рок-н-ролл. На Джона притягательно действовали не только цели, но и методы Рубина—Хофмана, которые мало чем отличались от политической клоунады. Так, на партийном съезде демократов в 1968 году, где выдвигали кандидатов в президенты, они публично предложили свинью.

Оба, несомненно, хотели использовать популярность Леннона. Они даже запланировали концертное турне по США, которое должно было закончиться супер-спектаклем. Джон заявил о своей готовности, однако неспособность «вождей» к мало-мальской организованности начисто провалила затею.

5 февраля 1972 года в числе четырехсот других демонстрантов Ленноны выступили перед зданием Британского авиационного общества против террора английских солдат в Северной Ирландии.

Очевидно, чуть позже произошла встреча Джона и Анджелы Дэвис — американской общественной деятельницы, боровшейся за гражданские права, которую никсоновская юстиция пыталась заставить замолчать при помощи обвинений, шитых белыми нитками. Джон был восхищен личностью, мыслями и мужеством молодой женщины.

Все эти факты власти регистрировали с большим подозрением. Чтобы выпроводить Леннона из страны, представители администрации Никсона направили материал в соответствующую службу.

Джон, находившийся в США по туристической визе, действительной с 1 июня 1971 года по март 1972 года, не без оснований опасался, что его немедленно вышлют по истечении срока. За несколько недель до этого Леннон советовался с нью-йоркским адвокатом Леоном Вайльдесом, пытаясь найти выход. Как и прежде, иммиграционные власти в качестве повода для высылки выдвигали факт судимости Джона за хранение наркотиков в Англии.

Но уже ни для кого не было секретом, что политически активный экс-битл был как бельмо на глазу у официального Вашингтона.

В федеральной столице существовал подкомитет по вопросам безопасности — пережиток пятидесятых годов, когда фанатичный антикоммунист Маккарти начал свою знаменитую «охоту на ведьм». В то время, как Джон обсуждал со своим адвокатом контрмеры против высылки, обскурантистский подкомитет лихорадочно стряпал бумагу против Великого Битла, которая в качестве меморандума была направлена правому сенатору из Южной Каролины Строму Зомонду. Документ содержал детальные доклады о всех акциях, в которых участвовал Джон, и список левых интеллектуалов, с которыми он имел дело.

Позже Леон Вайльдес так прокомментировал деятельность комитета по расследованиям против его знаменитого доверителя:

> «Без сомнения администрация Никсона на самом высоком уровне интересовалась тем, что делал Джон Леннон».

То, что ФБР и ЦРУ прослушивали его телефон и беспрерывно следили за ним, установлено документально.

«Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью, в которой

утверждается, что «случай Джона Леннона» не имел к наркотикам никакого отношения, а был откровенной политической аферой. Среди прочего там напечатали: «Из правительственных документов, которые защитник мистера Леннона Леон Вайльдес получил из рук в руки, со всей очевидностью вытекает, что сенатор Стром Зомонд написал 4 февраля 1972 года личное и доверительное письмо тогдашнему министру юстиции Джону Н. Митчелу, в котором подчеркивает, что можно избежать головной боли от многих неприятностей, если принять меры против мистера Леннона. К письму Зомонда была приложена информация для служебного пользования, составленная на основании актов внутрисенатского подкомитета по вопросам безопасности. В ней утверждалось, что группа заинтересованных лиц готовилась к поездке в Калифорнию, чтобы воспрепятствовать партийному съезду республиканцев. Из доверительных источников известно, говорилось далее, что деятельность группы финансировалась Джоном Ленноном. Во втором „домашнем сообщении“ было заявлено, что лидеры радикально настроенных „Новых левых“ намереваются использовать мистера Леннона в качестве гвоздя программы очередного рок-фестиваля, политическая цель которого — кампания под девизом „Долой Никсона!“

В качестве стратегической меры предлагалось не возобновлять Джону Леннону визу на пребывание в США».

Как и следовало ожидать, в марте от него потребовали немедленно убраться из Америки. И лишь благодаря тому, что Йоко Оно оказалась втянутой в сложный процесс о родительских правах на свою дочь, Леону Вайльдесу удалось добиться для Джона двухмесячной отсрочки.

Но уже через пять дней после гарантированного продления визы по указанию высших правительственных инстанций последовало опровержение.

16 марта был возбужден официальный процесс о высылке Леннонов за пределы государства. Руководитель нью-йоркского иммиграционного ведомства добавил в этой связи, что он получил конкретные указания «с самого верха». Ему даже передали точный срок начала акции против Джона.

И хотя Леннон испытывал от всего этого немалое раздражение и чувствовал себя неуверенно, первые две декады марта он интенсивно работал над чрезвычайно актуальным в политическом отношении двойным альбомом «Some Time In New York City» («Когда-то в Нью-Йорке»). В апреле он взял слово на митинге протеста против варварских бомбардировок мирных деревень и городов во Вьетнаме американскими военно-

воздушными силами.

Джон получал поддержку от демократически настроенной общественности. Его сторону брали видные политики. Например, мэр Нью-Йорка Джон Линдсэй направил письмо в иммиграционное ведомство, требуя прекратить процесс о высылке Джона. В этом послании он констатировал, что истинным поводом для изгнания музыканта является не английская судимость, а только то обстоятельство, что Джон и Йоко не боятся говорить во весь голос по поводу происходящих событий.

Когда же в июне вышел новый альбом, атаки на Джона приняли угрожающий характер.

Незадолго до того он сам подлил масла в огонь, выступая в «Dick-Cowett-Show». После исполнения песни «Woman Is The Nigger Of The World» («Женщина — это всемирный негр») он заявил перед микрофонами и телекамерами, что его преследуют правительственные функционеры, а его телефонные разговоры прослушиваются.

Двойной альбом «Когда-то в Нью-Йорке» поступил в продажу. В его стихах прямо и без «сахарной глазури» раскрывались политические взгляды Джона Леннона. Стороны 1 и 2 альбома состояли из песен, рассказывающих практически обо всех политических акциях, в которых он принял участие, находясь в США. В зонге «Женщина — это всемирный негр» Джон встал на защиту движения за права слабого пола. Поскольку в тексте, как и в самом названии, прозвучало слово «Nigger», многие американские радиостанции бойкотировали произведение, явив пример неприкрытого лицемерия.

Песней «Attica State» («Штат Аттика») он заступился за узников, которые бунтовали в тюрьме против условий, оскорбляющих достоинство человека.

Двумя вещами «Sunday, Bloody Sunday» («Воскресенье, кровавое воскресенье») и «The Luck Of The Irish» («Ирландское счастье») он выразил протест против образа действий британского правительства в Северной Ирландии, присоединившись к движению за независимость этой республики. В Англии эти две песни настроили многих против автора.

В «Джоне Синклере» говорилось о судьбе писателя, которого посадили на десять лет из-за двух сигарет с марихуаной.

«Анджела, они бросают тебя в тюрьму. Анджела, они расстреляли твоего мужа. Анджела, ты одна из миллионов политических заключенных в этом мире…» — пел Джон в зонге «Анджела».

В качестве продюсера записей на этих сторонах альбома

выступил Фил Спектор, инструментальную музыку вместе с «Пластик Оно Бэнд» исполнила андеграунд-группа «Elephant's Memory».

На третьей стороне альбома была представлена запись одного из концертов; на четвертой — лайф-фрагмент из выступления Леннонов на Филлмор-ист.

Альбом не стал очередной победой. Критики не без основания упрекали Джона за поверхностность и плакатность политических текстов. Враги возмущались тем, что он, якобы, признает насилие. Наивысшей позиции, которой альбом достиг в хит-параде, было 48-е место. Поэтому ничего не было удивительного в том, что альбом обанкротился.

На этом примере Джон еще раз убедился, как сильно он зависим от законов капиталистического шоу-бизнеса, нравится ему это или нет. Позднее он несколько отошел от этих дисков:

> «Это было, когда я делал так называемые „политические песни“. Вряд ли они принадлежали к разряду лучших, поскольку я не слишком много над ними работал. Хотелось написать о том, что говорят люди. И в этом — моя ошибка. Ведь получилось, что я не писал о том, что думаю сам. В песне „Дайте миру шанс“ такой прием сработал, здесь — нет… Эта фаза почти разрушила достигнутый прежде успех. Там не было больше поэзии, там была чистая журналистика. Но ведь в основе-то я — поэт…».

Травмированный критическими атаками и непривычно плохой распродажей пластинок, Джон принялся размышлять о будущем. После эйфории от политических вылазок левых группировок наступило отрезвление.

Администрация Никсона задавила репрессивными мерами демократическое движение в стране.

У Джона, который чутко, как сейсмограф, реагировал на политические колебания, начался период пессимизма, отречения, покорности судьбе. Он потерял ту гражданскую уверенность, которой был отмечен последний альбом.

И в том, что касалось его пребывания за океаном, неуверенность развивалась по возрастающей. Это была борьба, которая изматывала нервы, борьба, исход которой нельзя предугадать. Избавиться от неуверенности не помогала и деятельность Леона Вайльдеса, который всякого рода юридическими уловками добивался отсрочки высылки.

Дополнительное беспокойство в жизнь Леннона вносил лондонский процесс между «Северными песнями» и «Маклен

Мьюзик», где речь шла об очень больших деньгах. На кон были поставлены его права на песни, написанные с 1965 года.

На нервы ему действовала и бесконечная борьба Йоко за свою дочь. И хотя матери были возвращены родительские права, Тони Кокс скрылся вместе с Кьоко, полагая, что Ленноны не смогут дать девочке порядочное воспитание.

Вопреки всей тяжести обстоятельств Джон старался не забывать о своем реноме, стремясь загладить плохое впечатление от альбома «Когда-то в Нью-Йорке». Он хотел позитивно повлиять на иммиграционные власти. 30 августа 1972 года Ленноны дали благотворительный концерт в «Мэдисон-Сквер-Гардене», доход от которого пошел детям-инвалидам. В концерте вместе с ними участвовали Стиви Уандер и Роберта Флэк. Представление принесло полтора миллиона долларов, причем один лишь Джон заработал 60.000. Нельзя утверждать, что Леннон присоединился к акции лишь с целью укрепления пошатнувшегося имиджа. Но нельзя сбросить со счетов и то, что этот аспект был им учтен.

Такой же двойной эффект — честная помощь и «полировка» несколько потрепанного имиджа — был заложен и в их выступлении в шоу Джерри Льюиса 6 сентября 1972 года. Зрителей этой популярной передачи призвали к благотворительным акциям в помощь больным мышечной атрофией.

Неуверенный, раздраженный, подавленный, Джон «спасался» алкоголем и марихуаной. На последнее адвокат Леон Вайльдес реагировал весьма неодобрительно. Ведь если бы во время домашнего обыска полицейские нашли наркотики, Джона выставили бы за пределы страны немедленно.

«1972 год был действительно плох для меня. Все время надо было ходить по судам. Это стало чем-то вроде зубной боли, которая никак не хочет прекратиться. К тому же я просто ничего не мог делать. Меня бесило, что приходилось постоянно быть под контролем, слежкой, наблюдением», — говорил Джон позднее.

1973-й начался с перемен.

Ленноны отказались от квартирки на Бэнк-стрит в Гринвич Вилледже и переехали в фешенебельные апартаменты Дакоты — в дом на углу «Central Park West» и «West Seventy Second Street». Дакота была известна не только тем, что здесь жили многие знаменитости. Роман Полански снимал в этом здании свой фильм ужасов «Ребенок Розмари».

Апартаменты Великого Битла состояли теперь из четырех спален, столовой, специальной комнаты для сервировки блюд. А еще тут были большая кухня, множество разных комнатенок и ванных.

Переездом в Дакоту Джон как бы заявил о твердом намерении надолго обосноваться в Штатах. Январь и февраль прошли под знаком обустройства нового жилища — Ленноны покупали мебель и вели ремонт помещений.

Но хотя Джон и был в восторге от новой квартиры — особенно нравился ему вид на Центральный парк — покоя он не обрел.

В марте они отправились на Западное побережье, как раз в то время, когда в Нью-Йорке прошло очередное судебное заседание. Вайльдес представлял на нем интересы Джона. И то, что адвокат сообщил ему после слушания, не принесло большой радости: Йоко получила разрешение на длительное пребывание в Америке, Джону же было предписано покинуть страну в течение шестидесяти дней.

Тогда он послал прошение королеве Елизавете Второй, обратившись к «матери народа» с просьбой аннулировать монаршим указом его судимость. Биографы умалчивают, читала ли королева это письмо. Чиновник из Букингемского дворца сухо сообщил Джону, что королева не готова удовлетворить его просьбу.

Пока Леон Вайльдес предпринимал попытки обжаловать судебный приговор, Джон готовил материал для новой пластинки, которой хотел изменить нелестное мнение о своем творчестве последнего периода.

Однако ранним летом 1973 года на Джона обрушился новый удар: истек срок контракта, который он вместе с Джорджем и Ринго заключил с Алленом Клейном и его фирмой «АВСКО».

Договор не мог быть продлен, поскольку запросы музыкантов не устраивали бизнесмена. Мало того, Клейн, мытый во всех водах, предъявил Леннону иск на 508.000 долларов в качестве возмещения убытков — за, якобы, невозвращенный Джоном аванс. Адвокаты потирали руки: началась новая череда процессов.

В сентябре Джон пришел в «Records-Plant-Studios» в Нью-Йорке и записал титульную песню к новой пластинке «Mind Games» («Игры ума»). Студийные музыканты, которых он собрал для записи, выступили под названием «The Plastic U.F.Ono Band».

В том же месяце в Англии был подписан договор о купле-продаже недвижимости, согласно которому британская резиденция Джона в Титтенхерсте поменяла своего хозяина. Покупателем был Ринго Старр. Джон сжег последний мост, связывавший его с родиной.

Альбомом «Игры ума» Леннон вернул себе расположение публики. Все было, как с диском «Представь себе», — его любили, когда он пел о любви. Публика принимала мир, который он

нарисовал ей в песне «Nutopian International Anthem» («Международный гимн ньютопистов»). «Новая утопия» — государство без границ и паспортов — должна быть отдана людям, как Джон сообщил в комментарии к «беззвучной песне» (30 секунд тишины) на внутренней стороне конверта. Другими песнями Леннон дал понять, что вновь хочет осмыслить свой внутренний мир. В «One Day (At The Time)» («Однажды») он объявил, что каждый день хочет жить для себя, потому что это хорошо; в блюзе «Aisumasen (I'm Sorry)» («Извини») он опять признавался в глубокой любви к Йоко.

Альбом принес Джону финансовый успех. Уже через две недели после выхода в США — 30 ноября — «Игры ума» были отмечены золотым диском. В хит-параде пластинка заняла 9-е место. А в Англии она продвинулась еще на три позиции выше. Но когда диск увидел свет и получил свою порцию оваций, Джона уже не было в Нью-Йорке. Более того — его не было даже рядом с Йоко Оно…

«Потерянный» уик-энд в Лос-Анджелесе

Упорные бои, которые Джон вел со своими проблемами, не могли не сказаться на его отношении к жене. Все пять предыдущих лет они были, как единое целое, — что бы они ни предпринимали, они делали вместе. Джон буквально зациклился на Йоко.

Однако проблемы заставляли его все больше вслушиваться в самого себя, и супруга насторожилась: не играет ли она в его жизни второстепенную роль?

Нередко Джон запирался в своей комнате не на часы, а на целые дни. Дошло до того, что он стал в одиночку ходить по барам и искать мимолетных знакомств с женщинами.

Та необычайно прочная нить, которая, казалось, навечно связала обоих, вдруг стала рваться.

На сцену вышла новая фигура. Мэй Пэнг, юная китаянка, которая работала у Леннонов с 1970 года в качестве ассистентки и лично помогала им в создании «Игр ума», так описала в своей книге «Loving John» («С любовью к Джону») отношения между супругами поздним летом 1973 года:

«В последние недели я стала замечать, что они избегают быть вместе, а когда встречаются, то почти не говорят друг с другом. Мне казалось, что в их отношениях наступил кризис — к тому времени они были женаты четыре года, а всего были вместе пять лет. Я допускала, что любая пара может иметь проблемы через пять лет, особенно при столь интенсивной совместной жизни. Но я была уверена, что Джон и Йоко преодолеют свой кризис…»

Оно со свойственной ей проницательностью почувствовала, что супруг может слишком отдалиться от нее. И она тут же приняла меры.

Мэй Пэнг приводит в своей книге весьма показательный диалог между нею и подругой Великого Битла. За достоверность сведений ручаться не приходится, однако последовавшие за тем события позволяют сделать вывод, что все было примерно так.

Оно пригласила Мэй на беседу тет-а-тет.

«Слушай, Мэй, — сказала она, — Джон и я больше не справляемся друг с другом. Мы только спорим и становимся все более чужими».

Пэнг была поначалу просто ошеломлена, что шефиня обсуждает с ней столь интимные проблемы. До сих пор в ее обязанности входили лишь обработка корреспонденции и

организаторские дела в студии. Ее удивление еще более возросло, когда Йоко раскрыла ей все свои карты.

«Джон теперь, вероятно, начнет развлекаться с другими. Но кто знает, что это будут за женщины! Мэй, я знаю, что он тебя очень любит…»

Китаянка испугалась, решив, что Йоко в припадке ревности хочет обвинить ее в испорченных отношениях с Джоном. Но замысел дальновидной и чрезвычайно практичной хозяйки был куда более изощренным. Пэнг вскоре в этом убедилась.

«Так вот, Мэй, я знаю, что он хочет именно тебя. И очень сильно. Поэтому если он вдруг тебя спросит — „не желаешь ли развлечься?“, отвечай „да“, ты меня поняла?»

Потрясенная ассистентка не могла даже представить себя в такой роли. Поначалу она противилась. Но Йоко не принимала возражений. Разговор она закончила так:

«Начнем с того, что сегодня вечером ты пойдешь с ним в студию. Ни о чем не думай. Обо всем позабочусь я…».

Йоко давно стало ясно, что разрыва не избежать. Но поскольку это не входило в ее планы, она надеялась, что дело можно поправить временной разлукой.

Легенда хочет представить дело так, будто однажды в октябре 1973 года Джон покинул Дакоту, отправившись «за сигаретами», и не вернулся. Но на самом деле вся операция была проведена женой Великого Битла. Джон сам сказал об этом в интервью, данном в декабре 1980 года Энди Пиблсу. На вопрос, как все же дело дошло до разрыва, Леннон ответил:

> «Я называю это своим „потерянным уик-эндом“, который продолжался восемнадцать месяцев. Она сказала „Катись вон!“ и выставила меня, когда мои „феминистские наклонности“ слегка изменились».

В конце октября 1973 года Джон на маршрутном самолете вылетел в Лос-Анджелес. Нетрудно догадаться, кто сидел с ним рядом — Мэй Пэнг!

Джон летел в Лос-Анджелес с вполне определенными целями: «Каждый раз, когда я в студии не пел что-то о своем личном, я играл рок-н-ролл. Да я ведь с этого и начинал. Я думал — все нормально, я знаю, что буду там делать. Это будет альбом рок-н-ролла со всеми вещами, которые я напевал между записями, не будучи ни продюсером, ни сочинителем текстов». Это было его давнее желание.

Но прошло три недели, прежде чем Джону удалось войти в переговоры с Филом Спектором. Тот неохотно пошел на контакт — жеманился, ломался, и только когда Леннон заверил его в

полной свободе действий, согласился на сотрудничество.

Но проект родился не под хорошей звездой.

«Вначале все шло более чем прекрасно. Фил был в своем амплуа и мог управлять штатом в двадцать восемь сотрудников. Как раз то, что я ему никогда не позволял. Все было так, как во время его работы в шестидесятые годы, которую никто из нас не видел. Это было просто фантастично, но со временем становилось все безумней, пока, наконец, дело окончательно не развалилось», — признался Леннон позднее.

Впрочем, Джон и сам немало способствовал развалу. Разлука с Йоко значила для него куда больше, чем он сам предполагал. Кроткая Мэй Пэнг не годилась для роли, которую в его жизни играла волевая супруга.

А проблемы… Что ж, они прилетели с ним в Лос-Анджелес. И напрасно он пытался вытеснить их из головы алкоголем.

Работа над альбомом закончилась внезапно: Фил Спектор исчез, прихватив с собой пленки, на которых некоторые вещи были уже записаны целиком. Он забаррикадировался на своей вилле, напоминающей крепость, и распускал слухи о якобы перенесенной им тяжелой аварии.

Кончилось тем, что он даже придумал басню о собственной смерти. Возмущенный и крайне раздосадованный Джон оказался без магнитофонного материала.

По совету адвоката началась новая фаза борьбы за существование в Америке. Леннон обвинил правительство США в том, что оно использовало против него незаконные средства. Это было в октябре. А 2 ноября Джон, Джордж и Ринго подали в суд на Аллена Клейна.

Тот ответил встречным иском.

Йоко напоминала о себе ежедневно. В иные дни она по три раза звонила из Нью-Йорка. Иногда она говорила действительно о важных вещах, но чаще всего — о пустяках. Расчет ее был прост и эффективен: все время давать Джону почувствовать, что он не так уж и свободен, как, возможно, полагал.

Великий Битл ударился во все тяжкие и опять замелькал в заголовках бульварных газеток.

Пьяный вывалился однажды ночью из автомобиля.

Чуть ли не каждый вечер напивался с девочками и употреблял наркотики.

После одной попойки впал в буйство и разбил мебель в своем доме. С трудом друзья обуздали его и, связав по рукам и ногам, уложили в постель.

Нередко доставалось и Мэй Пэнг, когда Джон заявлялся домой подшофе.

Ночами его носило по барам и разным заведениям, где спиртное лилось рекой. То и дело Леннон попадал в истории, словно специально придуманные для скандальных газетных заголовков.

Он полностью потерял контроль над собой.

Позднее в одном интервью он так говорил об этом:

«Когда я, надравшись, или еще по какой-то причине хотел уйти, всегда вокруг находились друзья, которые все больше наливали мне этой смертельной мерзости. Впрочем, это вовсе не значит, что я хочу обвинить кого-то другого…»

Вышедший из берегов приличия разгул имел свои причины. Полная потеря ориентации была результатом его пессимизма и разочарования. Осознание того, что увлечение политическими акциями конца шестидесятых — начала семидесятых годов ничего не поколебало в этом мире, уничтожило все его прежние иллюзии. Близость к Йоко, буквально сковавшая его на несколько лет, сделала слишком заманчивой свободу, которой он теперь наслаждался всеми фибрами своего существа. Умный человек, он прекрасно понимал, что и эта свобода — фикция. В его жизни не осталось ничего из того, что развивало его творческий потенциал в прошлом. Началось саморазрушение.

Неожиданно на горизонте появилась Синтия, которая сообщила бывшему мужу о намерении посетить его в Лос-Анджелесе вместе с сыном Джулианом. Узнав об этом от самого Джона, Йоко запаниковала. До сих пор она рассчитывала на повседневный контроль с помощью Пэнг. А тут появляется бывшая жена, да еще с ребенком! Конечно, она постарается вернуть себе мужа-миллионера! Над планами предприимчивой японки нависла реальная угроза, но она была не из тех, кто всё пускает на самотёк.

Пока Синтия с Джулианом были в Лос-Анджелесе, Йоко развернула кампанию, сделав ставку на откровенный психотеррор. Число ее ежедневных телефонных звонков возросло до пятнадцати. Абсолютный рекорд был поставлен в один из дней — двадцать четыре звонка! Телефонный счет за этот месяц перевалил за 3.000 долларов.

Оказавшись под таким давлением, Джон в первые дни встречи с сыном не был вполне самим собой — его терзали неуверенность и страх. О том, что было на душе у Мэй Пэнг, можно только догадываться.

И все же встреча Джона и Джулиана, несмотря на первые трудности, протекала затем вполне гармонично.

С Мэй Пэнг и Джулианом в Лос-Анджелосе (1975).

Синтия в общении с бывшим супругом не претендовала ни на что, кроме деловых отношений, что порядком удивило Джона, ожидавшего упреков и скандалов. Из ее поведения Джон заключил, что Синтия по-прежнему, вопреки всему, любит его.

Но даже в этот период Леннону не удалось овладеть собой. 13 марта дошло до скандальной выходки в ночном клубе «Трубадур» (Западный Голливуд), которая немедленно была расписана газетчиками.

Что же произошло?

Перед походом в «Трубадур», где Джон хотел послушать певицу Энн Пиблс, он с приятелем поужинал в другом заведении. Перед едой в ход пошли брэнди и водка. Вскоре Джон перестал быть хозяином своего разума, однако от намерения идти в «Трубадур» не отказался.

Там все поехало по прежней колее. На высоких тонах он возмущался, что обслуга, как ему показалось, проявляет недостаточно внимания к его персоне.

Когда Энн Пиблс начала петь, Джон через весь зал стал орать ей разные скабрезности. Кто-то из публики возмутился, кто-то посчитал это весьма забавным, особенно когда в дебошире узнали Джона Леннона. Итог был плачевен: как последнего забулдыгу,

Великого Битла вышвырнули вон.

Понятно, что в такой ситуации и говорить не приходилось о новых песнях. Правда, между мартом и маем Джон попытался взять себя в руки, чтобы заняться производством пластинки «Pussy Cats» («Пушистые кошки») — для своего друга Харри Нильсона. Но даже и тут, будучи продюсером, Джон уже в самом начале запил почти беспробудно.

Идея в основе своей была неплоха — всех музыкантов, а среди них были Харри Нильсон, Ринго, Клаус Форманн и Кит Мун — «перевести на казарменное положение» в его доме в Санта-Монике. Джон полагал, что так они лучше «притрутся» друг к другу.

Результат: одна вечеринка сменяла другую.

Потом Джон всё же встряхнулся, поняв, что без него всё остановится. Он заперся в своей комнате, принуждая себя к воздержанию, и стал работать. В конце мая новая пластинка была готова. У Джона вновь возникло чувство, что он в состоянии что-то сделать, пусть даже это была не его пластинка, а Харри Нильсона. Теперь бы он с головой ушел в работу над своим рок-н-ролльным альбомом, но Фил Спектор по-прежнему считался без вести пропавшим. Когда же он стал раздумывать над новым альбомом, его вновь выбил из колеи ордер на высылку: в течение шестидесяти дней Леннону предлагалось покинуть страну. Следуя уже привычной рутине, Джон выдвинул «мотивированное отрицание предъявленного ему иска».

В августе 1974 вместе с Мэй Пэнг он вылетел в Нью-Йорк.

Его присутствия требовали и судебные, и коммерческие дела. Но главное — он задумал новый диск! Одну песню он привез из Лос-Анджелеса. Само ее название — «Nobody Loves You (When You're Down And Out)» («Никто тебя не любит») давало понять, что альбом будет отмечен новым житейским опытом.

Nobody loves you when you're old and grey
Nobody needs you when you're upside down
Everybody's hollering about their own birthday
Everybody's loves you when you're six feet in the ground.

Никто не любит тебя, когда ты старый и седой.
Никому ты не нужен, когда у тебя голова кругом.
Все вопят из-за своего собственного дня рождения.
Все любят тебя, когда ты на шесть футов зарыт в землю.

Мэй Пэнг, в доме которой они поселились в Нью-Йорке, радовалась тому, что Джон почти не пьет и прилежно работает: за неделю он сочинил десять песен. Так плодотворно на него влияла не только атмосфера любимого города — он хотел доказать Йоко, что еще полон сил.

С нехорошим предчувствием Мэй Пэнг заметила, что Джон стал искать контакта с женой. Но Йоко не была так проста: она решила дать ему «потрепыхаться» еще какое-то время. Она считала, что муж еще не «созрел» для возвращения. Она даже позволила разнестись слуху об их разводе, что воодушевило бедную китаянку. На Джона это подействовало по-другому. Он был всерьез встревожен. Теперь, когда, казалось, он может потерять ее навсегда, Джон понял, что ни в ком не нуждается так, как в Йоко. Расчет супруги оказался безошибочным.

В середине августа вдохновленный Джон пришел в студию «Record Plant», чтобы записать песни для нового альбома «Walls and Bridges» («Стены и мосты»). Под названием «The Plastic Nuclear Band» с ним объединились Джим Кельтнер (ударные), Клаус Форманн (бас), Джесси Эд Дэйвис (гитара) и Ники Хопкинс (пианино).

Об энтузиазме Джона говорит тот факт, что все песни были записаны почти за неделю. То, что он сказал, закончив работу, звучало вполне реалистично и самокритично:

> «Я удивлен, что вообще сумел сделать что-то стоящее после этого чрезвычайно странного года. Речь на пластинке как раз о нем и идет, только не так шизофренически, как это было на самом деле. Я все еще в шоке и не пойму, отчего последствия оказались не столь заметными.
>
> Не обо всем, конечно, говорится в „Стенах и мостах“, кое-что обозначено пунктирно. Речь, в общем, идет о возрасте и о том, что кое-что я теперь понимаю иначе».

Джон с напряжением ждал, что скажет публика.

Но сначала его вновь вызвали в суд. 31 августа он опять заявил судьям о том, что уже давно стало достоянием общественности, а именно: правительство Никсона хотело выставить его не из-за наркотиков, а по подозрению в активной поддержке антивоенных демонстраций, которые во время республиканского партийного съезда 1972 года должны были спровоцировать беспорядки. Дело в том, что 8 августа, уличенный в уотергейтской афере, Никсон вынужден был объявить о своей отставке. Тем самым всё, что его администрация предпринимала

против Леннона, теперь воспринималось уже в ином свете.

Общественное мнение склонилось в пользу Джона.

То, на что Великий Битл и не смел надеяться, состоялось. «Стены и мосты» стали выигрышным скакуном в этом забеге. Особый вклад в успех внесла свежая рок-композиция «Whatever Gets You Through The Night» («Что бы ни привело тебя через ночь»). Свою долю успеха имел в этой вещи Элтон Джон — он сидел за фортепиано.

Альбомом «Стены и мосты» Леннон вновь завоевал расположение публики. Она вновь увидела «своего Джона». В музыкальном отношении он следовал линии «Представь себе», но был интенсивнее в звучании. В текстах отражались его опыт, страхи и видения. Нашла себе место и песня, которой он пытался вернуть благосклонность Йоко. В «Going Down On Love» («Муки любви») он пел:

Going down on love…
And you shoot out the light
Ain't coming home for the night…
Somebody please, please help me
You know I'm drowing in a sea of hatred
Got to get down on my knees…

Твоя любовь прошла…
Ты потушила свет, вечером не идешь домой.
Пожалуйста, пожалуйста, помогите мне хоть кто-нибудь.
Ты знаешь, я тону в море ненависти,
И должен падать вниз, вниз — на колени…

Эта музыка легко усваивалась, а тексты были понятны и вызывали сопереживание.

Между тем отыскались магнитофонные записи запланированного Джоном альбома рок-н-ролла, с которыми в свое время «пропал» Фил Спектор. И Леннон воспользовался подъемом вдохновения от работы над «Стенами и мостами», чтобы превратить их в новую пластинку. Благоприятными для реализации замысла были и обстоятельства: музыканты еще не разошлись, сроки для записи не упущены. И всего лишь за пять дней Джон, уже без Спектора, добавил к альбому десять номеров. Таким образом, за короткое время ему удалось выпустить сразу

два диска, что еще более подняло его престиж в собственных глазах.

В качестве гостей на «уотергейтском» слушании в Нью-Йорке (1973).

Альбом рок-н-ролла появился в феврале 1975 года и стал блестящим достижением. Вещи на диске были те же, что Джон играл с «Куоррименами» в «Пещере», в гамбургском «Кайзеркеллере», в «Стар-клабе» и на других концертах в ранние годы. Тем самым 34-летний Джон не только вспомнил о старых добрых временах в Ливерпуле и Гамбурге. Он вернулся к корням своей музыки, сделав реверанс тем, кому прежде поклонялся — Чаку Берри, Литлу Ричарду, Карлу Перкинсу, Элвису Пресли,

Джину Винсенту и Бадди Холли.

Фото на конверте представляло Джона «гамбургского образца» 1960 года.

Когда новая пластинка начала победное шествие по хит-парадам, Джон уже был в Дакоте у своей жены…

Возвращение

28 ноября 1974 года, в «Thanksgiving Day» («День благодарения») Элтон Джон давал концерт в «Мэдисон-Сквер-Гардене» (Нью-Йорк). Все билеты на представление в этом престижном зале были раскуплены. Герой вечера подошел к микрофону и объявил выступление гостя: Джон Леннон!

Публика встретила Великого Битла ураганными овациями. Всё было, как в старые времена. Правда, Джон, вышедший на сцену Мэдисона, уже не выглядел самоуверенным, убежденным в своем гении музыкантом. Напротив — он казался пугливым, растерянным, взволнованным. Его приглашение на концерт было связано со своеобразным пари. Записав в августе вместе с Джоном его песню «Что бы ни привело тебя через ночь», Элтон предсказал: этот зонг станет номером Первым. Джон должен был дать Элтону слово, если это случится, он выступит на его концерте в качестве гостя.

Песня действительно стала хитом номер 1, и Леннон выполнил свое обещание. Элтон хотел, чтобы Джон спел «Представь себе». Но автор не видел в этом смысла. «Я не хотел, как Дин Мартин, играть свои классические хиты. К тому же стремился получить удовольствие и выложить пару рок-н-ролльных номеров. И больше, чем три песни, я петь не хотел — ведь, в конце концов, это был концерт Элтона», — объяснил он.

Была и еще одна причина, заставившая Джона изрядно поволноваться. Его мучил вопрос — не придет ли Йоко? Он нуждался в ней, хотел к ней вернуться. Ее появление на концерте могло быть добрым знаком.

Незадолго до выхода на сцену Джону в гардеробной передали цветок, на котором висела карточка: «Желаю счастья. С любовью, Йоко». Все время, пока Джон пел «Что бы ни привело тебя через ночь», «Я видел ее стоящей там» и «Люси в небесах с бриллиантами», он искал знакомое лицо.

Йоко Оно сидела в публике.

После концерта она пришла в гардеробную Джона, и это стало их первым свиданием после разлуки. Почти через четыре недели Джон посетил Йоко в Дакоте вместе с Джулианом, который приехал к отцу на рождественские каникулы. Йоко, которая до сих пор выдерживала дистанцию, показала себя приветливой и дала понять, что любит мальчика. Это было важным знаком для Джона.

Когда Джулиан улетел в Лондон, Джон позвонил Йоко. Он просил ее о разговоре. Беседа состоялась за чашкой чая в

ресторане отеля «Плаза». О чем они говорили, не знает никто, но итог известен — на другой день Джон окончательно вернулся в Дакоту.

О том, какое значение он придавал этому шагу, было сказано Рэю Кулеману: «…теперь все опять ясно. Будто и не уходил. Я понял, что не могу без всего этого. Мы оба знали, что рано или поздно опять сойдемся, даже если бы „такое“ продолжалось лет пять. Поэтому мы и не разводились. Я просто рад, что она открыла мне дверь, позволила вернуться… Я тот, о котором все думают, что он всё знает. Это она меня научила тому, что знаю. Преподавание жесткое, иногда я его не выношу, и поэтому тогда и упорхнул. Когда мы были в разлуке, я сам превратил себя в клубах и газетах в ж… Она меряла меня человеческими мерками и любила меня, но ее жизнь была слишком упорядочена. Однако я вернулся в ее жизнь, а не наоборот… Йоко и я горды тем, что наша разлука закончилась неудачей».

Супруга поставила перед Джоном условия. Одно из первых — отказ от алкоголя. Джон должен всегда отправляться в поездки один, чтобы никто из них не заслонял другого. Для тех, кто близко знал эту пару в дальнейшем, казалось, что Йоко эгоистично и любой ценой стремилась дисциплинировать Джона. Решающим во всей этой истории стало то, что Джон любил свою жену такой, какой она была. Только с ней он мог жить и работать.

Сразу после возвращения Джон на много дней заперся в своей комнате. Достал все старые пластинки «Битлз» от «My Bonny» и «Cry For A Shadow» (1961) до «Эбби Роуд» (1969), смотрел фильмы «Help», «Yeah, Yeah, Yeah» и «Yellow Submarine». Воспоминания, воспоминания… Йоко проявила такт и понимание. Она приняла его ностальгический трип.

Погружение в прошлое надо рассматривать в связи с тем, что 9 января 1975 года Высокий суд в Лондоне своим приговором окончательно объявил расторгнутыми все деловые связи «Битлз».

С одной стороны, Джон с грустью вспоминал о тех временах, когда он с тремя друзьями отправился завоевывать мир, с другой — он чувствовал себя освобожденным, поскольку теперь оборвалась последняя связывавшая их нить. Итог, который он подвел в уединении, стал причудливым сплетением личных и политических проблем, определявших его жизнь.

Революционный подъем «внепарламентской оппозиции» заглох. Для многих бунтарей он закончился заурядным приспособлением к той общественной системе, против которой они так красиво боролись. С поражением американцев во Вьетнаме и концом эры Никсона распался мощный объединяющий фактор для всех левых сил. К этому добавилась

неуверенность, вызванная нефтяным кризисом и его последствиями. Разочарование, вызванное тем, что в социальных и политических отношениях не изменилось ничего, дезориентировало большую часть молодых людей. Никто уже не верил в то, что большие сенсационные акции могут вызвать общественные изменения. Получила большое распространение идея: мир неизбежно изменится тогда, когда я изменю сам себя. Эта мысль с возрастающей силой стала определять позицию Джона Леннона.

Январь был ознаменован еще одним событием: на сорок втором году Йоко вновь забеременела. Ленноны были сверхсчастливы, хотя к этому чувству примешивалось и беспокойство. Уже трижды Йоко готовилась стать матерью, трижды ее беременность заканчивалась выкидышами.

Что ждет их на этот раз?

Все последующие месяцы Джон трогательно заботился о подруге. Он избегал всего, что могло причинить ей волнение, защищал от любого напряжения и нагрузок.

В феврале 1975 года американские телестанции вовсю рекламировали рок-н-ролльный альбом Джона, который, без всякого на то права, под названием «Roots» («Корни») должен был увидеть свет на фирме Морриса Леви «Адам VIII». Бизнесмен рассчитывал на хорошую прибыль и инспирировал мощную рекламную компанию.

В качестве контрмеры Джон срочно распорядился об издании своего альбома в «ЭМИ/КЭПИТОЛ», только под названием «Рок-н-ролл».

21 февраля альбом появился, достиг отличных финансовых показателей и был эйфорически отпразднован критикой. Моррис Леви, конечно, тут же предъявил «ЭМИ/КЭПИТОЛ» и Джону иск на возмещение ущерба. Сумма была весьма внушительной — 42 миллиона долларов. Судебный спор длился пять месяцев, затем нью-йоркский суд потребовал от Морриса Леви уплаты 144.000 долларов в качестве компенсации за утраченную долю и нанесение ущерба репутации. Вдохновленный победой и измученный неопределенностью своего пребывания в Штатах, Джон предпринял новые усилия на юридическом поприще. В июне он перешел в наступление, предъявив обвинения генеральному прокурору и другим служащим юстиции в связи с процессом о высылке. С точки зрения уголовного права он классифицировал это как «преднамеренное преследование».

Успех пришел.

В сентябре процесс о высылке был остановлен досрочно — из гуманитарных соображений, как это тогда называлось. Но

окончательное решение принято не было, и Джону вновь отказали в долгожданной «зеленой карте». Но, конечно, куда больше, чем иммиграционными властями, Джон был озабочен предстоящим рождением ребенка. Йоко чувствовала себя отлично, но он все равно возил ее от одного врача к другому. Накупил целую коллекцию платьев для беременных, зубрил вместе с ней курс «естественного рождения и ухода за новорожденным», составил длинный список мужских имен, натащил в дом огромное количество игрушек…

Йоко находила все это лишним, но не возражала и предоставила ему полную свободу.

Подошло время родов, Йоко привезли в «Нью-Йорк Госпитал». Джон позаботился о том, чтобы ее положили в лучшую комнату частной станции: в том же помещении годом раньше дочерью Кэролайн разрешилась Жаклин Кеннеди. Джон не отходил от Йоко ни на шаг. Он нервировал врачей и сестер, поскольку ему все время казалось, что они недостаточно заботятся о жене.

8 октября Джону позвонил его адвокат Леон Вайльдес. То, что он сказал, могло стать поводом для большой радости и облегчения. Верховный суд Нью-Йорка двумя судейскими голосами против одного постановил: предписание о депортации Джона отменить, иммиграционному ведомству вновь рассмотреть прошение о неограниченном пребывании в стране. Единственное, что вымолвил на это Джон: «Леон, я сейчас ничего не соображаю. Йоко в больнице. Схватки начнутся через пару часов. Посидите у телефона, я вам позвоню, как только вернусь. Вы потом все объясните Йоко».

Вечером Вайльдес вместе с женой приехал в больницу. У кровати Йоко адвокат зачитал подробное обоснование решения суда. Особого впечатления на Джона все это не произвело, все свое внимание он сосредоточил на Йоко.

Около полуночи Вайльдесы покинули больницу. Вскоре и Джону пришлось оставить палату. Естественное рождение, которое должно было состояться в присутствии Джона, не состоялось.

9 октября 1975 года, в день тридцатипятилетия Великого Битла, в два часа ночи Йоко было сделано кесарево сечение и на свет появился мальчик весом 3830 граммов.

Они назвали его Шон Таро Оно Леннон.

Тетя Мими была первой, кому Джон сообщил о том, что у него и Йоко родился сын.

Время тишины

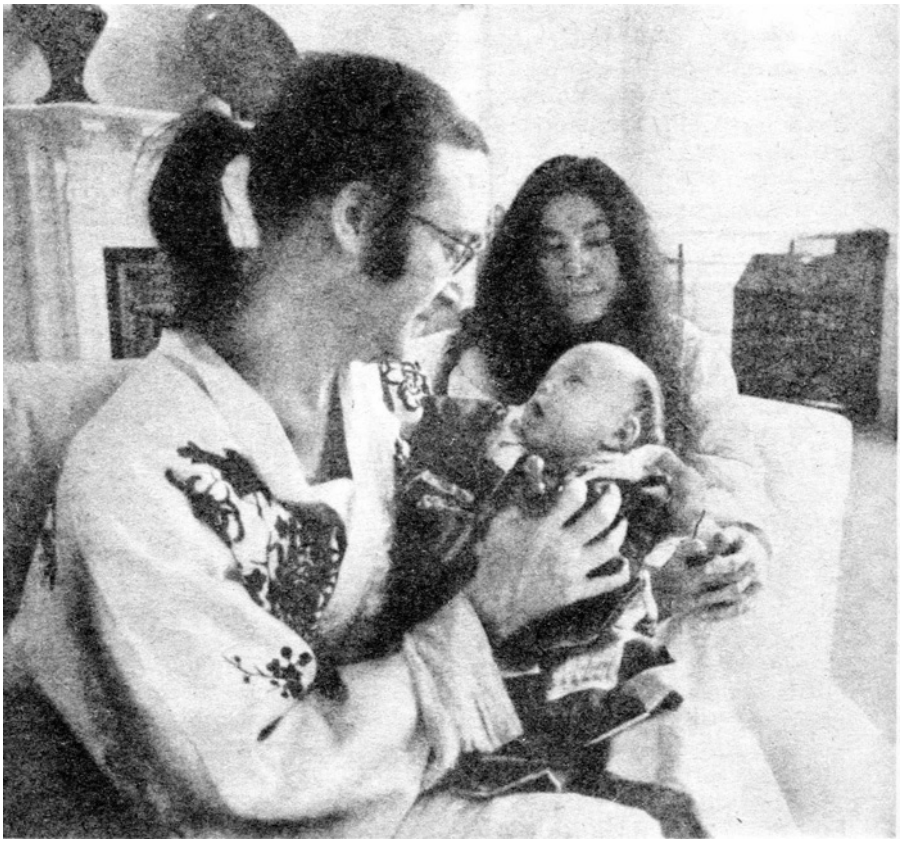
Рождением Шона Ленноны осуществили давнюю мечту. Йоко была счастлива уже потому, что была уверена: ребенок упрочит ее союз с Джоном. Если до этого она постоянно страдала от разлуки с Кьоко, то теперь могла стать настоящей матерью.

Джон тоже не сомневался, что Шон укрепит их семью. Кроме того, он и Йоко были горды, что вопреки всем осложнениям ребенок родился здоровым.

«Теперь я чувствую себя выше, чем Эмпайр Стейт Билдинг», — такой фразой Джон выразил переполнявшие его чувства.

В апартаментах Дакоты началась новая жизнь.

Шон стал для обоих чем-то вроде центра мироздания. Оба хранили его, как зеницу ока. Ни один чужак не смел приблизиться к ребенку, ведь он мог быть носителем болезней. Они отказались от покупки детской кроватки — ребенок спал вместе с ними, они хотели чувствовать его рядом с собой постоянно. Оба бросили курить, составили строгий рацион и регулярно постились. Друзьям они посылали цветные фотографии Шона, которые делали сами камерой моментального снимка.



9 октября 1975 года: в день 35-летия Джона родился Шон Таро Оно Леннон.

В том же месяце, 24 октября, Джон обратил на себя внимание пластинкой «Shaved Fish» («Бритая рыба»), где собрал свои лучшие зонги, которые до этого выходили преимущественно на синглах. Это были песни «Дайте миру шанс», «Холодная Турция», «Мгновенная Карма», «Власть народу», «Мать», «Женщина — это всемирный ниггер», «Представь себе», «Что бы ни привело тебя через ночь», «Игры ума», «9 снов», «Счастливое рождество (Война кончилась)» и еще раз — «Дайте миру шанс». Уже сам подбор песен, помещенных Джоном на этой пластинке, снова дает понять, что он считает для себя принципиально важным, что, как и прежде, он исповедует идеалы мира и ненасилия.

Альбом «Бритая рыба», который публика приняла с симпатией, на целых пять лет был обречен на славу последней

вехи художественного творчества Леннона. Однако почему Великий Битл отклонил предложение сопроводить диск этикеткой «Лучшие произведения Джона Леннона», не поняли ни музыкальные критики, ни поклонники, ни друзья.

Сам Джон объяснил это так:

«Я не назвал альбом „Лучшее из…“ потому, что это не так. Насколько мне хватает памяти, почти все эти вещи вышли уже на синглах… Идея альбома проста — теперь все синглы сошлись на одной пластинке».

После выхода «Бритой рыбы» вокруг Джона, который полтора десятилетия был в центре внимания журналистов и фанатов, наступила тишина. Он отошел от шоу-бизнеса. Самой важной составной частью его жизни стала семья. Смысл своего существования он больше не видел в том, чтобы воздействовать «на массы». Он хотел воспитать одного человека — своего сына.

В феврале 1976 года истек срок договора с «ЭМИ/КЭПИТОЛ»: он не продлил его. Этим он освободился от необходимости всё время делать новые пластинки. Теперь он никому не был должен и мог писать, когда захочет. А выпускать диски он уже не хотел.

Итак, Джон посвятил себя исключительно воспитанию сына. Он с готовностью брался за роль «экономки», в то время как Йоко не без успеха занималась делами. После изнурительной жизни Великого Битла, наполненной концертами, студийной работой, гастролями, после наркомании и алкогольных проблем, лихорадочного «пролета» в Лос-Анджелесе Джон наслаждался покоем нормального семейного бытия. То, чего он сам был лишен в детстве, чего не смог дать Синтии и Джулиану, Джон хотел сполна отдать Шону. Как и всё, за что бы он ни брался, отцовская забота была проявлена им с известной долей аффектации. Он пек хлеб, варил еду не только для Шона и Йоко, но и для прислуги, штудировал поваренные книги, занимался уборкой и был «великий эконом».

Такой способ существования прессе был неинтересен.

В те годы не раз предпринимались попытки собрать всех четверых битлзов вместе на одном концерте. Как известно, этого так и не произошло.

В 1976 году Джон, впрочем, еще раз оказался в центре общественного внимания. 27 июля он вновь предстал перед судом, принимавшим окончательное решение о его пребывании в стране. События последних месяцев укрепили его шансы.

На слушании дела Джон появился в хорошо сшитом костюме, в белой рубашке и галстуке, аккуратно причесанный. Вся в белом в зале сидела Йоко. Леон Вайльдес пригласил Джона и поставил перед ним ритуальные вопросы, на которые доверитель отвечал

очень корректно:

— Обвинялись ли вы хоть раз в преступлениях на территории Соединенных Штатов?

— Нет.

— Являетесь ли вы членом коммунистической партии или другой организации, чьей целью могло бы быть насильственное свержение правительства Соединенных Штатов?

— Нет.

— Намереваетесь ли вы остаться в Соединенных Штатах на длительный период?

— Да.

— Будете ли вы продолжать здесь свою работу?

— Да. Я хотел бы жить здесь со своей семьей и писать музыку.

На суде в поддержку Джона выступили такие известные люди, как писатель Норман Мейлер, японский скульптор Ногучи, президент фирмы «A.T.V. Music» Сэм Траст и другие.

После короткого совещания судья Филдстил объявила решение: «Джону Уинстону Леннону предоставлено разрешение на бессрочное пребывание в США».

Вместе с рукопожатием он получил «Green Card» за номером A 17-597-328. Мучительное бремя, давившее его все эти годы, наконец, спало.

27 шюля 1976 года Джон Леннон получил разрешение на пребывание в США.

Журналистам, ожидающим перед залом суда, он сказал:

> «Это был долгий и утомительный путь, но я не огорчен. Совсем напротив. Ведь я теперь могу посещать своих родственников в Японии или других странах. Я могу, наконец, опять путешествовать! А ведь до этого дня мой адвокат ни за что не позволил бы мне отдохнуть, например, на Гавайях. При известных обстоятельствах я мог бы оттуда и не вернуться. Каждый раз, когда я летал в Лос-Анджелес, то трясся от страха, как параноик, — а вдруг самолет угонят в Японию? Вообще-то, я никогда не понимал всю эту канитель с депортацией. Я всегда думал, что статуя Свободы скажет: „Приди!“»

То, что Джон с Йоко несколько месяцев спустя вылетели в Вашингтон для участия в церемонии передачи президентских полномочий Джимми Картеру, надо понимать как акт благодарности.

Стремление к умножению собственности, игравшее и раньше немалую роль в жизни Леннонов, теперь выступило на первый план. Йоко делала все возможное, чтобы их богатства приумножались. То, с какой решимостью она за это взялась, не очень вяжется с таким, например, ее высказыванием:

> «Я знаю, что значит, когда у тебя нет кучи денег, — пережила это в детстве. Моя мать весьма ценила люкс и постоянно показывала мне диаманты. Что-то во мне протестовало против этого, и я презирала ее поведение. Я никогда не хотела жить так, как она, владеть таким количеством денег, бриллиантов, прекрасной одежды».

Теперь Оно преследовал покупательский раж. Ее то и дело видели бродящей по первоклассным нью-йоркским шопам, она скупала одежду и украшения. Свои дела она вела, постоянно советуясь с компетентными людьми и астрологами, нумерологами и гадалками.

Фирма «Лененно» преуспевала благодаря ее энергии. Она осмотрительно вкладывала деньги в те предприятия, которые обещали хорошую прибыль, избегая при этом экологически вредных производств.

Одну за другой она купила пять квартир в Дакоте, четыре фермы в Кэтскилл-Маунтинс, Виргинии, Вермонте и в штате Нью-Йорк. За 450.000 долларов была приобретена резиденция для уик-эндов в Колд Спринг Харбор, Лонг-Айленд, а к ней — океанская яхта. Они покупали дорогостоящие предметы

восточного искусства и собрали ценную коллекцию ковров…

Перечень деловых связей Оно здесь не полон, поскольку на участии в индустриальных и финансовых институтах лежит флер коммерческой тайны. Однако даже и то, что стало известно, вызвало рост недоверия к супругам со стороны многих поклонников.

Ничего удивительного нет в том, что они остро почувствовали отдаление от своего идола, который когда-то здорово выражал их чувства. Да разве не он еще пять лет назад в своей знаменитой «Представь себе» проектировал мир, где не будет никакой собственности? Где остался Джон, который бесстрашно боролся за мир во Вьетнаме, за справедливость и равноправие по отношению к цветному населению США, за освобождение всех политических заключенных? Молодые интеллектуалы левого толка, для которых Леннон в начале семидесятых был почти вождем, восприняли его нынешнюю позицию как предательство.

Этот протест Джон «принимал к сведению» и молчал. А против Йоко зрела настоящая ненависть. Фанатичные поклонники «Битлз» и Леннона обвиняли ее в развале группы: не прощали, что она сделала Джона «домохозяином». Ей вменяли в вину, что он, как представлялось многим, отказался от своих политических воззрений. И не в последнюю очередь ее упрекали в том, что Великий Битл «онемел» как поэт и композитор.

Джон молчал.

Некоторое время он наслаждался жизнью в своем уединении. Хотя, конечно, зная его характер, нельзя было допустить, что его хватит надолго. Когда печение и варка, как и другие обязанности домашней хозяйки, утратили для него прелесть новизны, он стал искать иных приложений своей беспокойной натуре.

Чтение всегда было его любимым занятием, хотя лихорадочная жизнь в прошлом не часто позволяла ему это. Теперь он собирал библиотеку, особенно интересуясь книгами по истории и философии.

Когда для Шона была нанята няня и Джон несколько убавил свой отцовский пыл, он начал изучать японский язык. Трижды в неделю он исправно посещал школу в Манхеттене. Через два месяца он отказался и от этого. У такого человека, как он, неизбежно должно было возникнуть недовольство собой. Разве не страдал он от недостатка признания, которое всегда было для него чем-то вроде эликсира жизни? Какие лавры мог снискать он домашней работой?

«За это я не получаю золотых пластинок и не посвящаюсь в рыцари — ничего подобного», — сказал он однажды.

«Я не существую, если мое имя не стоит в списках хит-парадов или меня не видят в настоящих клубах. Такой „покой“ возможен, однако всё это — бесконечное пространство, которое кажется мне ничем не заполненным. Но пустоты не бывает — это закон Вселенной». Йоко, как всегда, предвидела опасность, исходящую из этого вакуума. Не начнет ли он опять проводить время с «друзьями», как это было в период «потерянного уик-энда» в Лос-Анджелесе? Не ждала ли все еще своего шанса Мэй Пэнг?

Чтобы избежать возможных соблазнов, чета Леннонов вместе с Шоном отправилась в июне 1977 года на пять месяцев в Японию.

На кинофестивале в Каннах, где состоялись премьеры их фильмов «Fly» и «Apotheosis» (1971).

Большую часть времени они провели в родном городе матери Йоко — Каруицаве, расположенном в двухстах километрах севернее Токио. Для Джона это было хорошим временем. Йоко заботилась о разнообразии «программы пребывания». Они ездили в Киото, где осмотрели буддистский храм. На Джона особенное впечатление произвела религиозность японцев. Он занялся

изучением буддизма, жадно впитывал всё, что щедро открывала ему Страна Восходящего Солнца — искусство, культуру, ландшафты.

Через два месяца жестоко напомнил о себе тот, другой мир, от которого они пытались убежать.

Друживший с Джоном и Йоко Эллиот Минтц позвонил им из Лос-Анджелеса и сообщил, что умер Элвис Пресли. Потрясенный, Джон в первые мгновения молчал. Потом он вымолвил: «Разница между „Битлз“ и Элвисом в том, что сам он умер, а его менеджер жив. У нас всё вышло наоборот. Я никогда не хотел быть сорокалетним, который умирает при исполнении своих знаменитых хитов в Лас-Вегасе. Пошли, пожалуйста, два цветка к гробу Элвиса и напиши: „Спи спокойно. С любовью. Джон и Йоко“. И ничего не рассказывай мне об Элвисе. Он мертв. Не пытайся приходить ко мне с мечтами и мифами о таких людях. Все это было и прошло. Это не здорово — жить в других».

Днем позже Эллиот приехал к Леннонам в Японию.

В конце ноября решили возвращаться домой. Йоко, которая перед принятием важных решений всегда консультировалась с картами или со своим предсказателем, сообщила, что Джону лучше не лететь напрямик в Нью-Йорк. Себе она купила билет для прямого перелета, а Джон и Шон отправились домой через Дубаи и Франкфурт-на-Майне.

Благодаря японскому путешествию Джон полюбил странствовать. Вскоре он один отправился в Гонконг и Сингапур. Ему доставляло радость ездить обычным, никем не узнанным туристом. Вместе с Йоко он посетил Египет, где она, восхищенная древним искусством, купила… мумию.

Чтобы избежать вокруг себя обычной шумихи, они записывались в отелях под именами Реверенд Фред и Ада Гуркин. Теперь всегда, куда бы они ни отправлялись, супруги старались обставить дело так, чтобы никто о них не знал. Было лишь одно исключение — где бы ни останавливался Джон, он всегда звонил тете Мими, которой нравилось, что племянник наконец-то обрел покой, что теперь и речи не заходило о наркотиках, алкоголе и хулиганстве.

Центр его бытия составили Йоко и Шон. Сыну едва исполнилось три года, как отец стал осыпать его подарками. Он тратил на игрушки тысячи долларов, покупал компьютерные игры, приобретал всё, чего бы ни пожелал Шон, — соответствует это возрасту или нет. Джон делал это не без умысла. Во всяком случае, показательно следующее высказывание:

«Я даю ему весь этот хлам, пока он маленький,

чтобы в десять лет эти игрушки для него больше ничего не значили. Просто у него всего этого должно быть в достатке. Я не хочу, чтобы, став тинэйджером, он оказался подвержен потребительству».

Это был, как выяснилось впоследствии, весьма эффективный, хотя и дорогостоящий принцип воспитания. Позволить себе такую роскошь мог только мультимиллионер. Состояние Джона к этому времени оценивалось в 250 миллионов долларов.

Один из последних снимков перед смертью.

Если не принимать во внимание случайные сообщения в газетах о деловых акциях Йоко, общественность ничего не знала о том, что делает Джон, жив ли он вообще.

К началу 1979 года почта Соединенных Штатов доставляла в Дакоту горы писем. Их отправители хотели знать, как дела у Великого Битла.

Ответ на все вопросы они нашли 27 мая в виде платного объявления, опубликованного одновременно в «Нью-Йорк Таймс», лондонской «Санди Таймс» и одной крупной японской газете.

Под заглавием «Любовное послание от Джона и Йоко. К людям, которые нас спрашивают — что, когда и почему» можно было прочесть: «В последние годы все наши желания стали истинными — хорошие они или плохие. Мы хотели все больше и молились. Желания эффективней, чем размахивание флагами. Это — магия чистой воды. В настоящее время мы проводим весеннюю уборку в своих головах. Но перед нами — еще один дальний путь. Много людей передают нам день за днем свои чувства в письмах, телеграммах, шлют цветы и подарки. Мы благодарим всех и ценим этих людей, поскольку они уважают нашу частную жизнь. Если вы когда-нибудь подумаете о нас, то должны знать, что наше молчание — это молчание любви, а не равнодушия. Мы заприметили, что когда писали это письмо, из-за наших плеч на него смотрели три маленьких ангела».

Это объявление стоило Джону 35.000 долларов.

Оригинальное послание разочаровало старых поклонников Леннона. «Желание эффективнее, чем размахивание флагами…» — не означало ли это отказа от протестов против войны и неравенства? Куда исчезла спонтанная реакция на политические и социальные неурядицы, которая с такой силой отразилась в альбоме «Когда-то в Нью-Йорке»?

«Желать и молиться» в тихой каморке — новый метод борьбы против несправедливости? «Герой рабочего класса», «Дайте миру шанс», «Власть народу», «Представь себе» — сочиняя эти шедевры, Джон обрушивался на общество, которое ненавидел и хотел изменить. Для этого он выходил на улицы и звал за собой других. Теперь же его мир сузился до размеров дакотских апартаментов. Тому, впрочем, были серьезные причины.

Политическая деятельность Джона Леннона в период с 1968 по 1973 год развертывалась исключительно на эмоциональном уровне. Временами он чувствовал себя примкнувшим к стихийным левым силам, но отвергал любые прочные организационные формы. У него вызывали отвращение партийно-политические связи. К «успокоению» его привела отчаянная борьба за возможность жить в США.

У Дакоты в Нью-Йорке.

С конца 1974 года он всё чаще задумывался над тем, как бы не вооружить новыми обвинениями против себя иммиграционную службу. Войти в спокойный фарватер побудили его и коммерческие соображения, особенно после неуспеха альбома «Когда-то в Нью-Йорке». Сказались и пятнадцать изнурительных лет, когда он часто страдал от того, что не мог быть самим собой, когда должен был играть роль Великой поп-звезды. Свое черное дело сделали наркотики и алкоголь, подорвавшие его физически и психически.

В сентябре 1979 года продюсер Сид Бернштайн обратился к экс-битлзам с просьбой дать три концерта в Каире, Иерусалиме и Нью-Йорке. Доход в 500 миллионов долларов предполагалось направить Всемирной организации помощи беженцам. К просьбе присоединился тогдашний Генеральный секретарь ООН доктор Курт Вальдхайм.

Ответа «Битлз» не последовало — группы просто не было. Каждый из них занимался своими делами.

После первой сольной пластинки «Маккартни» (1969), сингла «На другой день» / «О женщина, почему?» (1971) и альбома «Баран» (записал он его в 1971 году вместе с женой — Линдой) Пол в августе 1971 года создал группу «Уингз» («Крылья»), в которой, кроме него и Линды, участвовали американский ударник Дэнни Сэйвелл, а также гитарист и певец Денни Лэйн.

Джордж Харрисон, который еще в 1968 году первым из битлзов начал сольную карьеру, выпустив альбом «Wonderwall Music», сочинил в 1970 году суперхит — песню «My Sweet Lord» («Мой дорогой Господь»), которую только в США в течение четырех недель распродали в количестве двух миллионов экземпляров.

По инициативе Джорджа Харрисона и его индийского учителя в игре на ситаре Рави Шанкара 1 августа 1971 года в нью-йоркском «Мэдисон-Сквер-Гардене» состоялся «Концерт для Бангладеш», сбор от которого был направлен голодающему населению этой страны. Джорджу хотелось, чтобы в этом концерте участвовали все его бывшие друзья по «Битлз». Но приехал только Ринго.

Примерно до середины семидесятых годов Джордж писал свои песни под сильным влиянием восточных религий.

Ринго Старр, который начал сольную карьеру в 1969 году, записав альбом «Сентиментальное путешествие», выпустил затем — до конца семидесятых — еще семь дисков. Они пользовались разным успехом, чаще всего — скромным. Потом Ринго стал делать имя как киноактер. В 1971 году он вместе с Фрэнком

Заппой снялся в андеграунд-фильме «200 мотелей», в 1974 году сыграл главную роль в сатирической ленте «Сын Дракулы», в «Листомании» появился в роли папы римского, а в картине «Пещерный человек», снятой в 1980 году в Мексике, он перевоплотился в человека каменного века.

В июле 1980 года Джон осуществил мечту детства: отправился в морское плавание, подобное тому, какое нередко предпринимали в прошлом лихие ливерпульские капитаны. Джон поднял паруса своей яхты «Isis» и вышел в море из Ньюпорта, Род-Айленд, курсом на Бермуды. Всё шло так, как он себе представлял, будучи еще мальчишкой. Шторм, суровое море, команда из пяти человек, страдающая морской болезнью. Джон чувствовал себя в своей тарелке.

Он ступил на борт пассажиром, а теперь нес службу как член команды. Волны перекатывались через палубу, все незакрепленные предметы летали по каютам. Стоя у штурвала, он для поддержания духа вопил старые битловские песни. Шон тоже был на борту, и Джон заботился о нем. После удачной швартовки на Бермудах Джон тут же провел два телефонных разговора — с Йоко и тетей Мэри, которым с ребячьим восторгом описал подробности штормового плавания.

Собственно, он приплыл на Бермуды, чтобы заняться тем, что делают там все: плавать, совершать экскурсии, наслаждаться южным солнцем, попивать хорошо охлажденные напитки…

А еще он работал — вновь пытался сочинять музыку, писал стихи. Он звонил Йоко, напевал ей мелодии, декламировал новые тексты. Жена отвечала, что тоже пишет.

Так вроде бы сами собой родились более двадцати песен. Их объединяла одна тема — отношения Джона к Йоко. Последние годы их супружества представлялись им идеалом. Для Шона они написали колыбельную «Прекрасный мальчик» («Дорогой мальчик»).

Закрой глаза,
не бойся —
Привидения исчезли,
Они убежали, а твой папа с тобой,
Мой прекрасный мальчик…
Я едва ли могу надеяться
увидеть тебя взрослым,
Но мы оба должны потерпеть…
Прежде, чем ты перейдешь улицу,
возьми мою руку.
Жизнь — это то, что бьет тебя…

Сразу после возвращения Джона Ленноны развили деятельность, не свойственную их привычкам последних лет. Они сняли студию звукозаписи в «Хит-Фэктори» в Манхеттене, пригласили опытных музыкантов и за короткое время записали песни для нового альбома. Готовилось возвращение Великого Битла.

Студийная работа над альбомом «Double Fantasy» (осень 1980).

Ленноны начали переговоры с Дэвидом Геффеном — об основании независимого предприятия грамзаписи «Геффен-Рекордс». Бизнесмен сделал достоянием гласности, что новая продукция Леннон—Оно будет называться «Двойная фантазия».

23 сентября в «Ньюсуик» было опубликовано «комбэк-интервью», которое сделала с Леннонами Барбара Граустарк.

Некоторые ответы Джона этой журналистке были весьма интересны. Нельзя отделаться от впечатления, что он старается внушить публике благоприятное впечатление о новой работе. Через каких-нибудь три недели «Двойная фантазия» должна была

появиться на рынке.

— Почему Вы пропали в 1975 году? У Вас больше нет желания делать музыку или Вам до смерти надоел весь этот шоу-бизнес?

ДЖОН: — Отчасти и то, и это. С тех пор, как мне исполнилось 22 года, я всегда имел договорные обязательства и был под прессом. До пятницы надо было написать сто песен, в воскресенье — издать сингл и так далее…

Так незаметно для себя я оказался в постоянном долгу перед фирмами грамзаписи, средствами массовой информации, общественностью. Я больше не чувствовал себя свободным. Стал часто уединяться. Одна моя часть — монах, другая — цирковая блоха.

— Почему же так долго — пять лет?

ДЖОН: — Моей жене и мне понадобилось довольно много времени, чтобы родить здорового ребенка, который останется жить. И я хотел подарить моему Шону пять полнокровных лет. Джулиана я вообще не знал подростком. А теперь семнадцатилетний парень то и дело звонит мне по телефону и говорит о мотоциклах. Я много читаю — главным образом, книги по истории, археологии, антропологии. В других странах дети не слезают со спины матери, пока им не исполнится два года. Я послал Шона в детский сад. А когда понял, что таким образом пытался отделаться от него, оставил его дома. Если теперь, когда ему пять лет, я уделю ему недостаточно внимания, то позднее, когда он войдет в возраст тинэйджера, я должен буду давать ему вдвое больше…

Джулиан Леннон.

— Как Вы и Ваша жена проводите день?

ДЖОН: — Йоко занимается делами, я — хозяйством. Это как в одной комедии, где герои обменялись ролями. Я говорю ей: ну, как дела в конторе, дорогая? Не хочешь ли коктейля? Я пока не получил из починки обувь, а рубашки все еще в стирке.

Всем домашним хозяйкам я заявляю: теперь я понимаю, почему вы вопите. Я настоящий домохозяин и отнюдь не беззаботный.

— Почему Вы решились вновь записать пластинку?

ДЖОН: — Потому что эта «экономка» опять захотела сделать маленькую карьеру. 9-го октября мне исполнилось сорок, а Шону — пять лет. И теперь я могу себе позволить сказать — «Дедди кое-что сделал, и это — основательно». Мальчик не имеет об этом ни малейшего представления — в последние пять лет я почти не брал в руки гитару. На Рождество наши соседи показали Шону «Желтую подводную лодку», а он пришел ко мне и сказал: «Папа, ты там пел… Ты был битлом?» И я сказал: «Да, верно, был…»

— Почему над этой пластинкой Вы работали вместе с Йоко?

ДЖОН: — Это игра… Мы написали вещь и вместе выступаем. Мы — Джон и Йоко, нравится это людям или нет. Я не люблю петь, если ее нет рядом. Духовно мы оплодотворяем друг друга. Уйдя из «Битлз», я думал: великолепно, теперь не надо больше слушать трех остальных. Но это скучно — сидеть в одиночестве в студии и тянуть волынку. Это не доставляет мне удовольствия.

— Тоскуете ли Вы иногда по старым временам?

ДЖОН: — Никогда. То, что «Битлз» делало «Битлзами», то и шестидесятые годы делало шестидесятыми. Тот, кто думает, что если вдруг я выйду на сцену вместе с Полом, Джорджем и Ринго и ансамбль возродится, просто ничего не понял. «Битлз» дали всё, что у них было, если не больше. Четверо парней, которые однажды составили группу, теперь уже не те, что были

тогда, даже если бы очень этого хотели.

Что было б, если бы Пол и я вдруг начали все сначала? Это было б скучно. Я никогда не выступал за воссоединение. Это прошло!

— Как Вы сегодня оцениваете Ваш политический радикализм в прежние годы?

ДЖОН: — Я всегда чувствую себя виноватым, поскольку у меня так много денег. Так бы и выбросил их в окно. Я не лицемер — я действительно во все это верил. Но менял свои взгляды, как хамелеон.

Альбом «Двойная фантазия» появился 16 ноября 1980 года и вызвал неоднозначную реакцию. Большинство фанатов разочаровалось. Они жалели, что уже больше не бисируют их старые песни, напрасно искали критические нотки.

Если песни альбома и заключали в себе какое-то послание, то оно было таким: когда каждый живет с собой в мире, тогда и мир приходит на Землю. Если все будут относиться к своим женам, как Джон к Йоко, тогда в мире начнется гармония. Нужно только стать хорошим самому, тогда и мир станет хорошим.

Доходы от продажи нового альбома не оправдали ожиданий Джона. Но у него опять были обширные планы: готовилась новая пластинка. На начало 1981 года он намечал большое концертное турне: города Англии и Гамбург. Он дал ясно понять, что намерен вернуться в шоу-бизнес и вновь утвердиться на сцене.

Время молчания миновало.

Интервью, которые он дал в первые дни декабря 1980 года, были нацелены на то, чтобы подзавести сбыт «Двойной фантазии» и создать благоприятную атмосферу перед его большим европейским турне. 5 декабря он дал интервью журналу «Роллинг Стоун».

В четверг, 4 декабря, в Нью-Йорк приехал из Лондона сотрудник Би-Би-Си Энди Пиблс. Он хотел записать интервью для своей радиостанции. В пятницу он провел подготовительную беседу с Йоко. В субботу в 18.00 встретился с Леннонами в «Хит-фэктори».

Сто девяносто пять минут крутились катушки на магнитофоне Пиблса.

В начале разговора Джон немного нервничал, ведь это было его самое длинное интервью на радио, его передадут на Англию…

Когда Пиблс в воскресенье распрощался с обоими, он был уверен, что получилось хорошее, честное интервью. Он поставил

перед Джоном вопросы о всех важных вехах его жизни и с помощью ассистировавшей Йоко получил откровенные ответы.

Последний вопрос Энди Пиблса был таким:

> «Как дела с вашей частной жизнью и вашим чувством безопасности? Дэвид Боуи недавно сказал, что в Нью-Йорке великолепно то, что можно не страшась за свою жизнь, ходить по улицам. Вы тоже так думаете?»

> «Да, это одна из причин, почему мы окончательно здесь остались. Хотя это не было осознанным решением. Просто мне приятно, что я могу здесь свободно ходить в кино и рестораны. В Англии я не мог бы на это решиться — это походило бы на шоу „Звезда посещает ресторан“.
>
> На улицах я старался быть неузнанным. Когда мы приехали в Вилледж, Йоко сказала — здесь ты можешь свободно ходить по улицам, можешь гулять. Однако я все равно был на нервном взводе и все время ждал, что со мной кто-то заговорит, остановит. Чтобы отделаться от этого ощущения, потребовалось два года. Сегодня я просто выхожу из двери — и в ресторан. Знаешь, как это великолепно? Или могу пойти в кино. Понятно, всегда найдутся люди, которые попросят автограф или просто говорят „Хай!“, но это не обременяет…».

Когда Энди Пиблс распрощался в Джоном и Йоко, никто из троих не подозревал, что следующий день станет последним в жизни Великого Битла.

Последний день

Понедельник, 8 декабря 1980 года.

Они вместе позавтракали. Первую половину дня Йоко провела в бюро, Джон занимался материалами для новой пластинки. Некоторые песни были уже записаны. Он работал над текстами других, сочинял музыку, аранжировал.

В конце дня оба покинули Дакоту — в студии «Хит Фэктори» их ждали музыканты, приглашенные на вечернюю запись.

Супружеская пара Леннонов в Нью-Йорке (1980).

У дома они встретили нескольких фанов. Один автограф следовал за другим, все хотели пожать ему руку или просто посмотреть на него.

Молодой человек лет двадцати пяти решительно протянул Джону конверт «Двойной фантазии». Без слов, привычным росчерком Джон написал свое имя и пошел дальше.

Убийца Марк Дэвид Чэпмен получает автограф от Джона Леннона.

Молодой человек пристально взглянул вслед своему идолу: казалось, он ожидал чего-то большего, чем просто автографа. Никто не придал значения этому взгляду.

Да и зачем задумываться над будничной сценкой?

Пять часов Джон и Йоко работают в студии и в 22.30, покинув «Хит Фэктори», едут домой.

Вопреки обычному правилу Джон не проезжает через боковой вход прямо к Дакоте, а выходит из машины перед главным порталом.

Когда он доходит до ступеней входа, его окликает тот же молодой человек: «Мистер Леннон?»

Джон оглядывается через плечо и видит дуло револьвера…

Пять раз палец нажимает на курок, пули попадают Джону в спину…

Спустя несколько минут подъезжает рейдовая полицейская машина. Чтобы не потерять драгоценные секунды, тяжелораненый доставляется на ней в «Рузвельт Госпитэл».

Все усилия врачей напрасны.

Джон Леннон умер.

Преступник, не оказавший сопротивления, был арестован тут же, у Дакоты.

Из первых показаний стало известно, что его зовут Марк Дэвид Чэпмен. Ему двадцать пять лет. 4 декабря он прибыл в аэропорт Кеннеди из Гонолулу (Гавайи). На вопрос, почему он застрелил Джона Леннона, убийца нес ахинею и при этом улыбался.

Своему адвокату он сказал:

— Этот приказ мне отдал Дьявол.

Дальнейшее расследование, показания свидетелей и разыскания журналистов позволяют реконструировать ход событий.

Марк Дэвид Чэпмен родился в Деккатуре, штат Джорджия, последние двенадцать лет провел на Гавайях. С десяти лет он был поклонником «Битлз», позднее его идолом стал Джон Леннон. В Гонолулу он работал охранником в больнице. Его квартира напоминала музей «Битлз», где были все пластинки группы и Джона Леннона, изрядная коллекция битловских сувениров.

Отождествление себя с Великим Битлом все больше и больше принимало шизофренический характер. Чэпмен пытался походить на него даже внешне, женился на японке, которая была старше его.

Он мог целыми днями сидеть в своей комнате и слушать песню «Я — морж». «Я — это он, поскольку ты — это он, поскольку ты — это я…», — стучало у него в мозгу.

Марк сказал своей жене, что для поездки в Нью-Йорк ему надо 2500 долларов. Она помогла ему собрать эту сумму.

За несколько дней до отлета, подписывая разрешение на отпуск в своем ведомстве, он начертал: «Джон Леннон».

Он уехал с легким ручным багажом. В дорожной сумке лежали кассеты с четырнадцатичасовыми записями «Битлз» и револьвер с резервным магазином, купленный в октябре. В Нью-Йорке в книге прибытия он указал свое настоящее имя. Но уже через три дня в Шератон-отеле, расписываясь в книге гостей, он вновь написал «Джон Леннон».

Незадолго до 8 декабря Чэпмена часто видели поблизости от

Дакоты. Водитель такси, в котором он ехал в первый день своего пребывания в Нью-Йорке, сказал: «Этот человек производил очень странное впечатление. Он сразу предложил мне кокаин и сунул в руку пять долларов чаевых». Эти показания дают основания подозревать, что бредовая идея Чэпмена вызревала под действием наркотиков.

Фотограф-любитель и большой поклонник Леннона Пол Гореш, который часто «дежурил» у Дакоты, чтобы запечатлеть своего кумира, дал такие сведения: Чэпмен встретился ему в конце дня 8 декабря, когда Джон и Йоко садились в машину, чтобы ехать в «Хит-Фэктори». Чэпмен, держа в руках только что подписанный Ленноном конверт, спросил Гореша: «Ты получил автограф на свою пластинку?»

«Нет», — ответил Гореш и хотел уйти.

«Почему же ты не ждешь? Ведь Джон вернется и подпишет ее».

«Не так важно, — сказал Гореш, — я часто бываю здесь. Джон даст мне автограф завтра…»

Чэпмен не унимался:

«Я бы на твоем месте остался, откуда ты знаешь, что увидишь его еще раз…».

Обескураженный этим мистическим намеком, Гореш спросил:

«А почему ты так думаешь?»

«Может быть, сегодня ночью он отправится еще куда-нибудь», — ответил незнакомец многозначительно.

Прокурор Манхеттена, который допрашивал Чэпмена 9 декабря, вынес следующее заключение:

«Этот человек прибыл в Нью-Йорк с определенной целью. Он выполнил то, что замыслил. Чэпмен спланировал физическое уничтожение Джона Леннона хладнокровно, рационально и интеллигентно».

Мотивы преступления окончательно так и не раскрыты.

Все происшедшее наводит на мысль, что Чэпмен был психопатом, в чьем больном мозгу царил хаос. Врачи исписали тома, пытаясь пролить свет на причины поступка Чэпмена.

Через несколько лет после смерти Джона Леннона огласку получила версия, что убийство не было делом рук душевнобольного одиночки, но могло быть целенаправленной акцией ЦРУ — американской тайной службы. Утверждали, что Марк Дэвид Чэпмен был только послушным исполнителем. Да, это факт, что Джон находился под наблюдением ЦРУ и ФБР, что в перечне личностей, «опасных для безопасности государства», он занимал одно из первых мест. Но это было между 1970 и 1974 годами, когда Великий Битл громко и остро высказывался о

политике правительства Никсона. Но что могло стать для ЦРУ поводом к убийству Леннона в 1980-м? Того Джона, которого чуть ли не на руках носили леваки-экстремисты, уже давно не было. Леннон образца восьмидесятого, все еще желавший мира для всех и все еще изредка выступавший против любой формы насилия, рекомендовал своей публике «быть симпатичными друг другу» и искать мира в собственных четырех стенах у домашнего очага.

Эта позиция ни для кого не представляла опасности.

Тот, кто взывал к тихому бытию, «благочестивым желаниям и молитвам», ничем не мог повредить недавно утвердившейся администрации Рейгана.

Итак, следует все же согласиться с тем, что Джон Леннон скорее всего стал жертвой душевнобольного человека.

Марк Дэвид Чэпмен был осужден к пожизненному заключению.

У поколения, рожденного между 1940 и 1955 годами, поколения, которое в музыке «Битлз» нашло изумительное выражение собственных мыслей и чувств, поколения, которое позднее отождествляло свои мечты о лучшем мире с песнями Леннона, его смерть вызвала шок.

Сразу после убийства Дакоту осадили скорбящие толпы. Люди держали в руках зажженные свечи. Из бесчисленных кассетников летел живой, прекрасный голос. «Представь себе, что больше нет насилия…»

Йоко Оно, получавшая десятки тысяч писем с соболезнованиями из всех частей света, просила друзей Джона 14 декабря в 14 часов дня о десяти минутах молчания.

В середине января 1981 года она опубликовала благодарственное письмо во многих газетах. Среди прочего там были такие слова:

> «С благодарностью
> Йоко Оно Леннон.
>
> Я благодарю Вас за Ваши письма, телеграммы и мысли, которые пришли из всех уголков мира, из Америки, Европы, Азии и Африки. Для меня это лучшее подтверждение тому, во что верили мы оба, Джон и я: в милосердие, которое может перешагнуть границы рас и вероисповеданий.
>
> Приходили письма от людей разных судеб, даже от заключенных. Дружеские письма особенно согревают мое сердце.
>
> Я благодарю за денежные переводы для „Spirit Foundation“.

Были перечисления по 50 центов, по 1 и по 5 долларов, теперь всё это вместе выросло до 100.000 долларов.

Я разделяю Ваш гнев по поводу убийцы. Себе самой и всем я бросаю упрек в том, что такое вообще могло произойти. Единственной осмысленной „местью“ было бы изменение нашего общества, которое должно опираться на любовь и доверие. Так это представлял себе Джон…

Мы должны доказать, что можем создать для себя и своих детей мир во всем мире…

11.1.1981, Нью-Йорк.

С любовью, Йоко».

В 1983 году вдова послала письмо всем главам государств. В нем она просила каждого внести свой вклад в создание Сада мира, прислать деревце или декоративный камень. Сад намечалось разбить в нью-йоркском Центральном парке.

21 марта 1984 года в присутствии мэра города Эда Коха «Земляничные поляны — Сад мира» был торжественно открыт. Там было посажено деревце и из нашей страны — от имени всех поклонников «Битлз» и Джона Леннона.

Йоко Оно с сыном Шоном у дома Мэри Смит в Ливерпуле в январе 1984 года (рядом — два телохранителя).

Март 1984: торжественное открытие Парка мира «StrawberryFields» в Нью-Йорке (слева направо: мэр Эд Кох, Йоко Оно, Шон и Джулиан).

Йоко Оно получает награду венгерского движения за мир в Будапеште в 1986 году.

Йоко Оно во время акции американского движения за мир в Вашингтоне (1986).

Основные даты жизни и творчества Джона Леннона

1940	9 октября	Джон Уинстон Леннон родился во время бомбардировки Ливерпуля.

1941	март	Джулия Леннон передает Джона своей сестре Мэри Смит для ухода за ним.
1945	8 мая	Вторая мировая война заканчивается капитуляцией фашистского вермахта.
	август	Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки по приказу американского президента Гарри С. Трумэна.
	сентябрь	Джон Леннон зачислен в «Dovedale Primary School».
	сентябрь	Джон Леннон зачислен в «Dovedale Primary School».
1950	июнь	Начало американской агрессии против КНДР.
1952	сентябрь	Джон Леннон становится учеником «Quarry Bank Grammar School».
1953	июль	Подписанием договора о перемирии в Паньмыньчжоне заканчивается война в Корее.
1955	май	Джон Леннон создает скиффл-группу «Куорримен».
1956	15 июня	Пол Маккартни становится членом «Куорримен».
1957	сентябрь	Джон начинает учебу в «College of Art».
	октябрь	Советский Союз

		запускает первый искусственный спутник Земли.
1958	8 февраля	Джордж Харрисон примыкает к группе.
	15 июля	Джулия Леннон погибает в результате дорожного происшествия.
1959	1 января	Победа революции на Кубе.
	июнь	Джон Леннон, Пол Маккартни и Джордж Харрисон выступают в группе «The Moondogs» в «Empire Theatre» (Ливерпуль); несколькими днями позднее группа участвует в манчестерском концерте под названием «Johnny And The Moondogs».
1960	апрель	Первое турне; под новым названием «The Silver Beatles» они отправляются в двухнедельную гастрольную поездку в качестве группы, сопровождающей Джонни Джентла.
	июль	Джон Леннон прерывает учебу в «College of Art».
1960	апрель	Первое турне; под новым названием «The Silver Beatles» они отправляются в двухнедельную гастрольную поездку в качестве группы, сопровождающей

		Джонни Джентла.
	июль	Джон Леннон прерывает учебу в «College of Art».
	16 августа	В составе: Джон Леннон, Пол Маккартни, Джордж Харрисон, Стюарт Сатклифф и Пит Бест группа едет в Гамбург. Они играют в «Индре» и «Кайзеркеллере». С этого времени они называются «Битлз».
	2 декабря	После выдворения из Гамбурга Джорджа, Пола и Пита Джон возвращается в Ливерпуль.
1961	январь	Джон Ф.Кеннеди вступает в должность 35-го президента США.
	21 марта	Первое выступление группы в «Cavern» (Ливерпуль).
	апрель	«Битлз» начинают трехмесячные гастроли в «Топ Тене» в Гамбурге. Первый человек Юрий Гагарин стартует в космос.
	май	Тони Шеридан приглашает группу в «Polydor Studio»: здесь они записывают первую собственную композицию «Cry For A Shadow».
	9 ноября	Брайан Эпштейн посещает «Пещеру», чтобы послушать

		группу.
	3 декабря	Эпштейн объявляет о готовности стать менеджером группы.
1962	январь	Эпштейн заключает контракт с «Битлз».
	24 февраля	В передаче Би-Би-Си «Teenager's Turn» впервые прозвучали голоса «Битлз».
	10 апреля	В возрасте 21 года в Гамбурге умирает Стюарт Сатклифф.
	9 мая	Эпштейн заключает контракт на пластинку с фирмой «Parlophone» (EMI).
	6 июня	«Битлз» проводят первый сейшн — запись в «Abbey Road Studios».
	16 августа	«Битлз» расстаются с Питом Бестом, и место за ударными занимает Ринго Старр.
	23 августа	Джон Леннон женится на Синтии Пауэлл.
	5 октября	Выход сингла «Love Me Do / P.S. I Love You».
	17 октября	Первое выступление в телепередаче «Thank Your Lucky Stars».
	17—31 декабря	«Битлз» гостят в гамбургском «Стар-клабе».
1963	12 января	Выход сингла «Please Please Me / Ask Me Why».
	22 марта	Выход альбома «Please Please Me».
	8 апреля	Родился Джулиан

		Чарльз Леннон.
	12 апреля	Выход сингла «From Me To You / Thank You Girl».
	3 августа	Последнее выступление группы в «Пещере».
	23 августа	Выход сингла «She Loves / I'll Get You».
	13 октября	Выступление в шоу «Sunday Night at the Palladium»; пресса провоцирует начало массовой «Битлз»-истерии.
	4 ноября	В присутствии членов британского Королевского дома выступление при праздновании «Royal Variety Performance» в «Prince of Wales Theatre» в Лондоне.
	22 ноября	Президент США Джон Ф. Кеннеди убит в Далласе (Техас); выход альбома «With The Beatles».
	29 ноября	Выход сингла «I Want To Hold Your Hand / This Boys».
	27 декабря	«Таймс» называет Джона Леннона и Пола Маккартни самыми выдающимися композиторами 1963 года.
1964	7 февраля	«Битлз» вылетают в США, чтобы выступить в шоу Эда Салливена.
	2 марта	Начало съемок фильма «A Hard Day's

	Night».
20 марта	Выход сингла «Can't Buy Me Love / You Can't Do That».
23 марта	Выход книги Джона Леннона «In His Own Write».
июнь	Выход пластинки «Long Tall Sally»; на рынок США поступает альбом «A Hard Day's Night»; в Англии он впервые появился в июле.
июль	Протест против нарушений гражданских прав и против социального неравенства приводит в Нью-Йорке к столкновениям цветного населения и полиции.
6 июля	Лондонская премьера фильма «A Hard Day's Night».
19 августа	Начало первого турне по Америке, которое продолжается до 20 сентября; США инсценируют «столкновение» в Тонкинском заливе, которое используется как повод для прямых военных действий против Демократической Республики Вьетнам.
27 ноября	Выход сингла «I Feel Fine / She's A Woman».
4 декабря	Выход альбома «Beatles For Sale».

1965	февраль	По приказу президента Линдона Б. Джонсона военно-воздушные силы США массированно бомбят цели в ДРВ; на Багамах начались съемки фильма «Help».
	9 апреля	Выход сингла «Ticket To Ride / Yes It Is».
	20 июня	Двумя концертами в Париже началось европейское турне по городам Лион, Генуя, Рим, Ницца, Мадрид и Барселона.
	24 июня	Выход второй книги Джона Леннона «A Spaniard In The Works».
	23 июля	На рынок поступает сингл «Help / I'm Down».
	29 июля	Международная премьера фильма «Help» в Лондоне.
	6 августа	Выход альбома «Help».
	14 августа	Старт второго турне по Америке, которое продолжается до 31 августа.
	26 октября	Королева Елизавета Вторая вручает «Битлз» ордена «Member of the British Empire».
	3 декабря	Выход сингла «We Can Work It Out / Day Tripper»; в магазины грампластинок поступает альбом «Rubber Soul».

1966	4 марта	Джон Леннон дает интервью журналистке Морин Клив для «Ивнинг Стандарт», которое позднее настроит американскую общественность против группы.
	1 мая	В «Empire Pool» в Уэмбли «Битлз» дают свой последний лайф-концерт в Англии.
	10 июня	Выход сингла «Paperback Writer / Rain».
	5 июля	Завершая турне по Японии, «Битлз» делают краткую остановку в Маниле. Поскольку жена президента Маркоса полагает, что группа оскорбила ее, битлзы вынуждены почти бегством покинуть страну.
	29 июля	Фрагменты из интервью Морин Клив публикуются в американском журнале «Datebook», что послужило поводом для травли Джона Леннона и группы.
	5 августа	Выход альбома «Револьвер».
	12 августа	Начало третьего турне по Америке: на пресс-конференции в Чикаго Джон извиняется за свои

		высказывания, сделанные в интервью Морин Клив.
	29 августа	В «Candlestick Park» в Сан-Франциско группа дает свой последний лайф-концерт.
	сентябрь	Джон Леннон снимается в главной роли в фильме «How I Won The War».
	9 ноября	Первая встреча Джона Леннона и Йоко Оно в «Indica Gallery» в Лондоне.
1967	февраль	Выход сингла «Strawberry Fields / Penny Lane».
	1 июня	Выход альбома «Оркестр клуба Одиноких сердец сержанта Пеппера».
	25 июня	Более 400 миллионов человек одновременно становятся свидетелями премьеры песни «Всё, что вам нужно, — это любовь» в программе «Our World», переданной по системе спутниковой связи.
	июль	Расовые волнения в Нью-Йорке привели к 26 жертвам. В Детройте были убиты 37 человек и 500 — ранены; выход сингла «All You Need Is Love / Baby You're A Rich

		Man».
	24 августа	Джон и Синтия Ленноны слушают доклад Махариши Махеша йоги о трансцендентальной медитации.
	25 августа	Битлзы участвуют в семинаре Махариши во время уик-энда.
	27 августа	Брайан Эпштейн найден мертвым в своей квартире.
	сентябрь	Из-за вмешательства ряда стран, в частности, Великобритании, в Биафре разразилась кровавая гражданская война; начало записи телевизионного фильма «Magical Mystery Tour».
	9 октября	В Боливии арестован и убит Че Гевара.
	18 октября	Премьера в Лондоне фильма «How I Won The War».
	24 ноября	Выход сингла «Hello Goodbye / I Am The Walrus».
	27 ноября	В США выходит альбом «Волшебное таинственное путешествие».
	4 декабря	На Бейкер-стрит открыт «Apple-Boutigue».
1968	февраль	Джон Леннон с женой следует к Махариши в Ришикеш (Индия).
	15 марта	Выход сингла «Lady Madonna / The Inner Light».

апрель	Студенты в ФРГ и Западном Берлине проводят демонстрации за реформу высшей школы и перемены в обществе.
4 апреля	В Мемфисе (Теннеси) убит лидер американского движения за гражданские права Мартин Лютер Кинг.
11 апреля	В Западном Берлине в результате покушения тяжело ранен студенческий лидер Руди Дучке.
12 апреля	Разочарованный Джон покидает Махариши и возвращается в Англию.
май	В Париже студенты и рабочие проводят демонстрации за реформу высшей школы и против социальной несправедливости; студенческие беспорядки в Риме, Копенгагене, Токио и городах США.
6 июня	Сенатор Роберт Кеннеди смертельно ранен в Лос-Анджелесе.
15 июня	Джон Леннон и Йоко Оно перед собором в Ковентри сажают два дубка — их первая акция за мир.
17 июля	Премьера

		мультфильма «Желтая субмарина».
	31 июля	«Apple-Boutique» закрыт.
	30 августа	Выход сингла «Хей, Джуд / Революция».
	18 октября	Джон Леннон и Йоко Оно арестованы по обвинению в хранении наркотиков, но выпущены на свободу под залог.
	5 ноября	Ричард Никсон избран президентом США.
	8 ноября	Расторгнут первый брак Джона.
	22 ноября	Выходит двойной альбом «Битлз (Белый альбом)».
	28 ноября	Джон Леннон осужден за хранение наркотиков.
	29 ноября	Выход авангардистского альбома «Two Virgins — Unfinished Music No.1»; оформление конверта пластинки вызывает скандал.
1969	2 января	Начало съемок фильма «Пусть будет так».
	17 января	Выходит альбом «Желтая субмарина».
	20 марта	Джон Леннон и Йоко Оно регистрируют свой брак.
	25 марта	Первая акция за мир «В постели» в амстердамском «Хилтоне»; она проходит до 31 марта.

11 апреля	Выход сингла «Get Back / Don't Let Me Down».
8 мая	Заключение контракта между Джоном Ленноном, Джорджем Харрисоном, Ринго Старром и Алленом Клейном; Пол Маккартни не желает иметь дело с последним.
9 мая	Выход альбома «Life With The Lions — Unfinished Music No.2».
16 мая	Просьба Джона Леннона о въездной визе в США отклонена вследствие его судимости.
26 мая	В «Queen Elizabeth Hotel» в Торонто Джон и Йоко проводят вторую акцию «В постели».
30 мая	Выход сингла «The Ballad Of John And Yoko / Old Brown Shoe».
1 июня	В 1742-й комнате отеля записывается песня «Дайте миру шанс».
июнь	Студенческие протесты в Беркли и других американских университетах против вьетнамской войны; правительство вводит в действие национальную гвардию, есть убитые

	и раненые.
4 июля	Выход сингла «Give Peace A Chance / Remember Love».
21 июля	Нейл Армстронг первым из землян ступает на поверхность Луны.
3 августа	Социальное напряжение в североирландских городах Белфаст и Лондондерри приводит к кровавым столкновениям католических и протестантских групп населения; британское правительство посылает войска в Северную Ирландию.
15—17 августа	В Вудстоке (США) на поп-фестиваль собираются 400.000 человек.
13 сентября	Джон Леннон и Йоко Оно выступают в Торонто на рок-концерте в защиту мира.
13—14 сентября	В Вашингтоне против войны во Вьетнаме протестуют 250.000 демонстрантов.
26 сентября	Выход альбома «Abbey Road».
24 октября	Выход сингла «Cold Turkey / Don't Worry Kyoko».
7 ноября	Выход альбома «The Wedding Album».
25 ноября	Джон Леннон возвращает свой MBE-

		орден королеве Великобритании.
	12 декабря	Выходит альбом «The Plastic Ono Band — Live Peace In Toronto».
	15 декабря	Джон и Йоко участвуют в концерте «Peace for Christmas», организованном в Лондоне в пользу ЮНИСЕФ.
	16 декабря	Военно-воздушные силы США наращивают атаки на Вьетнам; в одиннадцати столицах мира появляются крупноформатные плакаты с надписью: «War is Over! If You Want It. Happy Christmas From John And Yoko!»
1970	6 февраля	Выход сингла «Instant Karma / Who Has Seen The Wind».
	6 марта	Выход сингла «Let It Be / You Know My Name».
	29 марта	Джон Леннон заявляет о своей солидарности с кампанией за ядерное разоружение.
	10 апреля	Пол Маккартни сообщает о решении расстаться с группой.
	10 апреля	Джон и Йоко вылетают в Лос-Анджелес, чтобы пройти курс психиатрического лечения у профессора

		Артура Янова.
	8 мая	Выходит альбом «Пусть будет так».
	18 сентября	Гитарист и певец Джимми Хендрикс погибает от чрезмерной дозы наркотиков.
	8 декабря	Джон и Йоко дают интервью Яну Веннеру для журнала «Роллинг Стоун»; оно опубликовано 21 января 1971 года.
	11 декабря	Выходит альбом «Джон Леннон / Пластик Оно Бэнд».
	31 декабря	В английском суде начинается процесс, инспирированный Полом Маккартни, его цель — роспуск группы.
1971	12 марта	Выход сингла «Власть — народу / Открой свою коробку».
	12 марта	Решением суда Аллен Клейн отстранен от ведения дел группы; руководство принимает Джеймс Дуглас Спунер.
	24 апреля	В Вашингтоне 500.000 противников вьетнамской войны участвуют в демонстрации протеста перед Белым домом.
	1 июня	Джон Леннон получает визу в США, ограниченную девятью месяцами.
	11 августа	Джон и Йоко

		участвуют в лондонской демонстрации протеста против политики британского правительства в Северной Ирландии.
	12 августа	В стачечный фонд рабочих верфей Upper Clyde (Шотландия) Джон перечисляет 1000 фунтов.
	3 сентября	Ленноны переселяются в Нью-Йорк.
	8 октября	Выходит альбом «Представь себе».
	6 ноября	Джон и Йоко участвуют в нью-йоркской акции памяти жертв мятежа заключенных в Аттике.
	1 декабря	Выход сингла «Happy Xmas (War Is Over) / Listen The Snow Is Falling»..
	11 декабря	В Ann Arbour (Мичиган) оба участвуют в акции солидарности с арестованным писателем Джоном Синклером.
1972	10 января	«Кровавое воскресенье» в Лондондерри (Северная Ирландия); британские солдаты стреляют в демонстрантов, выступающих за гражданские права,

	13 убитых.
5 февраля	Перед бюро British Overseas Airways Corporation в Нью-Йорке Джон и Йоко проводят демонстрацию против политики английского правительства в отношении Северной Ирландии.
6 марта	Продление визы на дальнейшее пребывание в США отклоняется, против обоих возбуждено судебное дело о депортации.
22 апреля	Джон выступает на акции протеста против бомбардировки ДРВ американскими военно-воздушными силами.
29 апреля	Мэр Нью-Йорка Джон Линдсей направляет письмо в иммиграционное ведомство с требованием прекратить процесс о высылке Джона и Йоко.
4 июня	Борец за гражданские права Анджела Дэвис, обвиненная в заговоре и убийстве, оправдана под давлением мирового общественного мнения.
12 июня	Выход альбома

		«Когда-то в Нью-Йорке».
	30 августа	Участие в двух концертах в «Мэдисон Сквер Гардене» в пользу инвалидов; Джон и Йоко выступили вместе со Стиви Уандером, Робертой Флэк и другими; их взнос — 60.000 долларов.
	декабрь	По приказу президента Никсона в рождественские праздники усиливаются бомбардировки ДРВ; протесты мировой общественности против войны во Вьетнаме принуждают США продолжить мирные переговоры в Париже; Джон и Йоко участвуют в телепередаче, призывая к сбору средств в помощь больным мускульной атрофией.
1973	24 января	В Париже подписан Договор о прекращении военных действий между США и ДРВ.
	23 марта	Джону предлагают покинуть страну в течение 60 дней; он подает протест против депортации.
	апрель	Президент Никсон оказывается под

		политическим давлением из-за своего активного участия в уотергейтской афере.
	сентябрь	Генерал Пиночет поднимает путч против выбранного демократическим путем правительства Альенде в Чили; президент Альенде убит.
	октябрь	По инициативе Йоко Оно Джон покидает Нью-Йорк и летит с Мэй Пэнг в Лос-Анджелес.
	16 ноября	Выход альбома «Игры ума».
1974	январь	Джон Леннон просит английскую королеву об отмене судимости за хранение наркотиков.
	март—май	В студиях «Record Plant» Джон выпускает для Харри Нильсона альбом «Pussy Cats».
	17 июля	Ему вторично предлагают покинуть США в течение шестидесяти дней.
	8 августа	Президент США Ричард Никсон уходит в отставку вследствие уотергейтского скандала.
	4 октября	Выход альбома «Стены и мосты».
	28 ноября	Совместное выступление с

		Элтоном Джоном в «Мэдисон-Сквер-Гардене» (Нью-Йорк).
1975	январь	Джон Леннон возвращается в Нью-Йорк и вместе с Йоко живет в Дакоте.
	9 января	Верховным судом в Лондоне выносится приговор, который объявляет отношения «Битлз» законченными.
	15 февраля	Выход альбома «Рок-н-ролл», записанного в октябре 1973 и в октябре 1974 года (второй продюсер — Фил Спектор).
	30 апреля	Народно-освободительной армией Демократической Республики Вьетнам освобожден Сайгон.
	19 июня	В связи с угрозой депортации Джон Леннон обвиняет американскую юстицию в «произволе и незаконном преследовании».
	23 августа	Процесс о высылке временно приостановлен.
	7 октября	Верховный суд Нью-Йорка подтвердил право Джона Леннона пребывать в США длительное время.
	9 октября	В нью-йоркском госпитале Йоко Оно дарит миру Шона

		Таро Оно; это происходит в день 35-летия Джона.
	24 октября	Выход альбома «Бритая рыба».
1976	1 апреля	Отец Джона Леннона умирает в лондонской больнице.
	30 апреля	Солдаты южно-африканского режима учинили в Соуэто расправу над чернокожими школьниками.
	27 июля	После долгой борьбы Джон добивается права жить в США неограниченное время.
	октябрь	Джон Леннон исчезает из поля зрения общественности.
1977	20 января	Джон и Йоко участвуют в церемонии в Вашингтоне по случаю вступления в должность президента Джимми Картера.
	июнь	Семья Ленноновотбывает в Японию на пять месяцев.
	16 августа	От сердечного приступа в 42 года умирает Элвис Пресли.
1978	февраль	За 200.000 долларов Джон и Йоко приобретают земельную собственность; кроме

		того, они скупают квартиры в Дакоте.
1979	27 мая	В «Нью-Йорк таймс», лондонской «Санди таймс» и в одной из японских газет появляется «Послание любви от Джона и Йоко. К людям, которые нас спрашивают — что, когда и почему».
	июль	Победа сандинистского освободительного фронта в Никарагуа.
1980	23 мая	Джон совершает поездку в Кейптаун (Южная Африка), чтобы отдохнуть.
	июль	На своей яхте он плывет к Бермудам, где вновь начинает писать музыку и стихи.
	4 августа	В студии «Hit Factory» в Манхеттене после почти шестилетней паузы Джон и Йоко начинают работу над новым диском.
	22 сентября	Джон объявляет, что новый альбом будет называться «Двойная фантазия».
	16 ноября	Последняя работа Великого Битла поступает на рынок.
	6 декабря	Энди Пиблс из Би-Би-Си берет у Джона и Йоко подробное радиоинтервью, которое позднее будет опубликовано

		отдельной книгой под названием «The Lennon Tapes».
	8 декабря	Около полуночи у дверей Дакоты-билдинга Марк Дэвид Чэпмен пятью выстрелами из револьвера смертельно ранит Великого Битла.
1984	март	В присутствии нью-йоркского мэра Эда Коха в Центральном парке по инициативе Йоко Оно торжественно открыт Сад мира («Strawberry Fields»). В закладке парка участвовали посланцы многих стран, приславших декоративные камни, деревья, кусты и денежные пожертвования.
1986	февраль—март	Йоко Оно — в европейском турне. Одна из песен ее концертной программы «Star Peace» направлена против рейгановской концепции «звездных войн».
	май	Йоко Оно отправляется в турне по Америке с программой «Star Peace».
1987	февраль	Йоко Оно едет в Москву для участия в Международном конгрессе мира. На

вопрос: «Как вы представляете будущее?» она отвечает: «Самое важное для нашего будущего — это сотрудничество. Я полагаю, что это возможно — жить на нашей планете в мире и без ядерного оружия. Я принадлежу к миллионам людей, которые верят в мир, в будущее без войн, в то, что впереди нас ждут счастье и любовь».

Дискография 1

Пластинки, произведенные битлзами совместно с 1961 по 1970 год.

Песни, авторство которых не указано, написаны Джоном Ленноном и Полом Маккартни. В настоящей дискографии отмечены лишь первые выпуски тех или иных пластинок. Даты выхода (если нет других ссылок) соответствуют времени их появления в Англии. Этот список песен составлен с использованием дискографии, разработанной Ромбеком, Нойманом и Моэрсом (Rombeck / Neumann / Moers).

(*Примечание переводчика*: в отличие от оригинала книги «John-Lennon-Report» здесь сделана попытка перевода большинства названий песен с английского).

СИНГЛ: My Bonnie (Charles Pratt) Мой любимый (Чарльз

Прэтт)

When The Saints Go Marching In (traditional) Когда маршируют святые (авторство неизвестно)

Запись: май 1961 года в Гамбурге,

Дата выхода: июнь 1961 (ФРГ).

EP (EP — Extended Play — удлиненная продолжительность игры, «микрогигант»): My Bonnie.

Запись: май 1961.

Дата выхода: сентябрь 1961 (ФРГ).

My Bonnie/Charles Pratt/.

Why (Tony Sheridan / Bill Crompton) Почему (Тони Шеридан, Билл Кромптон).

Cry For A Shadow Взываем к призраку (Джон Леннон, Джордж Харрисон).

The Saints (traditional) Святые (авторство неизвестно)

СИНГЛ: Love Me Do / P.S. I Love You Люби же меня / Постскриптум: я люблю тебя.

Запись: 11 сентября 1962 года, EMI-Stydios, Abbey Road.

Дата выхода: 5 октября 1962.

СИНГЛ: Please Please Me / Ask Me Why Пожалуйста, порадуй меня / Спроси меня, почему.

Запись: 26 ноября 1962, EMI-Studios, Abbey Road.

Дата выхода: 12 января 1963.

АЛЬБОМ: Please Please Me.

Запись: 11 февраля 1963, EMI-Studios, Abbey Road

Дата выхода: 22 марта 1963.

I Saw Her Standing There Я видел ее стоявшей там

Misery Страдание

Anna (Go To Him) /Arthur Alexander/ Анна (Иди к нему) / Артур Александер/.

Chains (Gerry Goffin, Carole King) Цепи (Джерри Джоффин, Кэрол Кинг).

Boys (Luther Dixon, Wes Farrel) Ребята (Лютер Диксон, Уэс Фэррел).

Ask Me Why.

Please Please Me.

Love Me Do.

P.S. I Love You.

Baby It's You (Hal David, Burt Bacharach, Barney Williams) Бэби, это ты (Хэл Дэвид, Берт Бэчарах, Барни Вильямс).

Do You Want To Know A Secret? Хочешь узнать секрет?

A Taste Of Honey (Ric Marlow, Bobby Scott) Вкус меда (Рик Марлоу, Бобби Скотт).

There's A Place Есть одно местечко.

Twist And Shout (Bert Russel, Phil Medley) Крутитесь и орите (Берт Рассел, Фил Медли).

СИНГЛ: From Me To You / Thank You Girl От меня — к тебе / Спасибо тебе, девочка.

Запись: 4 марта 1963, EMI-Studios, Abbey Road.

Дата выхода: 12 апреля 1963.

СИНГЛ: She Loves You / I'll Get You Она тебя любит / Ты будешь моей.

Запись: 1 июля 1963, EMI-Studios, Abbey Road.

Дата выхода: 23 августа 1963.

АЛЬБОМ: With The Beatles Вместе с «Битлз».

Запись: 15 июля 1963, EMI-Studios, Abbey Road.

Дата выхода: 22 ноября 1963.

It Won't Be Long Это будет недолго.

All I've Got To Do Все, что мне нужно сделать.

All My Loving Вся моя любовь.

Don't Bother Me Не тревожь меня (Джордж Харрисон).

Little Child Малыш.

Till There Was You (Meredith Willson) Ты там была (Мэридит Уилсон).

Please Mr. Postman (Brian Holland, Robert Bateman) Пожалуйста, мистер почтальон (Брайан Холланд, Роберт Бэйтмэн).

Roll Over Beethoven (Chuck Berry) Посторонись, Бетховен (Чак Берри).

Hold Me Tight Обними меня крепче.

You Really Got A Hold On Me (William Robinson) Ты меня зачаровала (Уильям Робинсон).

I Wanna Be Your Man Я хочу быть твоим парнем.

Devil In Her Heart (Richard B.Drapkin) Дьявол в ее сердце (Ричард Б.Драпкин).

Not A Second Time Только один раз.

Money (That's What I Want) (Berry Gordy, Janie Bradford) Деньги (Что мне нужно) (Берри Горди, Джейн Брэдфорд).

СИНГЛ: I Want To Hold Your Hand / This Boy Я хочу держать твою руку / Этот парень.

Запись: 19 октября 1963, EMI-Studios, Abbey Road.
Дата выхода: 29 ноября 1963.

СИНГЛ: Ну же, дай мне твою руку (пер. с нем. — прим. пер.). (Леннон, Маккартни, Николас, Хеллмер).
Она любит тебя (пер. с нем.). (Леннон, Маккартни, Николас, Монтекью).
Записано: 29 января 1964 (Париж).
Дата выхода: февраль 1964 (ФРГ).

СИНГЛ: Can't Buy Me Love / You Can't Do That Любовь не купишь / Ты этого не сделаешь.
Запись: 25 февраля 1964, Pathe-Marconi-Studios, Paris.
Дата выхода: 20 марта 1964.

EP: Long Tall Sally Длинная Сэлли.
Запись: конец февраля 1964.
Дата выхода: 19 июня 1964.
Long Tall Sally (Enotris Johnson, Richard Penniman, Robert Blackwell) Длинная Салли (Энотрис Джонсон, Ричард Пеннимэн, Роберт Блэкуэлл).
I Call Your Name Я называю твое имя.
Slow Down (Larry Williams) Помедленнее (Лэрри Уильямс).
Matchbox (Carl Perkins) Коробок спичек (Карл Перкинс).

АЛЬБОМ: A Hard Day's Night (Original Soundtrack) Вечер после трудного дня (Звуковая дорожка).
Запись: март и апрель 1964.
Дата выхода: 26 июня 1964 (США).
A Hard Day's Night.
Tell Me Why Скажи мне, почему.
I'll Cry Instead Я заплачу.
I Should Have Known Better (instrumental) Мне нужно было лучше знать (инструментовка).
I'm Happy Just To Dance With Yoy Я счастлив просто танцевать с тобой.
And I Love Her (instrumental) И я люблю ее (инструментовка).
I Should Have Known Better.
If I Fell Если я почувствую.
And I Love Her.
Ringo's Theme (This Boy) Тема Ринго (Этот парень) (инструментовка).
Can't Buy Me Love.
A Hard Day's Night (инструментовка).

(Инструментальные пьесы записаны оркестром Джорджа Мартина).

СИНГЛ: A Hard Dav's Night / Things We Said Today Ночь после трудного дня / О чем мы сказали сегодня.

Запись: 16 апреля (Ночь после трудного дня) и 1-3 июня (О чем мы сказали сегодня).

Дата выхода: 10 июля 1964.

АЛЬБОМ: A Hard Day's Night.

Запись: март и апрель 1964.

Дата выхода: 10 июля 1964.

A Hard Day's Night.

I Should Have Known Better.

If I Fell.

I'm Happy Just To Dance With You.

And I Love Her.

Tell Me Why.

Can't Buy Me Love.

Any Time At All В любое время.

I'll Cry Instead.

Things We Said Today.

When I Get Home Когда я привезу тебя домой.

You Can't Do That.

I'll Be Back Я вернусь.

АЛЬБОМ: The Beatles' first Первый диск «Битлз».

Запись: май 1961 в Гамбурге.

Дата выхода: август 1964 (ФРГ).

Ain't She Sweet (Ager, Yellen) Я не твой милый (Эгер, Йеллен).

Cry For A Shadow.

Let's Dance Потанцуем (Шеридан, Ли).

My Bonnie.

If You Love Me, Baby Если ты меня любишь, бэби.

What'd I Say (Charles) Что бы я сказал (Чарльз).

Sweet Georgia Brown (Bernie, Pinkhard, Casey) Милашка Джорджия Браун (Берни, Пинкхард, Кейси).

The Saints.

Ruby Baby (Leiber, Stoller) Рубиновая бэби (Лайбер, Столлер).

Why.

Nobody's Child (traditional) Ничейное дитя (авторство неизвестно).

Ya Ya (Lewis, Levy) Йа, йа (Льюис, Леви).

СИНГЛ: I Feel Fine / She's Woman Я чувствую себя прекрасно / Она — женщина.

Запись: 14 ноября 1964.

Дата выхода: 27 ноября 1964.

АЛЬБОМ: Beatles For Sale «Битлз» для распродажи.

Запись: 2—8 октября 1964 и 12—16 ноября 1964.

Дата выхода: 4 декабря 1964.

No Reply Нет ответа.

I'm A Loser Я — проигравший.

Baby's In Black Бэби в черном.

Rock And Roll Music (Chuck Berry) Музыка рок-н-ролла (Чак Берри).

I'll Follow The Sun Я пойду вслед за солнцем.

Mr. Moonlight (Roy Lee Johnson) Мистер Лунный Свет (Рой Ли Джонсон).

Поппури: Kansas City (Jerry Leiber, Mike Stoller) Канзас-сити / Джерри Лайбер, Майк Столлер/.

Hey-hey-hey-hey (Richard Penniman) Хей-хей-хей-хей (Ричард Пеннимэн).

Eight Days A Week Восемь дней на неделе.

Words Of Love (Buddy Holly) Слова любви (Бадди Холли).

Honey Don't (Carl Perkins) Любимая, не надо (Карл Перкинс).

Every Little Things Каждый пустячок.

I Don't Want To Spoil The Party Я не хочу испортить вечеринку.

What You'r Doing Что ты делаешь.

Everybody's Trying To Be My Baby (Carl Perkins) Каждая хочет стать моей девочкой (Карл Перкинс).

СИНГЛ: Ticket To Ride / Yes It Is Билет на поездку / Да, это так.

Запись: февраль 1965.

Дата выхода: 9 апреля 1965.

СИНГЛ: Help! / I'm Down На помощь! / Я повержен.

Запись: 13 апреля 1965.

Дата выхода: 23 июля 1965.

АЛЬБОМ: Help!

Запись: Начало февраля — начало марта 1965 и конец мая — начало июня (кроме титульной песни, записанной в апреле).

Дата выхода: 6 августа 1965.

Help!

The Night Before Вчерашней ночью.

You've Got To Hide Your Love Away Спрячь свою любовь.

I Need You Ты мне нужна (Джордж Харрисон).

Another Girl Другая девушка.

You're Going To Lose That Girl Ты потеряешь эту девушку.

Ticket To Ride.

Act Naturally (Johnny Russel, Vonie Morrison) Действуй естественно (Джонни Рассел, Вони Моррисон).

It's Only Love Единственная любовь.

You Like Me Too Much Я тебе слишком нравлюсь (Джордж Харрисон).

Tell Me What You See Скажи, что ты видишь.

I've Just Seen A Face Я видел лицо.

Yesterday Вчера.

Dizzy Miss Lissy (Larry Williams) Головокружительная мисс Лиззи (Лэрри Уильямс).

СИНГЛ: We Can Work It Out / Day Tripper Мы с этим справимся / Дневной бродяга.

Запись: Начало ноября 1965.

Дата выхода: 3 декабря 1965.

АЛЬБОМ: Rubber Soul Резиновая душа.

Запись: середина октября — ноябрь 1965.

Дата выхода: 3 декабря 1965.

Drive My Car Веди мою машину.

Norwegian Wood Норвежский лес.

You Won't See Me Меня ты не увидишь.

Nowhere Man Человек ниоткуда.

Think For Yourself Подумай сама (Джордж Харрисон).

The Word Слово.

Michelle Мишель.

What Goes On? Что происходит? (Джон Леннон, Пол Маккартни, Ричард Старки).

Girl Девушка.

I'm Looking Through You Я вижу тебя насквозь.

In My Life В моей жизни.

Wait Подожди.

If I Needed Someone Если бы мне был кто-то нужен (Джордж Харрисон).

Run For Your Life Подумай о своей жизни.

СИНГЛ: Paperback Writer / Rain Пишущий книги в мягкой обложке /Дождь.

Запись: 13 апреля (Пишущий…) и конец апреля 1966 (Дождь).

Дата выхода: 10 июня 1966.

АЛЬБОМ: Revolver Револьвер.
Запись: 6 апреля — середина июня 1966.
Дата выхода: 5 августа 1966.
Taxman Сборщик налогов (Джордж Харрисон).
Eleanor Rigby Элианор Ригби.
I'm Only Sleeping Я только сплю.
Love You To Люблю тебя.
Here, There And Everywhere Здесь, там и повсюду.
Yellow Submarine Желтая субмарина.
She Said She Said Она сказала, что сказала.
Good Day Sunshine Солнце в ясный день.
And Your Bird Can Sing И твоя птичка умеет петь.
For No One Ни для кого.
Dr. Robert Доктор Роберт.
I Want To Tell You Я хочу тебе сказать (Джордж Харрисон).
Got To Get You Into My Life Ты нужна в моей жизни.
Tomorrow Never Knows Неизвестно, что будет завтра.

СИНГЛ: Strawberry Fields Forever / Penny Lane Земляничные поляны навсегда / Пенни Лэйн.
Запись: 22 декабря 1966.
Дата выхода: 17 февраля 1967.

АЛЬБОМ: Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера.
Запись: декабрь 1966 — 2 апреля 1967.
Дата выхода: 1 июня 1967.
Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band.
With A Little Help From My Friends С маленькой помощью моих друзей.
Lucy In The Sky With Diamonds Люси в небесах с бриллиантами.
Getting Better Стало лучше.
Fixing A Hole Заделать дырку.
She's Leaving Home Она покидает дом.
Being For The Benefit Of Mr. Kite Ради мистера Кайта.
Within You Without You В тебе и без тебя (Джордж Харрисон).
When I'm Sixti Four Когда мне будет 64.
Lovely Rita Хорошенькая Рита.
Good Morning, Cood Morning Доброе утро, доброе утро.
Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band (репризa).
A Day In The Life Один день жизни.

СИНГЛ: All You Need Is Love / Baby You're A Rich Man Все, что вам нужно — это любовь / Ты богач, бэби.

Запись: конец мая до 25 июня 1967 (Сторона А), 11 мая 1967 (Сторона Б).

Дата выхода: 7 июля 1967.

СИНГЛ: Hello Goodbye / I Am The Walrus Здравствуй и прощай / Я — морж.

Запись: 4—5 ноября 1967 (Сторона А), начало сентября 1967 (Сторона Б).

Дата выхода: 24 ноября 1967.

АЛЬБОМ: Magical Mystery Tour Волшебное таинственное путешествие.

Запись: песни первой стороны появились в сентябре-октябре 1967.

Дата выхода: 27 ноября 1967 (США).

Magical Mystery Tour.

The Fool On The Hill Дурак на холме.

Flying Полет (Джон Леннон, Пол Маккартни, Джордж Харрисон, Ричард Старки).

Blue Jay Way Голубой веселый путь (Джордж Харрисон).

Your Mother Should Know Твоя мать должна знать.

I'm The Walrys.

Hello Goodbye.

Strawberry Fields Forever.

Penny Lane.

Baby, You're A Rich Man.

All You Need Is Love.

СИНГЛ: Lady Madonna / The Inner Light Леди Мадонна / Внутренний свет (Джордж Харрисон).

Запись: январь-февраль 1968.

Дата выхода: 15 марта 1968.

СИНГЛ: Hey Jude / Revolution Хей, Джуд / Революция.

Запись: 26 июля — 1 августа (Хей, Джуд) и середина июля 1968 (Революция).

Дата выхода: 30 августа 1968.

ДВОЙНОЙ АЛЬБОМ: The Beatles (White Album) Битлз (Белый альбом).

Запись: 30 мая — 14 октября 1968.

Дата выхода: 22 ноября 1968.

Back In The USSR Снова в СССР.

Dear Prudence Дорогая Пруденс.

Glass Onion Стеклянная луковица.

Ob-La-Di, Ob-La-Da Об-ла-ди, об-ла-да.

Wild Honey Pie Пирог с медом диких пчел.

The Continuing Story Of Bungalow Bill Длинная история о Бунгало Билле.

While My Guitar Gently Weeps Пока моя гитара тихо плачет (Джордж Харрисон).

Happiness Is A Warm Gun Счастье — это дымящийся пистолет.

Martha My Dear Марта, дорогая.

I'm So Tired Я так устал.

Black Bird Черная птица.

Piggies Поросята (Джордж Харрисон).

Rocky Raccon

Don't Pass Me By Не проходи мимо (Ричард Старки)

Why Don't We Do It In The Road? Почему мы не делаем этого на дороге?

I Will Я буду.

Julia Джулия.

Birthday День рождения.

Yer Blues Твой блюз.

Mothers Nature's Son Сын матери-природы.

Everybody's Got Something To Hide Except Me And My Monkey Все что-нибудь скрывают, кроме меня и моей обезьянки.

Sexy Sadie Сексуальный святой.

Helter Skelter Суматоха.

Long Long Long Долго Долго Долго (Джордж Харрисон).

Revolution 1 Революция 1.

Honey Pie Медовый пирог.

Savoy Tryffle Савойский трюфель (Джордж Харрисон).

Cry Baby Cry Плачь, бэби, плачь.

Revolution 9 Революция 9.

Good Night Спокойной ночи.

АЛЬБОМ: Yellow Submarine Желтая субмарина.

Запись: февраль 1968 (Only A Northern Song, Hey Bulldog) и август 1968 (All Together Now, It's All Too Much).

Дата выхода: 17 января 1969.

Yellow Submarine.

Only A Northern Song Только северная песня.

All Together Now Теперь все вместе.

Hey Bulldog Хэй, бульдог.

It's All Too Much Это слишком.

All You Need Is Love.

Pepperland Перцовый край.

Medley: Sea Of Time, Sea Of Holes, Sea Of Monsters Попурри: Море времени, Море дыр, Море монстров.

March Of The Meanies

Pepperland Laid Waste Перцовый край опустошен.

Yellow Submarine In Pepperland Желтая субмарина в перцовом краю.

СИНГЛ: Get Back / Don't Let Me Down Вернись / Не расстраивай меня.

Запись: 2-я неделя января 1969.

Дата выхода: 11 апреля 1969.

СИНГЛ: The Ballad Of John And Yoko / Old Brown Shoe Баллада о Джоне и Йоко / Старый коричневый ботинок (Джордж Харрисон).

Запись: 22 апреля 1969 (Баллада о Джоне и Йоко) и осень 1968 (Старый коричневый ботинок).

Дата выхода: 30 мая 1969.

АЛЬБОМ: Abbey Road Эбби Роуд.

Запись: 1 июля — 3 августа 1969.

Дата выхода: 26 сентября 1969.

Come Together Поедем вместе.

Something Что-то (Джордж Харрисон).

Maxwell's Silver Hammer Серебряный молоток Максвелла.

Oh! Darling Дорогая.

Octopus's Garden Сад осьминога (Ричард Старки).

I Want You Я хочу тебя.

Here Comes The Sun Восходит солнце (Джордж Харрисон).

Because Потому что.

You Never Give Me Your Money Ты никогда не даешь мне денег.

Sun King Король солнца.

Mean Mr. Mustard Серый мистер Мастард.

Polythene Pam

She Came In Through The Bathroom Window Она вошла через окно в ванной.

Golden Slumbers Золотые сны.

Carry That Weight Неси эту ношу.

The End Конец.

Her Majesty Ее величество.

СИНГЛ: Let It Be / You Know My Name Пусть будет так / Ты знаешь мое имя.

Запись: 24 января 1970 (Пусть будет так), ранее, в 1967, (Ты знаешь мое имя).

Дата выхода: 6 марта 1970.

АЛЬБОМ: Let It Be Пусть будет так.

Запись: январь 1968.

Дата выхода: 8 мая 1970.

Two Of Us Двое из нас.

Dig A Pony Я погоняю пони.

Across The Universe Через Вселенную.

I, Me, Mine Я, мне, мое.

Dig It Закопай это (Джон Леннон, Пол Маккартни, Ричард Старки, Джордж Харрисон).

Let It Be.

Maggie Mae Мэгги Мэй.

I've Got A Feeling У меня такое чувство.

One After 909 Один после 909.

The Long And Winding Road Длинная извилистая дорога.

For You Blue Потому что ты грустишь (Джордж Харрисон).

Get Back Вернись.

Дискография 2

Пластинки, записанные во время сольной карьеры Джона Леннона с 1968 по 1980 год.

АЛЬБОМ: Two Virgins — Unfinished Music No.1 Два девственника — Неоконченное сочинение номер 1.

Джон Леннон и Йоко Оно.

Запись: конец мая 1968 в доме Джона Леннона в Кенвуде.

Дата выхода: 29 ноября 1968.

Two Virgins No.1.

Together Вместе.

Two Virgins No. 2.

Two Virgins No. 3.

Two Virgins No. 4.

Two Virgins No. 5.

Two Virgins No. 6.

Hushabye Hushabye Баю-бай.

Two Virgins No. 7.

Two Virgins No. 8.

Two Virgins No. 9.

Two Virgins No. 10.

АЛЬБОМ: Life With The Lions — Unfinished Music No. 2. Жизнь со львами— Незаконченное произведение номер 2.

Джон Леннон и Йоко Оно.

Запись: сторона А — 2 марта 1969, фрагмент записи концерта в «Леди Митчелл Холл» в Кембридже, сторона Б — 4—25 ноября 1968 в Лондонской больнице королевы Шарлотты (на кассетный магнитофон).

Дата выхода: 9 мая 1969.

No Bed For Beatle John Нет постели у битла Джона.

Baby's Heartbeat Как бьется сердце бэби.

Two Minutes Silence Две минуты тишины.

Radio Piay Радио-пьеса.

СИНГЛ: Give Peace A Chance / Remember Love Дайте миру шанс / Вспомни о любви.

Пластик Оно Бэнд.

Запись: 1 июня 1969 в номере 1742 отеля «Куин Элизабет» в Монреале (Дайте миру шанс).

Дата выхода: 4 июля 1969.

СИНГЛ: Cold Turkey / Don't Worry Kyoko Холодная Турция / Не тревожься, Кьоко.

Пластик Оно Бэнд.

Запись: 30 сентября 1969 (Холодная Турция).

Дата выхода: 24 октября 1969.

АЛЬБОМ: The Wedding Album Свадебный альбом.

Джон Леннон и Йоко Оно.

Запись: 21—24 марта 1969 в Амстердаме.

Дата выхода: 7 ноября 1969.

АЛЬБОМ: The Plastic Ono Band — Live Peace In Toronto

Пластик Оно Бэнд — Живите с миром в Торонто.

Записано: 13 сентября 1969 на Варсити Стадион в Торонто (Канада).

Дата выхода: 12 декабря 1969.

Blue Suede Shoes Голубые замшевые туфли.

Money Деньги.

Dizzy Miss Lizzy Головокружительная мисс Лиззи.

Yer Blues Твой блюз.

Cold Turkey Холодная Турция.

Give Peace A Chance Дайте миру шанс.

Don't Worry Kyoko Не тревожься, Кьоко.

John, John (Let's Hope For Peace) Джон, Джон (Давайте верить в мир).

СИНГЛ: Instant Karma / Who Has Seen The Wind Мгновенная Карма / Кто видел ветер.

Джон Леннон вместе с «Пластик Оно Бэнд».

Запись: 26 января 1970 в Эппл-Студиоз (Мгновенная Карма).

Дата выхода: 6 февраля 1970.

АЛЬБОМ: John Lennon / Plastic Ono Band Джон Леннон / Пластик Оно Бэнд.

Джон Леннон.

Запись: октябрь 1970.

Дата выхода: 11 декабря 1970.

Mother Мать.

Hold On John Держись, Джон.

I Found Out Я выяснил.

Working Class Него Герой рабочего класса.

Isolation Remember Воспоминания об одиночестве.

Love Любовь.

Well Well Well Хорошо, хорошо, хорошо.

Look At Me Посмотри на меня.
My Mummy's Dead Смерть моей мамы.

СИНГЛ: Power To The People / Open Your Box Власть — народу / Открой свою коробку.
Джон Леннон и Йоко Оно, Пластик Оно Бэнд.
Запись: февраль — март 1971.
Дата выхода: 12 марта 1971.

АЛЬБОМ: Imagine / Представь себе.
Джон Леннон и Флакс Фиддлерз.
Запись: с начала до середины июля 1971 в студии Джона Леннона в Титтенхерст-парке.
Дата выхода: 8 октября 1971 /Англия/, 9 сентября 1971 / США/.
Imagine.
Crippled Inside Искалеченный изнутри.
Jealous Guy Ревнивый парень.
It's So Hard Это так трудно.
I Don't Want To Be A Soldier Я не хочу быть солдатом.
Give Me Some Truth Скажи мне правду.
Oh My Love О, моя любовь.
How Do You Sleep? Как тебе спится?
How? Oh, Yoko! Как? О, Йоко!

СИНГЛ: Happy Xmas (War Is Over) Счастливое рождество (Война кончилась) / Listen, The Snow Is Falling Слушай, как падает снег.
Джон Леннон и Йоко Оно, Пластик Оно Бэнд и Гарлемский хор.
Йоко Оно, Пластик Оно Бэнд (Сторона 2).
Запись: 28—29 октября 1971.
Дата выхода: 1 декабря 1971 (США), 24 ноября 1972 (Англия).

ДВОЙНОЙ АЛЬБОМ: Sometime In New York City / Когда-то в Нью-Йорке.
Джон Леннон и Йоко Оно, Пластик Оно Бэнд, Элефантс Мемори, «Невидимые струны» (Стороны 1 и 2).
Джон Леннон и Йоко Оно с Пластик Оно Супергрупп (Сторона 3).
Джон Леннон и Йоко Оно, Пластик Оно Бэнд с Фрэнком Заппой и «Мазерс оф Инвеншн» (Сторона 4).
Записи: сторона 1 и 2 с 1 по 20 марта 1972.
Сторона 3 — 15 декабря 1969 в Лайцеум Боллрум в Лондоне.

Сторона 4 — 6 июня 1971 в Нью-Йорке, Филмор Ист.
Дата выхода: 12 июня 1972 /США/, 15 сентября 1972.
Woman Is The Nigger Of The World Женщина — это всемирный негр.
Sisters O Sisters Сестренки, о сестренки.
Attica State Штат Аттика.
Born In A Prison Рожденный в тюрьме.
New York City Город Нью-Йорк.
Sunday Bloody Sunday Воскресенье, кровавое воскресенье.
The Luck Of The Irish Ирландское счастье.
John Sinclair Джон Синклер.
Angela Анджела.
We're All Water Все мы — вода.
Don't Worry Kyoko Не тревожься, Кьоко.
Cold Turkey Холодная Турция.
Well (Baby Please Don't Wo) Хорошо.
Jamrag.
Scumbag.
All Все.

АЛЬБОМ: Mind Games Игры ума.
Джон Леннон и Пластик У.Ф.Оно Бэнд.
Запись: сентябрь 1973 в Нью-Йорке, Рекорд-Плэнт-Студиоз.
Дата выхода: 16 ноября 1973.
Mind Games.
Tight Ass Крепкая задница.
Aisumasen (I'm Sorry) Извини (япон.) (Извини).
One Day (At A Time) Однажды.
Bring On The Lucie (Freeda People).
Nutopian International Anthem Международный гимн ньютопистов.
Intuition Интуиция.
Out Of The Blue Из мрака.
Only People Только народ.
I Know (I Know) Я знаю.
You Are Here Ты здесь.
Meat City Город мяса.

АЛЬБОМ: Walls And Bridges Стены и мосты.
Джон Леннон и Пластик Оно Нуклеар Бэнд.
Запись: август 1974 в Нью-Йорке, Рекорд-Плэнт-Студиоз.
Дата выхода: 4 октября 1974.
Going Down On Love Муки любви
Whatever Gets You Thru The Night Что бы ни привело тебя

через ночь.

Old Dirt Road Старая грязная дорога.

What You Got Что у тебя есть.

Bless You Благослови тебя Бог.

Scared Страх.

#9 Dream #9 снов.

Surprise Surprise Удивление, удивление.

Steel And Glass Сталь и стекло.

Beef Jerky Вяленое мясо.

Nobody Loves You Никто тебя не любит.

Ya Ya Йа, йа.

АЛЬБОМ: Rock'n'Roll Рок-н-ролл.

Джон Леннон.

Запись: октябрь 1973 и октябрь 1974.

Дата выхода: 21 февраля 1975.

Be-Bop-A-Lula Би-Боп-А-Лула.

Stand By Me Постой около меня.

Medley: Rip It Up And Ready Teddy

You Can't Catch Me Ты меня не поймаешь.

Ain't That A Shame Это не стыдно.

Do You Want To Dance Хочешь потанцевать?

Sweet Little Sixteen Хорошенькая шестнадцатилетняя.

Slippin' And Slidin' Скользя во сне.

Peggy Sue Пегги Сью.

Medley: Bring It On Home To Me And Send Me Some Lovin' Поппури: Принеси домой и пришли мне немного любви.

Bony Moronie Бонни Морони.

Ya Ya Йа, йа.

Just Because Просто потому что.

АЛЬБОМ: Shaved Fish (Collectable Lennon) Бритая рыба (Избранное Леннона).

Джон Леннон и Пластик Оно Бэнд.

Дата выхода: 24 октября 1975.

Give Peace A Chance Дайте миру шанс.

Cold Turkey Холодная Турция.

Instant Karma Мгновенная Карма.

Power To The People Власть — народу.

Mother Мать.

Woman Is The Nigger Of The World Женщина — это всемирный негр.

Imagine Представь себе.

Whatever Gets You Thru The Night Что бы ни привело тебя

через ночь.

Mind Games Игры ума.

#9 Dream #9 снов.

Happy Xmas (War Is Over) Счастливое Рождество (Война окончена).

Reprise: Give Peace A Chance Реприза: Дайте миру шанс.

АЛЬБОМ: Double Fantasy Двойная фантазия.

Джон Леннон и Йоко Оно.

Запись: осень 1980 в Нью-Йорке (Хит Фэктори).

Дата выхода: 16 ноября 1980 (США).

(Just Like) Starting Over Начать сначала.

Kiss Kiss Kiss Целуй, целуй, целуй.

Cleanup Time Время уборки.

Give Me Something Дай мне что-нибудь.

I'm Losing You Я тебя потеряю.

I'm Moving You Я приведу тебя в волнение.

Beautiful Boy (Darling Boy) Прекрасный мальчик (Дорогой мой).

Watching The Wheels Глядя на колеса.

I'm Your Angel Я твой ангел.

Woman Женщина.

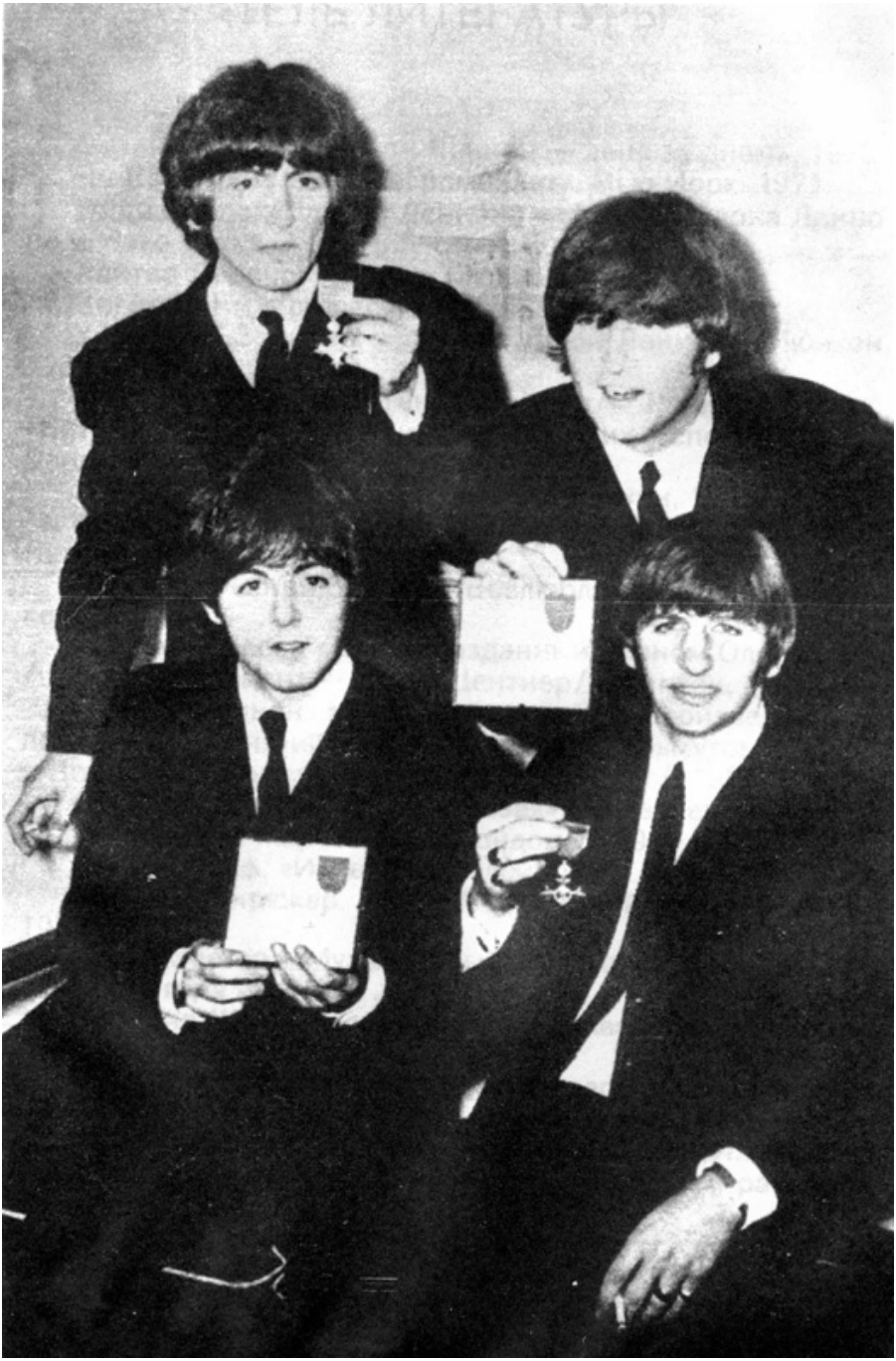
Beautiful Boys Красивые парни.

Dear Yoko Дорогая Йоко.

Every Man Has A Woman Who Loves Him У каждого мужчины есть женщина, которая его любит.

Hard Times Are Over Тяжелые времена позади.

Указатель литературы



Энтони Фосетт, «Джон Леннон — день за днем», 1976.

Ян Веннер, «Леннон вспоминает», Нью-Йорк, 1971.

Энди Пиблс, «Пленки Леннона — беседы Джона Леннона и Йоко Оно с Энди Пиблсом», Лондон, 1981.

Хантер Дейвис, «Битлз», Мюнхен-Цюрих, 1968.

Зигфрид Нидергезесс, «Битлз», Гамбург, 1976.

Уильям Ф. Спенсер, «Это был Джон Леннон», Мюнхен, 1980.

Ханс Ромбек / Волфганг Нойман / Райнер Моерс, «Битлз» (Их карьера — их музыка — их успехи), 1981; Бергиш-Гладбах.

Рэй Кулеман, «Джон У. Леннон», Мюнхен, 1985.

Филип Норман, «Кричи! Правдивая история „Битлз“», Лондон, 1981.

Мэй Пэнг / Генри Эдварс, «Возлюбленный Джон», Мюнхен, 1984.

«Сборник песен „Битлз“», изданный Аланом Олдриджем (немецкий вариант — Петер Центнер), Мюнхен, 1971.

«Джон Леннон в его собственных произведениях», переведено с английского на немецкий Хельмутом Коссодо и Вольфом Д. Рогосским, Райнбек (Гамбург), 1981.

«„Битлз“ в их собственных словах», составлено Майлзом, издано Пирсом Марчбэнком, Лондон, 1979.

Дэвид Шефф, «Интервью „Плейбою“», Нью-Йорк, 1981.

Вике / Цигенрюкер, «Рок-Поп-Джаз-Фолк», Лейпциг, 1985.

Хорст Зеегер, «Музыкальный лексикон», Лейпциг (без указания года издания).

Зигфрид Шмидт-Йоос / Бэрри Грэйвс, «Рок-лексикон», Гамбург, 1979.

«Let It Rock», издано Францем Шелером, Мюнхен—Вена, 1975.

Райнер Доллазе / Михаель Рюзенберг / Ханс И. Штолленверк, «Люди Рока, или Сцена, которая нужна», Франкфурт-на-Майне, 1974.

Хельмут Зальцингер, «Власть рока, или Насколько музыкальна революция?», Франкфурт-на-Майне, 1972.

Лотар Биски, «Тайный соблазнитель», Берлин, 1980.

Лотар Биски, «Шоу должно продолжаться», Берлин, 1984.

Томас Хойбнер, «Мятеж обманутых», Берлин, 1985.

Георг Ребшер, «Материалы для занятий популярной музыкой», Висбаден,1973.

Дитер Бааке, «Молодежь и субкультура», Мюнхен, 1972.

Дерте Хартвих-Вихель, «Поп-музыка: анализы и интерпретации», Кёльн (без указания года издания).

Альфред Мюр, «Наглые сыновья», Франкфурт-на-Майне, 1969.

Хельмут Шельский, «Скептическое поколение», Дюссельдорф —Кёльн, 1963.

Фридрих Хакер, «Агрессия», Гамбург, 1973.

Петер Вурер, «Свобода упряма и умирает бесконечно / Ливерпуль — о разрушении региона/», Зап.Берлин, 1983.

Алан Позенер, «Джон Леннон», Гамбург, 1987.

Использованные иллюстрации

Архив АДН (Allgemeine Deutsche Nachrichtendienst — информационное агентство бывшей ГДР)

Личный архив автора

PAN FOTO GmbH

Тони Шеридан

(*Прим. пер.*: все иллюстрации любезно предоставлены С.-Петербургскому отделению ИТАР-ТАСС Руди Бенциеном).